

ФИЛОСОФИЯ

УДК 316.33

ИДЕЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА В СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ

Н. Д. Грачёв

Саратовский государственный университет
E-mail: nik76@bk.ru

Статья посвящена рассмотрению трансформации идеи суверенитета под влиянием изменений, происходящих в структуре современного социального пространства. Процесс глобализации разрушает соотношение физического и социального пространства, что заставляет заново переосмысливать идею суверенитета и возможность ее применения в социально-философском знании.

Ключевые слова: суверенитет, социальное пространство, глобализация, национальное государство.

Idea of the Sovereignty in Space of a Modern Society: Socially-philosophical Aspect

N. D. Grachev

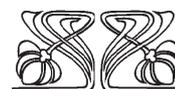
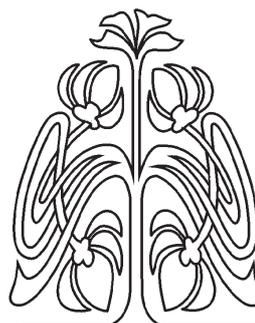
Article is devoted to consideration of transformation of idea of the sovereignty according the influence of changes occurring in structure of modern society. Globalization process destroys a parity of physical and social space. That forces to reinterpret an idea of the sovereignty and possibility of its application in socially-philosophical knowledge anew.

Key words: sovereignty, social space, globalization, national state.

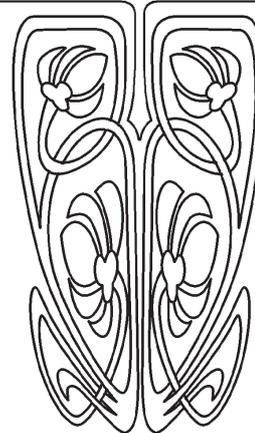
Суверенитет является одним из наиболее существенных признаков государства как политического субъекта, что зачастую приводит к рассмотрению его исключительно в политологической плоскости. Тем не менее сама идея суверенитета демонстрирует ее взаимосвязь с глубинными проблемами социально-философского дискурса: свободы и ее политического ограничения, взаимосвязи индивида и государства, государства и общества, а также пространственного измерения социального бытия.

С момента возникновения категории «национальное государство» суверенитет воспринимался в качестве неотъемлемой черты такой формы политической организации. Неудивительно поэтому, что первым теоретиком суверенности государственного строя стал французский философ Ж. Боден – современник основоположников теории общественного договора Т. Гоббса и Д. Локка. В рамках современной социально-философской теории понятие суверенитета означает, что «юрисдикция государства распространяется на всю его территорию и на всех людей, проживающих на этой территории, в силу суверенитета государство обладает правом устанавливать связи с другими государствами, защищать и реализовывать свои интересы»¹. Уже в этом определении устанавливается неразрывная связь между суверенитетом и определенным пространством, на которое он распространяется.

Для Ж. Бодена естественным представлялось непосредственное соответствие между ограниченной территорией и правом государства осуществлять на ней управление, возвышаясь над остальными политическими и социальными силами. Как и идея национального государства, идея суверенитета основывалась на соответствии фи-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

зического и социального пространства, когда пограничные столбы и другие атрибуты государственного разграничения не только маркируют территории проживания различных этнических и культурных общностей, но и обозначают пределы власти правителя или правительства.

Становление идеи суверенитета сопровождалось решением целого ряда социально-онтологических вопросов, один из которых – о легитимности политической власти. Несмотря на то что это понятие появилось в словаре социальных наук только в результате исследований М. Вебера, вопрос об истоках политической власти и тех причинах, которые заставляют граждан ее признавать и ей подчиняться, был поставлен еще в Средние века. Для Ф. Аквинского легитимность государственной власти обуславливалась божественной волей. Принцип соответствия земной и небесной иерархий являлся основанием для подчинения власти земных правителей. Эпоха Нового времени демонстрирует новые основания легитимации политической власти – для Ж. Бодена, как и для представителей теории общественного договора, подчинение государственной власти обусловлено тем, что она является продуктом осознанного выбора самого народа. Иначе говоря, легитимность суверенной государственной власти кроется не в ней самой, а в том обстоятельстве, что источником любой власти в обществе является народ.

Идея суверенитета, поставившая интересы разрозненных социальных групп под контроль государственной власти, оказалась необходимой в условиях становления национальных государств, пришедших на смену феодальной раздробленности. Но этот период, как справедливо замечает С. Краснер, заканчивается, когда актуализируются глобализационные процессы, наносящие кардинальный удар по сложившейся структуре социального и политического пространства². Суверенитет следует воспринимать не как универсальный политический феномен, определяющий онтологические основания сферы политического, а как сугубо контекстуальное явление, возникшее для решения конкретных политических задач, но обладающее определенным запасом инерции, позволяющим ему практически в неизменном виде оставаться актуальной политической характеристикой на протяжении вот уже четырех столетий.

При этом многообразии аспектов функционирования идеи суверенитета на протяжении ее истории, а также вариативность форм ее репрезентации в конкретной политической реальности заставляет обратиться к выявлению более дробных номинаций. С. Краснер обосновывает возможность рассмотрения суверенитета в четырех основных формах:

1) внутренний суверенитет как принцип организации публичной власти в государстве и контроля над ней со стороны общества;

2) взаимозависимость, позволяющая контролировать трансграничные передвижения;

3) международный правовой суверенитет, утверждающий равноправие государств на международной арене;

4) «вестфальский» суверенитет, запрещающий внешним акторам вмешиваться в распределение властных полномочий внутри государства³.

Эти четыре формы демонстрируют весь спектр проявлений государственной суверенности по отношению к собственным гражданам, нарушению собственных границ, а также границ сопредельных государств и, наконец, к мировому сообществу в целом. Выполнение данных функций позволило национальному государству, сформированному на основании Вестфальской системы соглашений еще в XVII в., благополучно справиться с центробежными тенденциями и выступить мощным фактором сплочения и конструирования наций⁴.

Четкая сегментация социального пространства в соответствии с географическими границами политических субъектов стала адекватным вызовом тем угрозам, которым европейские государства подвергались на ранней стадии своего становления. По словам А. Кустарёва, «манипулирование территорией сдерживалось не юридически, а идеологически, то есть культом родной земли, родины, но этот фактор становится все слабее, по мере того как ослабляется националистический *Zeitgeist* и усиливаются рациональные соображения. Территориальный суверенитет, вообще говоря, никогда не претендовал на доктринальную неотчуждаемость территории. Он всего лишь означал право на распоряжение территорией, а это предполагает продажу, переуступку, сдачу в аренду, хотя также и сохранение за собой»⁵. Но разрушение концепции национального государства в современных условиях заставляет по-новому оценить функциональность данных форм суверенитета и их соответствие соблюдению демократических прав и свободы личности.

Внутренний суверенитет, по мнению основоположников концепции общественного договора, должен был состоять в создании централизованной власти, которая получает полномочия от народа, но обладает правом использовать данные полномочия даже в том случае, если народ возражает против их применения. В сосредоточении власти в руках одного человека или собрания людей Гоббс и усматривал сущность государства. Развернутое же определение последнего, содержащееся в «Левиафане», гласит: «...государство есть единое лицо, ответственным за действия которого сделало себя путем взаимного договора между собой огромное множество людей, с тем чтобы использовать силу и средства всех их так, как сочтет необходимым для их мира и общей защиты»⁶.

В этом определении следует обратить внимание на три момента:

1) государство есть единое лицо. Это не означает, что во главе государства должен обязательно стоять один человек, суверенная власть может принадлежать и собранию людей. Но в обоих случаях власть государства едина и нераздельна, она сводит волю всех граждан в «единую волю»;

2) люди, создавшие государство путем взаимного договора, не только санкционируют все его действия, но и признают себя ответственными за эти действия;

3) верховная власть может использовать силы и средства подданных так, как сочтет это необходимым для их мира и защиты. При этом она не несет какой-либо ответственности за свои действия перед подданными и не обязана отчитываться за них.

В современной ситуации внутренний суверенитет рассматривается в первую очередь в качестве основания для выбора гражданами альтернативных моделей управления, одна из которых закрепляется как официально признанная. Западными теоретиками либерализма (например, И. Берлином) предполагалось, что наиболее адекватной формой политического управления является демократия (можно вспомнить по этому поводу знаменитую фразу У. Черчилля: «Демократия – не лучшая, а наименее худшая из возможных форм правления»). Вместе с тем термин «демократия» является достаточно многозначным, подразумевая значительную степень вариативности в выборе конкретных механизмов обеспечения доступа народа к власти. Нетрудно заметить, что между демократией греческого полиса и, например, современной концепцией «электронной демократии» пролегает огромная пропасть, хотя в обоих случаях высшей ценностью признается благо народа.

Подразумеваемая «суверенность» той или иной формы правления (монархия для Т. Гоббса, либеральная демократия – для И. Берлина) в условиях современной конкуренции идей и ценностей представляется не столь очевидной. Доведение до логического завершения принципа политической плюралистичности позволяет вести речь о возможности создания «суверенной демократии», сам принцип теоретизации которой делает суверенность основанием для индивидуального политического развития, совмещающего следование общечеловеческим ценностям с опорой на местную культурную и социальную реальность⁷.

Суть суверенитета взаимозависимости заключается в приоритете государства по отношению к иным социальным и политическим субъектам в выборе форм пересечения государственной границы, т. е. в определении степени угрозы в той или иной форме для территориальной целостности и независимости государства. По словам

Е. Кузнецовой, «суверенитет взаимозависимости, по существу, обозначает способность государства осуществлять контроль над финансовыми, людскими, товарными потоками, проходящими через границу государства»⁸. Возможность такого контроля в современном сообществе существенно снизилась, что создает дополнительные риски для безопасности граждан в условиях террористической и ядерной угрозы, но при этом не влияет на суверенность самого государства. Таким образом, угроза гражданам и угроза государству при условии следования классической идее суверенитета оказываются факторами, далеко не всегда совпадающими друг с другом.

Суть внешнего суверенитета заключается в репрезентации определенной общности людей – граждан данного государства – на международной арене, хотя этот аспект суверенности вторичен по отношению к внутреннему, так как только делегирование полномочий определенному правящему субъекту позволяет ему выступать от лица государства. Ключевой в данной ситуации становится проблема соотношения внешнего и внутреннего суверенитета, т. е. легитимности внутригосударственной и внешнегосударственной. Существование внутреннего суверенитета оказывается возможным только в условиях жесткой политической изоляции, что в современном мире является практически нереальным. Пример Северной Кореи и Кубы демонстрирует, с одной стороны, возможность достижения определенных соглашений на международной арене даже при отсутствии официального признания их правительств. С другой стороны, признание легитимности правящего субъекта на межгосударственном уровне еще не позволяет ему получить поддержку в самой стране.

Наконец, так называемый вестфальский аспект суверенитета заключается в доктрине невмешательства в дела других государств и требования такого же отношения к себе. Такая доктрина становится орудием в руках достаточно слабых политических образований, пытающихся юридически закрепить право на самостоятельное осуществление внутривнутриполитической жизни. Этот принцип, как показывает политическая практика, несмотря на свое императивное значение, также оказывается фиктивным, поскольку не исключает воздействия на внутреннюю политику государства экономическими или иными способами.

Таким образом, в современных условиях идея суверенитета позволяет по-новому ставить вопрос о пределах свободы, причем в двух аспектах. Во-первых, в ситуации кризиса либералистской (договорной) модели государственного устройства переосмыслению подвергается свобода индивида в рамках суверенного государства. Во-вторых, требуется трансформация и самого понятия «суверенное государство», поскольку степень его свободы в принятии политических решений подвергается значительной корректи-

ровке со стороны надгосударственных структур (ООН, МВФ и т. д.).

Подводя итог, следует отметить, что идея суверенитета переживает в настоящее время трудный период, и в связи с этим многие исследователи ставят вопрос о принципиальной несовместимости концепции суверенного государства с существующими тенденциями социально-политического развития. Вместе с тем основными субъектами политического пространства, как показывают события последних лет, по-прежнему являются суверенные государства, число которых не уменьшается, а возрастает (в результате, например, распада Советского Союза и Югославии). Но пути образования новых государств зачастую ведут к нарушению классических признаков суверенитета, что свидетельствует о необходимости концептуального переосмысления суверенности в свете новых горизонтов социально-философского знания. Анализ существующих политических практик подталкивает к поиску новых оснований и гра-

ниц этого понятия, которые позволят адекватно обозначать пределы государственной власти в условиях изменившейся конфигурации мирового политического пространства.

Примечания

- ¹ Гаджиев К. С. Введение в политическую философию. М., 2010. С. 81.
- ² Krasner S. Sovereignty. Organized Hypocrisy. Princeton, 1999. P. 11–12.
- ³ Idem. P. 15.
- ⁴ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М., 2001. С. 12–16.
- ⁵ Кустарёв А. Государственный суверенитет в условиях глобализации // Pro et Contra. 2006. № 4. С. 28.
- ⁶ Гоббс Т. Левиафан // Собр. соч. : в 2 т. М., 1961. Т. 1. С. 54.
- ⁷ Сурков В. Ю. Тексты 1997–2007. М., 2008. С. 4–7.
- ⁸ Кузнецова Е. Западные концепции государственного суверенитета // Международные процессы, 2010. Т. 8, № 2(23). С. 15.

УДК 1:316.61

РИСК И ЖИЗНЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО ЛИЧНОСТИ

В. С. Ерохин

Саратовский государственный университет
E-mail: V.S.Erohin@mail.ru

Статья посвящена анализу риска, жизненного пространства личности и положения риска в этом пространстве. Утверждается, что личность представляет собой ценностный субъект, проявляющий себя в пространственно-временном континууме. Полагается, что личность изначально свободна и открыта, она конструирует себя в творческом акте. Риск понимается как событие, имеющее потенциально неблагоприятный исход. Из этого делается вывод, что риск становится сущностной характеристикой личности и показателем ее открытости и способности к самоконструированию.

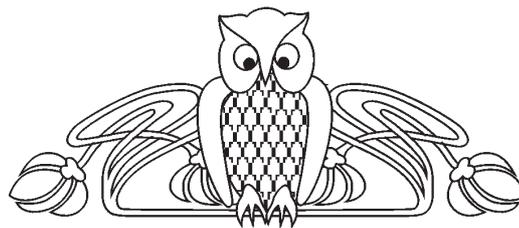
Ключевые слова: личность, идентичность, жизненное пространство, нормативность, свобода, ценность, риск.

Risk and Life-space of Person

V. S. Erohin

Article is devoted to analysis of risk, life-space of the person and researching of correlation among the concept of risk and the concept of life-space of the person. Author argues that the person is a valuable subject, manifesting itself in a space-time continuum. Person is initially free and open and designs itself in creative act. Risk offers as potentially failed event. Consequently, risk becomes basic characteristic of the person. That shows person's openness and ability to self-designing.

Key words: person, identity, life-space, liberty, value, norm, risk.

Основная проблема, рассматриваемая в статье, касается сущности риска и того, каково его место в структуре личности и ее жизненного пространства. Методологическим основанием для исследования является междисциплинарный синтез философских и конкретно-научных подходов. Под личностью понимается ценностный субъект, проявляющий себя в пространственно-временном континууме; телесность личности трактуется не как физико-биологическое тело, а как зависящее от ценностного содержания материально-смысловое поле, в области которого мы можем говорить о ее идентичности. Под телесной организацией мы понимаем материальное воплощение сути человека, выражение того, каким образом человек мыслит, сознает себя в мире. Более того, телесность представляет собой средство самопрезентации личности¹.

Под временным континуумом личности подразумевается историческая характеристика человека – средство нашего внутреннего единства, основание такого внутреннего единения. Одновременно с этим временная данность мыслится как средство выражения смысла, сущности личности.

Такой смысл, положенный в основание исторической характеристики человека, может быть принят как критерий неповторимости, единственности и единичности этой характеристики.

Жизненное пространство личности понимается как область ее уникального, неповторимого существования, в котором становится возможной актуализация Я, а также полноценная самореализация человека. Оно представляет собой единство телесной и временной, биографической характеристик, поэтому жизненное пространство становится областью идентичности личности, ее тождественности своему Я.

Основными свойствами личности, с нашей точки зрения, являются свобода, творчество (конститутивность), нормативность и риск как принципы существования. Свобода – это преодоление и поиск себя, а также принцип формирования самости личности. Свобода как преодоление себя включает стремление к переосмыслению нравственно-этических и ценностных установок, выражающих духовность. Ницшеанский миф о трех стадиях превращения человеческого духа приводит к мысли о том, что в результате такого переосмысления (или, иначе, преодоления) человек становится свободным от устоявшихся стереотипов, способным к формированию собственной, неповторимой системы ценностных предпочтений и моральных установок, собственного жизненного пространства. Личность, преодолевая себя прежнюю, ищет и в конце концов творит себя такой, какой видит и сознает.

Еще одной, не менее важной характеристикой свободы является поливариантность выбора – осуществление выбора из множества возможностей, открывающихся в данном положении². Ж.-П. Сартр освободил человека, но лишь для того, чтобы повергнуть его в пучину еще большей необходимости – необходимости выбора, – поэтому экзистенциальный выбор связан прежде всего с ответственным и осознанным решением.

Творчество как свойство личности основывается на свободе и выражает креативную активность в отношении как жизненного пространства, так и ценностной структуры личности. Мироощущение личности, понимание ею своего места в мире позволяют ей сформировать собственный уникальный мир, построенный на значимых для нее принципах. Таким образом, личность, творящая собственную систему значимостей, выстраивает в соответствии с ней как пространственную, так и временную характеристику. Процесс творения себя, своей самости и, как следствие, собственного жизненного пространства основывается на единстве свободы и ответственности. Свобода и творчество представляют собой характеристики потенциальности личности. Человек – это проект, и именно поэтому, принимая экзистенциальное решение, каждый из нас творит себя.

Еще одной существенной характеристикой человеческой реальности является ее норматив-

ность, т.е. потребность в формировании норм поведения, которые превращаются в мотивационные обстоятельства индивидов как перед обществом³, так и перед самим собой. Понятая таким образом нормативность представляет собой выражение непригодности человека к окружающей его природе, поэтому можно говорить, что норма становится атрибутом человеческого бытия, вынужденно сотворенной самим человеком⁴. Нормативность человека является следствием его потенциальности. Она может быть рассмотрена с двух точек зрения. Во-первых, это «телесная» нормативность, под которой подразумевается жесточайшая регламентация всех сторон человеческого существования. Здесь акцент делается на биологическую характеристику человека, который понимается как животное среди других живых существ, обладающее при этом несколько более сложной структурой. «Телесная» нормативность человека формируется благодаря его телу как биологическому организму. Первичная адаптация – опредмечивание среды по образу человека – основывается на знании собственного тела, его биологического механизма. Нормативность в качестве системы биологических детерминант, позволяющих выжить, представляет собой защитную реакцию природы против того, что в деятельности ума может быть угнетающим для индивида и разлагающим для общества⁵. Ее аналогом можно считать систему табу в древних обществах, накладывавшую запрет на определенные виды деятельности, нормируя тем самым поведение людей.

Второй тип нормативности представляет собой средство самореализации человека. Это своего рода «надприродная» нормативность, которая по своей сути является схемой таких условий или правил поведения, в рамках которых человеческая индивидуальность, личность будет полнее всего реализовываться. Именно в этом отношении переоценка всех ценностей, о которой так громко заявил Ницше, осуществляется отчетливее всего. «Надприродная» нормативность возникает как следствие социализации личности. Ощущая потребность в наличии определенных правил или норм действия, она перерабатывает устоявшиеся ценности и принципы поведения и трансформирует их под себя, что позволяет ей конституировать собственную индивидуальность. И такое формирование норм и принципов существования личности, в рамках которых мы можем говорить о ее самореализации как пространственно-временной данности и, следовательно, о личностной идентичности, основывается на свободе как преодолении и поиске себя, формировании собственной самости. Таковую нормативность можно определить как «жизненную» систему норм и принципов существования.

Можно утверждать, что оба типа нормативности фундируют процесс социализации личности. Вполне естественно, что для этого необходима

устоявшая система ценностей, заложенная в социуме в качестве общего, надындивидуального культурного пласта. Понятие перво-Я Гуссерля можно интерпретировать в качестве единого смыслового пространства intersубъективных отношений, в котором протекает процесс мета-эгологического трансиндивидуального конституирования индивидуального субъектного бытия каждого ego – процесс формирования конкретно-содержательных перспектив интенциональной жизни каждого Я, а также их обмена, рецепции, трансформации и т.д. Это перво-Я, так же как и каждое отдельное Я, обладает конституитивностью. Последнюю, видимо, так и следует понимать. Иначе говоря, перво-Я есть пространство взаимоконструирования ego и alter ego как равнозначальных, несводимых друг к другу конститутивных центров. И именно благодаря перво-Я реализуется первичное формирование Я через осуществление пассивного синтеза⁶. Таким образом, перво-Я может быть понято в качестве общей культурной традиции, причем относимой не только к ныне существующим ego, но также и к прошлым и будущим. Такое вхождение в культурную традицию, так или иначе присутствующую в перво-Я, Гуссерль называет генеративностью, понимая под ней связь ныне живущих и давно умерших личностей, которые, тем не менее, могут быть сколь угодно часто повторенными, актуально присутствуя в перво-Я в качестве культурного наследия, культурного опыта и участвуя в становлении ныне живущих Я как конституирующих инстанций⁷.

Нормативность, характеризующая личность в качестве творческого субъекта, позволяет сделать вывод о ее открытости – и в первую очередь открытости будущему. Дальнейшая логика рассуждения об открытости и потенциозности личности приводит нас к идее неопределенности будущего и, соответственно, к риску как неотъемлемой характеристике личности.

В социологической литературе сложилось большое количество трактовок понятия «риск»⁸. Для нас интересна точка зрения, согласно которой риск представляет собой оцененную неопределенность, феноменально существующую в сознании человека⁹. Суть рискованной деятельности состоит в оценке результатов комплекса возможностей в координатах «шанс – опасность». Риск представляет собой социальное поведение субъекта, осуществляемое в условиях неопределенности его исходов. Неопределенность выступает как конституирующий признак, т. е. среда появления риска¹⁰. Таким образом, выделяются два важных параметра риска – неопределенность и диалектика сочетания «успех – ущерб». Ситуация риска заключается в том, что личность попадает в условия, когда изначально отсутствуют готовые решения, методики поведения. Возможные последствия рискованного предприятия зависят от человека, от его решения и ответственности за результаты его проведения в жизнь. Таким образом, и успех,

и ущерб становится достоянием личности, результатом принятого ею решения и предпринятых действий. Соответственно, «вменить риск мы можем только осознанному поведению субъекта, включающему творческий акт выбора целей, средств и способов их достижения»¹¹. Рискующая личность, будучи ценностным образованием, не только оценивает, но и пытается получить желаемое, оценивая при этом и возможность негативного исхода. Можно сказать, что риск – это ситуация неопределенности, требующая от человека полноты ответственности в связи с возможностью понести ущерб.

Существует два основных подхода к пониманию риска – технологический и социальный. В рамках первого риск рассматривается как атрибут технологий, когда не учитываются субъективные ценности, а результаты сводятся к количественной оценке вероятности определенного ущерба. Характерной чертой риска в рамках данного подхода является его калькулируемость. Второй подход усматривает непосредственную связь оценки риска с ценностями и нормами социального характера и учитывает социокультурный контекст¹². Именно поэтому социальный подход для нас является приоритетным.

Риск как состояние неопределенности становится и показателем открытости человека будущему, его способности колонизировать будущее; он входит в жизненное пространство личности, становясь неотъемлемой ее характеристикой. Н. Луман, размышляя о сущности риска, утверждает, что некоторых выгод можно достичь только поставив что-то на карту¹³. Сравнить такую ситуацию можно с игрой в рулетку, когда принимается решение, какая будет ставка. Самоконструирование личности в условиях риска может требовать от последней предельной ставки: человек, рискуя, идет ва-банк, ставя на кон себя, поэтому риск в предельном своем выражении может пониматься как риск потери личностью собственной идентичности.

Подводя итог, можно сделать несколько выводов. Во-первых, личность представляет собой актуализацию ее ценностной структуры в пространственно-временном континууме. Жизненное пространство личности понимается нами как область ее уникального, неповторимого существования, самореализации. Оно представляет собой единство телесной и временной, пространственной и биографической характеристик. Во-вторых, свобода, творчество, нормативность и риск являются неотъемлемыми характеристиками личности. Свобода трактуется нами как преодоление себя, поиск и формирование собственной самости. Нормативность проявляется в двух вариантах – телесной и социальной (статической и динамической). Социальная нормативность становится показателем открытости личности будущему, ее способности к творчеству и свободному и ответственному самоконструированию. На

этом основании возникает риск как показатель потенциальности и неопределенности исхода; он понимается как показатель открытости личности. Риск определяется нами как сущностная характеристика личности, возможность преодолеть собственную ограниченность в самореализации.

Примечания

- ¹ Горина А. В., Кулешева С. В., Толмачёва М. С. Декоративная косметика и социальное поведение // Культура, наука, человек в постсовременном обществе : сб. ст. молодых ученых / под ред. С. М. Малкиной. Саратов, 2009.
- ² Лосский Н. О. Учение о перевоплощении ; Интуитивизм. М., 1992.
- ³ Устьянцев В. В. Институциональный человек и порядок в дискурсах типов рациональности // Мир человека: нормативное измерение : сб. науч. ст. Саратов, 2009. С. 37.
- ⁴ Невважай И. Д. От сущего к должному: нормативность как принцип человеческого бытия // Там же. С. 5.
- ⁵ Lévy-Bruhl L. La mentalité primitive. P. : Alcan, 1922. P. 17–18, 24.
- ⁶ Борисов Е. Проблема интерсубъективности в феноменологии Э. Гуссерля // Логос 1991–2005. Избранное : в 2 т. М., 2006. Т. 2. С. 170.
- ⁷ Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Введение в феноменологическую философию. СПб., 2004. С. 365.
- ⁸ Зубков В. И. Социологическая теория риска : учеб. пособие для вузов. М., 2009.
- ⁹ Афанасьев И. А. Философские основания теории социальных рисков / под ред. А.Н. Николаева. Саратов, 2006. С. 37.
- ¹⁰ Зубков В. И. Риск как предмет социологического анализа // Социс. 1999. № 4. С. 6.
- ¹¹ Там же. С. 5.
- ¹² Никитин С. М., Феофанов К. А. Социологическая теория риска в поисках предмета // Социс. 1992. № 10. С. 121–122.
- ¹³ Луман Н. Понятие риска // Thesis. 1994. № 5. С. 142.

УДК 111

НАПРАВЛЕНИЯ ПО ПРЕОДОЛЕНИЮ МОЗАИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ СТРУКТУРЫ ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ

Д. С. Кузнецов

Поволжская академия государственной службы им. П. А. Столыпина
E-mail: dmi22364343@yandex.ru

Статья посвящена анализу проблемы разобщенности структуры современного философского знания. Автором представлен возможный подход образования структуры философского знания, который формируется на основе трех современных направлений философии – герменевтики, аналитической философии и постмодернизма, где объединяющим началом выступает научный симулякр.

Ключевые слова: постнеклассическая философия, структура философского знания, разобщенность.

Three Directions for Overcoming the Mosaic Structure of Modern Philosophical Knowledge

D. S. Kuznetsov

Article is devoted to the analysis of a problem of dissociation of the structure of modern philosophical knowledge. Author presents possible approach of the formation of the determinate structure of philosophical knowledge. That is formed in three contemporary trends of philosophy – the hermeneutics, the analytical philosophy and postmodernism, where scientific simulacrum as the uniting beginning comes out.

Key words: postneclassical philosophy, structure of the philosophical knowledge, dissociation.

В истории философии единственного пункта, на котором сформировалась бы определенная

структура философского знания, не было. Одной из причин этого является разрыв целостности бытия, который дестабилизирует «структуру» современного философского знания. Поэтому наблюдается забвение теоретического уровня (классическое понимание бытия) и отрицание эмпирического базиса (совокупных фактов, на основе которых возникает теория). В результате возникает мозаичность (разобщенность) современной «структуры» философского знания, элементы (направления) которого зачастую не имеют ничего общего между собой. Усложняет положение дел и то, что в рамках неклассической и постнеклассической философии были отвергнуты и перестали быть обязательными элементы системности, концептуальности, структурности и прочие, что безусловно отразилось на теоретическом уровне современного философского знания. Кроме того, «... фактом в философии может быть любой элемент совокупного опыта субъекта, выраженный в том или ином языке»¹. Таким образом, факты философии выводятся за пределы самой философии, а эмпирический базис философской теории включает элементы, чуждые философскому знанию, и, следовательно, возникает проблема

анализа, выраженная в определении признака данной мозаичности и путей ее преодоления.

Как подчеркивает В.С. Швырёв, познавательная проблема должна выстраиваться вокруг концептуального ядра². На наш взгляд, определение современного философского знания должно основываться на базе таких направлений современной философии, как герменевтика, аналитическая философия, постмодернизм (к сожалению, анализ всех направлений невозможен в силу ограниченного объема статьи), где концептуальным ядром, или современным инвариантом философского знания, выступает интерпретация философии вне науки, т.е. не выходя за границу между «философией и собственно наукой», так как не каждое учение может вписаться в научные категории, а вписавшись, может приобрести новый уровень, где гипотеза обретет статус аксиомы, что, по сути, не отвечает предмету философского знания³.

Таким образом, признаком мозаичности современного философского знания служит симулякр (от лат. *simulacrum* – образ, подобие, копия) – философский концепт, введенный Ж. Бодрийяром, который представляет, с нашей точки зрения, новый, соответствующий своему времени вид – научный симулякр (т. е. подобие науки). Соответственно, научный симулякр – это симулякр, основанный на гипотетическом научном нигилизме, образовавшем тождество между философией и наукой, отрицающей саму суть философии, который является симулякром разрушения на пути к формированию структуры современного философского знания.

Так как эмпирический базис философской теории образует совокупность фактов (знания о явлениях, отражениях явлений), на основе которых она возникает, то признак мозаичности, соответственно, стоит искать в фактах ее деструктивности. «Теоретическое знание есть, с одной стороны, такое умозрительное знание, которое имеет в качестве своих следствий некоторое эмпирическое знание, а с другой стороны, это такое эмпирическое знание, которое имеет в качестве своих исходных посылок некоторое умозрительное знание»⁴. Однако теоретическое философское знание претерпело ряд существенных изменений. Так, согласно Хайдеггеру, сегодня можно выделить аналогичную классификацию деструктивности фундаментальной онтологии: разрыв разума, онто- терминологический разрыв, анто- экзистенциальный разрыв.

Все три факта отражаются в вопросе структуры современного философского знания. Таким образом, вопрос о сущности бытия надо ставить заново. Если обратиться к истории философии, то Аристотель в метафизике фиксирует положение сущего относительно бытия. Спустя две с лишним тысячи лет после Платона происходит знаменитое открытие Ф. Ницше: необязательность истины для метафизики, т.е. метафизика не ставит своей задачей познание истины. Ницше подтвердил в

метафизике ее основную, с нашей точки зрения, онтологическую суть, предрасположенность к пониманию всего, что лежит по ту сторону нашего разума, именно пониманию, а не познанию. Причина такого разностороннего подхода к сущему скрыта в его понимании.

Кроме того, современное мышление не решает проблему, а создает ее, т. е. не дает ясный ответ, а лишь старается правильно сформулировать вопрос, тем самым превращая его в задачу. Как отмечает И.П. Ильин: «Если классическая философия в основном занималась проблемой познания, то есть отношениями между мышлением и вещественным миром, то практически вся западная новейшая философия переживает своеобразный «поворот к языку» (*a linguistic turn*), поставив в центр внимания проблему языка, и поэтому вопросы познания и смысла приобретают ... чисто языковой характер»⁵. И наконец, исторически изменчивый этап нашей жизни, ежедневно новый тип информации, оспаривающий предыдущий эмпирический базис, осуществляет критику понимания бытия как присутствия, поэтому настоящее не существует и распадается на прошлое и будущее, где настоящее не равно себе. В связи с этим встает проблема присутствия и отсутствия бытия. Все это свидетельствует о том, что «научный симулякр» начинает широко испытывать себя в роли катализатора мозаичности философского знания. Подрывая классическое понимание философии и тормозя дальнейшее развитие философского знания (определения его структуры), «научный симулякр» играет роль замедленного «взрывного механизма». Последствия этого процесса не передаются в комментариях. На сегодняшний день можно выделить три главных направления философии общего содержания – это герменевтику, аналитическую философию и постмодернизм.

Начнем с герменевтики, центром которой является интерпретация, понимание текстов. Герменевтика рассматривает бытие человека в мире, его соотносимость с миром, где основным инструментом выступает понимание, посредством которого возможно преодоление границ между человеком и любым объектом бытия. Понимание должно быть жизненным, иметь дело с сущим. Человек испытывает интерес к сущему, так как изначально находится в мире сущего, у которого, как и у человека, есть свои границы. Соответственно, понимание будет достигнуто и истина откроется, если удастся преодолеть эти границы. Ключом к такому преодолению служит понимание текста, его «слияние» с человеком. При этом необходимо иметь в виду, что существует «герменевтический круг», в котором понимание строится по схеме части в целом, или же познание части неотделимо от целого, т. е. герменевтика служит ключом к пониманию онто-терминологического разрыва и сможет преодолеть проблему интерпретации понятийного философского аппарата, что, в свою

очередь, даст возможность сделать его логически связанным.

Отличительной чертой аналитической философии является «лингвистика» (философствование детального анализа при помощи логики и языка). Ее основатели Г. Фреге и Б. Рассел утверждали, что философия является логикой, так как начинается с объяснения предложений, того, что может быть истинным или ложным. Логика, как известно, занимается высказываниями, предложениями, которые, в свою очередь, состоят из слов, следовательно, она имеет языковой характер. Язык же – это граница мышления. Таким образом, язык в рамках онтологии и гносеологии стал «универсальным» инструментом понимания истины бытия. Определенную роль языка как архетипа знаний отмечает в своей работе М. Фуко⁶. Наиболее впечатляющей онтологической инновацией современности служит проект Ж. Деррида, представляющий деконструкцию онтологии. Аналитический стиль философствования отличается высокой рефлексивной культурой, стремлением к структурной продуманности. Так, согласно гипотезе Ф. Куайн, такой стиль представляет нам предпосылочный язык, последний дает искомый смысл (смысл одной теории интерпретации объектов в другую), в результате мы приходим к проблеме формулирования⁷. Границы языка аналитической философии будут являться и онтологическими границами бытия, что, по сути, благоприятно отразится на философской, а не научной интерпретации.

Постмодернизм связывается с широким кругом явлений в философии и культуре, но этот термин не является системным, потому что трактовки дают разнообразные интерпретации, и не позволяют выделить сущность данного термина. Однако постмодернизм определил развитие концепции языкового сознания (отождествление устной речи с письменным текстом). Трактовка языкового сознания состоит уже не столько в его текстуализации, сколько в способности человека представить себя и свой жизненный опыт в виде художественного повествования (позже идея была переинтерпретирована Ж. Лаканом, выдвинувшим идею текстуализации бессознательного). Эта доктрина постструктурализма не представляет нечто цельное (определенную структуру современного философского знания), поэтому единственным выходом избежать публицистики

служит использование постмодернизма совместно с герменевтикой.

Подводя итог, необходимо подчеркнуть, что в отличие от философии Нового времени, где возможно разграничение на материалистическую или идеалистическую концепцию, в современной философии (тех направлениях, о которых говорилось) этого сделать не представляется возможным. Тем не менее, они так или иначе решают проблемы отношения природы и мышления, объективной реальности и сознания, что, безусловно, является фундаментом понимания онтологии. Отсюда следует, что герменевтика, аналитическая философия и постмодернизм отражают онтологию теоретического уровня современного философского знания, а также его эмпирический базис, где идеями выступают познание текста (языка) и сознания в рамках преодоления «научного симулякра» философии. Эти направления могут служить основой современной структуры философского знания. Однако не стоит забывать, что каждая современная концепция, учитывая представленные, это лишь субъективный фрагмент современного философского знания на пути к его «упорядочиванию», следовательно, наша позиция (анализ) не является универсальной, а лишь отражает попытку решения одной из фундаментальных задач философии.

Примечания

- ¹ Мартынович С. Ф. Факт науки и его детерминация (философско-методологический анализ). Саратов, 1983. С. 51.
- ² Швырёв В. С. Теоретическое и эмпирическое в научном познании. М., 1978. С. 302.
- ³ Михалёв С. В. О соотношении науки и философии в мировоззрении П. А. Флоренского // *Вопр. философии*. 1999. №5(12). С.151–156.
- ⁴ Материалистическая диалектика : в 5 т. / под общ. ред. Ф. В. Константинова, В. Г. Марахова. М., 1981. Т. 1. С. 55.
- ⁵ Ильин И. П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мира. М., 1998. С. 14.
- ⁶ Фуко М. Археология знания / пер. с фр. С. Митина, Д. Стасова. Киев, 1996. 208 с.
- ⁷ Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада : учеб. хрестоматия / сост., пер., прим. и коммент. А. А. Печёнкина. М., 1996. 400 с.

УДК 316.346.32-053.81

ПАРАМЕТРЫ ДЕСТРУКТИВНОСТИ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В. П. Рожков

Саратовский государственный университет
E-mail: vladim-rozhkov@yandex.ru

В статье исследуется методологический ресурс деятельностного подхода в определении параметров деструктивности в процессе социализации молодежи. Автор доказывает, что его использование методологически ориентирует на поиск факторов деструктивности в сферах жизнедеятельности общества и сознания; на этом основании он обозначает параметры деструктивности в ареале взаимодействия информационно-коммуникативной среды и когнитивных структур сознания.

Ключевые слова: деятельность, социализация, общество, сознание, отчуждение, информация, коммуникация, симуляция.

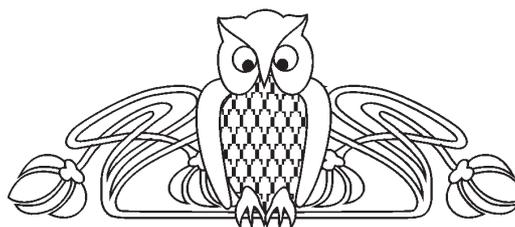
Parameters of Destruction in Youth's Socialization: Aspects of Methodology

V. P. Rozhkov

In the article the methodological resource of the activity-related approach to define parameters of destructive pattern in the process of socialization of youth's is investigated. The author demonstrates that use of this methodological resource focuses on process of search of destructive behavior factors in areas of social livelihood and person's conscious. Based on the performed study, the author specifies the level of the interaction of the destructive behavior parameters in information and communication fields as well as the cognitive structures.

Key words: activity, socialization, society, alienation, information, communication, simulation.

Методологический аспект определения параметров социальной деструктивности ориентирует на решение двух изначальных задач: выделение исходной категории, понятийно обозначающей динамико-образующее основание изучаемого явления и осуществление методологического выбора, дающего возможность исследовать уровни его (познаваемого явления) динамики. Представляется, что решение первой задачи может быть связано с введением такой истоковой в рассматриваемом случае категории как «социализация», которая выражает сложный, многокачественный процесс взаимодействия человека и общества. Изучение этого многомерного явления естественно предполагает использование множества разнообразных, в том числе и полярных принципов, подходов и методов, универсализуемых в пространстве исторически сложившихся философских парадигм. И это правомерно: проявления человека как индивидуального и социального субъекта слишком

многообразны и противоречивы по содержанию и формам.

С позиции научно-рационального направления классической философии социализация может быть связана с воспитанием и формированием личности или с обретением человекоподобным существом человеческой сущности в концептах homo sapiens, homo faber, homo spiritus, а в марксистской установке – homo socialis. Именно в последней методологической посылке к социальной константе «человечности» в человеке социализация обретает филогенетический (в формировании родовых свойств человечества) и онтогенетический (в становлении конкретного типа личности) смысл. В таком случае по категориальному содержанию ее логично определить следующим образом: *социализация – это процесс освоения индивидом исторически определенной системы знаний, умений, навыков, ценностей, норм и способов личностной самореализации как полноценным участником воспроизводства и преобразования социокультурной формы жизни*. Методологическая посылка к концепту homo socialis при выведении предлагаемого определения дополняется методологической ориентацией на концепты homo sapiens и homo faber, о чем свидетельствует включение в понятие социализации сигнально-смысловых терминов и выражений «знания», «умения», «навыки», «способы самореализации», «преобразование социокультурной формы жизни».

Если содержание сформулированного определения социализации разобрать в методологическом контексте, то можно обнаружить ключ к решению второй задачи. Во-первых, в нем просматривается принцип дополнительности в выводимых методолого-концептуальных обращениях. Так, центральная методологическая посылка к концепту homo socialis в предлагаемом определении, как было отмечено выше, дополняется методологической ориентацией на концепты homo sapiens и homo faber. Во-вторых, логически обусловленным результатом подобной реализации принципа дополнительности становится методологический выбор *деятельностного подхода*, аккумулирующего одно из фундаментальных

понятий классической философской традиции – «деятельность». Рационалистическое конструирование концепции деятельности осуществляется в пространстве классической философии. Однако методологическое использование деятельностного подхода отчетливо просматривается в теоретических построениях неклассической философии. Показателен в этом отношении методологический инструментарий диалектического и исторического материализма К. Маркса и Ф. Энгельса.

Антропологический аспект марксистской концепции деятельности базируется на методологическом обращении к первичности материального начала в человеческом существе. Отсюда все проявления разума трактуются как результат высшей психической деятельности, отражение природного и социального. На этом основании марксизм трансформирует идеи человека разумного и деятельного в доктрину человека социального. Именно в этом, а не в отсутствии антропологической темы вообще, проявляется, как надо полагать, один из признаков социотризма марксистской теории. Если же попытаться выявить интерпретацию историческим материализмом связи концептов «человек социальный» и «деятельность», то становится очевидным, что она проводится через категорию труда, отождествляемого с целесообразной деятельностью человека, под которой опосредованно подразумевается орудийное воздействие человека на природу с целью создания предметов (предметного мира), удовлетворяющих человеческие потребности. Это отчетливо просматривается при систематизации следующих ключевых характеристик сущности человека:

«человек есть часть природы», «человек живет природой», «природа есть неорганическое тело человека»;

человеческая «сущность природы существует только для общественного человека; ибо только в обществе природа является для человека звеном, связывающим человека с человеком»;

труд как практическое «созидание предметного мира, переработка неорганической природы есть самоутверждение человека как сознательного родового существа...»¹.

Приведенные положения позволяют характеризовать человека как предметно-социально-деятельностное, или общественно-производящее существо. Следовательно, в марксистской парадигме деятельность обретает культурно-универсально-преобразовательный смысл как специфически человеческая форма активного отношения к окружающему миру, содержание которой составляет его целесообразное изменение и преобразование.

В марксистки ориентированных науках о человеке общепризнано, что воплощая эту специфику или самоутверждаясь как «сознательное родовое существо», человек изначально создает между собой и природой «внеприродного», «орудийного» посредника, с помощью которого

начинает преобразовывать природный мир для «возможности жить» как человек. Создание такого посредника определяется К. Марксом как производство средств для удовлетворения первичных жизненных потребностей, а в широком смысле – как «производство самой материальной жизни» или «первый исторический акт»². В приведенном положении содержится ключ к обоснованию социального характера деятельности объективной необходимостью совместной деятельности мужчины и женщины при производстве жизни других людей посредством деторождения.

Естественно, возникающие в процессе такой совместной деятельности между мужчиной и женщиной общение, связь и отношение представлялись К. Марксу как «единственное» «вначале» социальное отношение, а оформляющая подобное социальное отношение «простая семья» логично воспринималась как первичная социальная общность, постепенно перерастающая в «сложную семью, так называемый племенной строй». Эти формы общения рассматривались теоретиком диалектического и исторического материализма как предпосылки «гражданского общества»³.

В итоге методологический ресурс деятельностного подхода в контексте концептуальной связи деятельности и «социальности» можно концентрированно выразить следующим категориальным рядом: производство жизни ↔ совместная деятельность ↔ общение ↔ связь ↔ общественные отношения ↔ социальная общность ↔ общество.

Одновременно реконструируемая связь выделенных категорий в проекции «совместная деятельность ↔ общение» методологически подводится в марксизме к выявлению еще одной связи – связи общения (а значит, и совместной деятельности), языка и сознания. «Язык так же древен, как и сознание; язык есть практическое, существующее также и для меня самого действительное сознание, – приходит к выводу К. Маркс, – и, подобно сознанию, язык возникает лишь из потребности, из необходимости общения с другими людьми»⁴. Таким образом, марксизм создавал теоретическую предпосылку для расширения пространства методологического ресурса деятельностного подхода, которое правомерно выражается категориальным рядом: совместная деятельность ↔ общение ↔ язык ↔ сознание индивидуальное ↔ общественное сознание.

Выделенный категориальный ряд содержит и еще одну теоретическую возможность, а именно выделение духовного ареала в материальной деятельности. Разработка деятельностного подхода в этом направлении подвела К. Маркса к заключению о первоначальной вплетенности сознания в материальную деятельность и последующем разделении труда как материальной и духовной деятельности, а также о следствии этого разделения – проявлении социального противоречия и отчуждения⁵. Категориально это направление

методологического потенциала деятельностного подхода правомерно выразить следующим образом: совместная деятельность ↔ материальная деятельность ↔ духовная деятельность ↔ разделение труда ↔ социальное противоречие ↔ отчуждение.

Проведенное исследование показывает, что деятельностный подход содержит эффективный методологический ресурс для использования в диапазоне научных изысканий по социализации человеческого существа вообще и социализации молодежи в частности. Каждая категория, и тем более категориальный ряд, ориентирует на определенный аспект и самостоятельное направление выявления материальных и внутренних факторов, физических и психических характеристик в конструктивных и деструктивных параметрах сложного и противоречивого процесса социализации современной молодежи.

Прежде всего, если обратиться к первому категориальному ряду, обнаруживается методологическая ориентация на поиск связи процесса социализации с функционированием общества и производством жизни человека. Определение общества в этом ключе может формулироваться соответствующим образом: *общество – социальная общность людей, осуществляющих организованную целенаправленную деятельность, в процессе которой создаются необходимые условия для производства жизни человека*. Естественно, последнее предполагает как биогенетическое производство в деторождении, так и культурное производство в создании социальной среды для превращения рожденного человеческого существа в человека. Иначе говоря, производство жизни человека органично включает в контексте предлагаемого определения общества сложный комплекс социализации ребенка, подростка, молодого человека и т.д.

Вместе с тем выделение производства жизни человека как целевой направленности функционирования общественной системы методологически ориентирует на введение *антропо-социально-виталистического* критерия при оценке характера конкретных форм, средств, способов и направленностей социализации. В случае применения такого критерия соответствующий аспект открывается в обосновании универсальных тенденций-противоречий, выражающих динамику общества. Речь идет о полярных тенденциях разрушения и созидания, проявляющихся в движении социальной системы – и с точки зрения классической, системного подхода, и с точки зрения синергетического.

Если реализовать научно-рациональную установку социальной философии с учетом методологического инструментария рассмотренного категориального ряда деятельностного подхода, то логически обоснованным представляется следующее заключение: тенденции-противоречия созидания и разрушения являются производным

деятельности человека как индивидуального и социального субъекта процесса социализации. Обращаясь к терминологии структурно-функциональной аналитики, можно представить, что в динамике социализации человека вариативно проявляется в виде результирующего вектора доминанта либо конструктивности, либо деструктивности (лат. *destructio* – нарушение, разрушение нормальной структуры чего-либо).

Посылка к *антропо-социально-виталистическому* критерию социализации позволяет конкретизировать данное заключение. Так, становится очевидным неразрывное единство триады человек ↔ общество ↔ производство жизни. Нарушение единства означает разрушение всех трех ее компонентов. Разрушительные процессы в одном из компонентов трансформируются в разрушительные тенденции в двух других. Таким образом, носителями деструктивности могут стать и человек как индивидуальный субъект, и общество как социальный субъект общественных изменений. Более того, деструктивность во взаимосвязи человек ↔ общество характеризуется одновременным прямым и обратным воздействием сторон рассматриваемого отношения. Проще говоря, утверждение деструктивного вектора в социальной динамике как результирующего в столкновении тенденций созидания и разрушения означает, что человек разрушает общество, а общество разрушает человека одновременно. Причем внутренний аспект деструктивности в отношении человек ↔ общество проявляется в том, что человек, разрушая себя, разрушает общество, а общество, разрушая человека, разрушает себя.

Направление разработки внутреннего аспекта (вернее, внутриантропного) деструктивности в социализации человека отражено во втором и третьем категориальных рядах концептуальной реализации деятельностного подхода. Ключевыми категориями выводных рядов являются «сознание» (индивидуальное и общественное) и «отчуждение». Нельзя не отметить, что в современных исследованиях сознания в контексте эволюционно-информационной эпистемологии когнитивная эволюция человека связывается с развитием «самовосприятия» и сопутствующим ему разделением человеческого «Я» и «Мира»⁶.

Усложнение когнитивных способностей в этом отношении сопровождается расширением параметров рецепции «Я» – «Мир», «Я» – «Другой», «Я» – «не Я» в понятийном ряду категорий: «различие» ↔ «разделение» ↔ «раздвоение» ↔ «противоположение» ↔ «отрицание» ↔ «противоречие». Все это означает, что рефлексирующее сознание предрасположено к трансформации рецепции «Я» – «Другой» в оппозицию «Я» – «Чужой» и деструктивному отрицанию «Чужого», когда основной формой отношений становится борьба. Следовательно, информация, способствующая закреплению как в индивидуальном,

так и в общественном сознании такой оппозиции, воспринимается им (сознанием) достаточно легко как установка на деструктивность в социальной деятельности на уровнях отношений: человек ↔ человек, человек ↔ общество, личность ↔ коллектив, индивид ↔ социальная группа, социальная группа ↔ социальная группа, социальная группа ↔ общество, общество ↔ общество, этнос ↔ этнос.

С позиции информационной парадигмы современной фазы цивилизационной динамики цивилизация осуществляется в социальной среде, образуемой потоком циркуляции информации между человеком и обществом. На этом основании логично предположить, что параметры деструктивности в процессе социализации могут образовываться информационными факторами общества с одной стороны, и когнитивными структурами сознания – с другой.

Внутренние условия деструктивной ориентации перцептивного и символического (вербального) сознания выявлены ранее⁷. Что касается информационных факторов общества, то, как представляется, они могут быть классифицированы по разным основаниям. Если учесть, что в проводимом исследовании решается задача изучения деструктивности в социализации молодежи, то правомерно проводить подобную классификацию по процессуально-деструктивному и институционально-информационному основаниям. Первое даст возможность выявить те негативные процессы во всех сферах жизни общества, которые усиливают отчуждение молодого человека от социально престижных видов деятельности. Думается, что среди подобных процессов целесообразно выделить:

резкую дифференциацию в отношениях собственности, разделении труда и распределении общественного продукта;

острую конкуренцию в получении престижных рабочих мест и нарастание безработицы;

ограничение доступа к образованию (в том числе по всем уровням профессионального образования), повышению квалификации и переквалификации;

примитивизацию форм духовного самовыражения, сужение каналов выхода на высший уровень духовно-интеллектуального творчества.

Интенсивное протекание таких процессов в экономической, социально-распределительной, политической и культурной сферах жизнедеятельности способствует обострению ощущения отчуждения, возрастанию проявления агрессивных настроений и готовности к разрушению социальной среды.

Второе ориентирует на анализ институционально-информационного источника деструктивности. В период посткнижной культуры на роль такового правомерно выдвигается глобальная информационно-коммуникационная среда (ИКС), создающая феномен виртуального

сетевого сообщества как пространства социализации молодежи. Средством формирования ИКС и, следовательно, виртуального пространства выступают СМИ, оперирующие информационно-телекоммуникационными технологиями (ИТТ). Инструментарий трансляции виртуальности составляют Интернет, мобильная телефония, телепрограммы, мобильный Интернет, интернет-ТВ и т. п. Все это вместе можно определить как информационно-телекоммуникационный ресурс виртуального социума.

Среди особенностей социальных коммуникаций виртуального социума в исследовании проявлений деструктивности, связанных с воздействием ИТТ на социальные, этнические, религиозные и индивидуальные субъекты, правомерно выделяется с посылкой к работе «Симулякры и симуляция» Ж. Бодрийяра такая характеристика, как симулятивность. Именно в симуляции и видится ключ к деструкции социализации, так как в конечном счете тотальная симуляция социальных феноменов ведет к упразднению, а значит, разрушению реальности. Следствием подобной замены реальности спекулятивным образом становится подмена коммуникации симуляцией общения. Думается, что в этом случае можно выделить две исходные зоны деструктивности:

прямого деструктивного воздействия на индивидуальный и социальный субъекты;

опосредованного деструктивного воздействия на индивидуальное и общественное сознание.

Первая образуется ориентацией СМИ и ИТТ на создание виртуального пространства катастроф, когда индивидуальному субъекту постоянно транслируется информация о происходящих природных, техногенных, гуманитарных, социальных катастрофах. Сюда же относятся, к примеру, все формы ИТТ, содержание которых составляет апологетика вооруженных видов борьбы, индивидуального и массового террора, социальных переворотов, межнационального и межконфессионального насилия и кровопролития. Вторая включает в свой ареал завуалированные типы информационного воздействия на психику, сознание, интеллектуальное развитие и духовные ценности человека. Целевая направленность содержания подобного воздействия предполагает «размывание» смыслов и значений в системе таких культурных универсалий, как ценности, знания, деятельность. Эффективность противостояния обозначенному деструктивному воздействию на процесс социализации молодежи в целом определяется, как можно предположить, уровнем информационной культуры.

Работа выполнена при финансовой поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы (ГК № 02.740.11.0592).

Примечания

- ¹ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. : в 50 т. 2-е изд. М., 1974. Т. 42. С. 92, 93, 118.
- ² Маркс К., Энгельс Ф., Фейербах Л. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения : в 3 т. М., 1983. Т. 1. С. 19–20.

- ³ Там же. С. 28–29.
- ⁴ Маркс К., Энгельс Ф., Фейербах Л. Там же. С. 22.
- ⁵ Там же. С. 13, 22, 23, 26.
- ⁶ Бескова И. А., Герасимова И. А., Меркулов И. П. Феномен сознания. М., 2010. С. 72–73.
- ⁷ Рожков В. П. Методология разорванного мира // Духовный континент русской философии. Саратов, 2009. С. 201–211.

УДК 1(100)+929 Конфуций

КРОССКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ: ФИЛОСОФСКО-КОМПАРАТИВИСТСКИЙ АНАЛИЗ

Э. Р. Фахрудинова

Саратовский государственный университет
E-mail: elmirafah@yandex.ru

В статье представлена специфика кросскультурного диалога в пространстве современного глобального мира. В работе сформулирован вывод о том, что диалог культур в настоящее время является условием для самосохранения человечества.

Ключевые слова: диалог, взаимодействие, культура, конфуцианство, компаративистика, кросскультурный диалог, глобализация.

Cross-cultural Dialogue in the Global World: Philosophical-Comparative Analysis

E. R. Fakhrudinova

This article represents a specific cross-cultural dialogue in a space of modern global world. We have formulated the conclusion that the dialogue of cultures nowadays is a condition of mankind's self-preservation.

Keywords: dialogue, interaction, culture, Confucianism, comparative studies, cross-cultural dialogue, globalization.

Понятие «кросскультурный диалог», как и «диалог цивилизаций», вошло в лексикон и стало привычным словосочетанием в философии, политологии и культурологии относительно недавно, хотя история всего человечества представляет собой диалог, взаимодействие, являясь средством реализации коммуникационных связей, условием взаимопонимания людей. Тем не менее о диалоге применительно к взаимоотношениям именно культур и цивилизаций широко заговорили лишь в конце XX в. в связи с мировым кризисом и переходом от индустриального общества к постиндустриальному.

Проблемы кросскультурного взаимодействия и диалога, когда выявляются параллелизм и аналогия в развитии различных философских систем Востока и Запада, относятся к первостепенным и труднейшим проблемам современной философии,

стремящейся к самообновлению. Исследования по данной проблематике ведутся в рамках философской компаративистики, сравнительного анализа восточной и западной культур и проекта создания глобальной этики, или макроэтики. Однако этим исследованиям не хватает сбалансированности вследствие недостаточной изученности восточной традиции. «Компаративная философия как “понимающая” наука, как философствование по поводу *сходств* (сведения к единообразию, к общим представлениям об объектах сравнения), построение теоретической типологизации (отражающей развивающийся объект, обнаруживающей переход от сходства к различию, переход в “свое другое”), и *различий*, опирающаяся на результаты смежных философских дисциплин, ориентирована на *создание транскультурного основания для сравнения и понимания философских культур и традиций*. В этой связи сравнение является не только техникой сопоставления, различения и объединения, а познавательно-преобразовательным мировоззрением, которое предполагает не только изобретение определенных знаний и навыков, а коррекцию и иногда глубокую *перестройку ценностных структур культуры*, личности, помогая человеку изменить, перестроить социально-культурную среду своего обитания»¹.

Идея диалога имеет свои давние традиции. Древнейшие историко-философские тексты Индии наполнены идеей единства культур и народов, макро- и микрокосмоса, размышлениями о том, что здоровье человека во многом зависит от особенностей его взаимоотношений с природой. Изучением диалога занимались также древнегреческие философы-софисты, Сократ, Платон, Аристотель, философы эпохи эллинизма. Диалоговое пространство ими было сформировано на основе

духовной культуры, признания плюрализма мнений, равноправия точек зрения, признания общечеловеческих принципов. В Средние века диалог применялся главным образом в нравственных целях. П. Абеляр в своем сочинении «Диалог между философом, иудеем и христианином» предвосхитил диалог не только конфессий, но и культур. Несмотря на то что диалог как форма межчеловеческого общения существует с давних времен, по-настоящему проблемами диалогических отношений занялись только немецкие философы И. Кант, И. Фихте, Ф. Шеллинг около двухсот лет назад, когда они изучали проблему субъекта и его познающих возможностей. Далее, развивая идеи И. Фихте об инаковости и взаимообусловленности «Я» и «Другого», Л. Фейербах продолжил исследование диалога в XX в. И. Гердер считал взаимодействие культур способом сохранения культурного многообразия.

Глобализация и глобальные проблемы современности способствуют кросскультурному диалогу, но для взаимопонимания и построения диалога недостаточно одной доброй воли – необходима кросскультурная грамотность (понимание культур других народов), которая включает в себя «осознание различий в идеях, обычаях, культурных традициях, присущих разным народам, способность увидеть общее и различное между разнообразными культурами и взглянуть на культуру собственного сообщества глазами других народов»². Важно отметить, что в современном глобальном мире кросскультурный диалог усложнился в силу целого ряда причин. Со взаимодействием культур разных традиций связаны и актуальные проявления фундаментальных проблем. Специфика их решения находится в рамках систематического диалога многих культур, а не одной, пусть даже преуспевшей. «Решение этих проблем предполагает такую глобализацию взаимодействия культур в пространстве и во времени, при которой реальностью становится самореализация всех и каждой культуры через взаимодействие всех с каждой и каждой со всеми другими. На этом пути проблематизируется сам механизм взаимодействия культур»³.

Новое мировоззрение в условиях глобализации современной жизни приводит к необходимости создания нового культурного пространства, в котором культура и традиции всех народов находятся в состоянии активного диалога и взаимодействия, ведь «глобальный мир необходимо создавать в диалоге цивилизаций как общее пространство многогранной духовности – всегда открытое и вечно совершенствующееся в процессе понимания другого»⁴. Однако здесь выявляется актуальнейшая проблема современности – принципиальная неготовность западной цивилизации вести равноправный диалог с восточно-азиатскими цивилизациями – конфуцианским, мусульманским и индо-буддийским миром.

Сложность данной проблематики заключается в противоречии между индивидуалистическим духом западного понимания прав человека и азиатскими ценностями, ориентированными главным образом на приоритет общественных интересов, поэтому необходим тщательный компаративистский анализ различия культурфилософских традиций. По словам М. Элиаде, «рано или поздно диалог с “другими” – с представителями традиционных, азиатских и “первобытных” культур – должен будет начаться уже не на сегодняшнем эмпирическом и утилитарном языке (который в силах выразить лишь социальные, экономические, политические, медицинские реалии и т.д.), но на языке культуры, способном к выражению человеческих реальностей и духовных ценностей. Такой диалог неизбежен; он вписан в судьбу Истории. Трагической наивностью было бы полагать, что он может до бесконечности вестись на ментальном уровне, как это происходит сейчас»⁵.

В 90-х гг. прошлого века в европейских дискуссиях о правах человека конфуцианство было едва ли не первостепенной темой для обсуждения в СМИ, в научно-политических кругах. Это обсуждение в отечественных академических кругах привело к пониманию общечеловеческого ресурса классического конфуцианства, что является весьма значительным достижением в китайской и российской синологии. «Так, модернизационные процессы в современном Китае замечательны тем, что китайское руководство в максимальной степени использовало китайские традиции и ценности, и прежде всего традиции и ценности конфуцианства: усердие, бережливость, осторожность, смирение с бедностью, традиционный приоритет земледелия над прочими видами хозяйственной деятельности, примат справедливости над выгодой, культ семьи, высокая рациональность, самодисциплина и др.»⁶. Заметим также, что известный китаевед Г. Пауль (Германия) в своих работах сделал существенный вывод: классическое конфуцианство представляет собой возможное рациональное основание для универсализации этических законов – или, по крайней мере, этому не противоречит. Эти достижения стали причиной для востоковедов и философов-компаративистов, чтобы продолжить поиск и разработку предельных оснований подобной макроэтики через сравнительный анализ этико-философских учений, концепций и понятий западно-европейской, буддийско-конфуцианской, мусульманской и других цивилизаций и выявить в них общее.

Главное отличие исторического развития Китая от исторического развития Запада заключалось в присутствии в восточном мировоззрении акцента на этику отношений между людьми в процессе социализации человека. Дух китайской культуры – это дух «учения о человеколюбии». Все реформы, проведенные в Китае, – политиче-

ские, экономические, идеологические и культурные – неразрывно связаны с человеком как основой всего, и ни одна из реформ не может привести к успеху в отрыве от него. Поэтому в настоящее время проблема человека – это средоточие всех проблем, а теории о человеке – это средоточие всех теорий.

Перестройка культуры включает в себя преобразование традиционных представлений и ценностей. Большую роль в этом играют ценностные представления Запада. Фактически они последние сто с лишним лет непрерывно проникают в китайскую культуру, которая уже не способна сохранять свой прежний облик. Проблема заключается в том, чтобы сознательно руководить развитием культуры в наиболее рациональном направлении, однако существуют различия между китайским и западным, новым и старым гуманизмом. Основа западного гуманизма – это понятие свободы, а китайским традициям присущ гуманизм, основой которого является этика отношений между людьми. Этим отношениям китайцы придавали большое значение – они считали, что именно наличие у людей норм и принципов отношений отличает их от животных. Такие нормы представляют собой естественную и рациональную сущность самого человечества, поэтому одной из особенностей традиционной культуры Китая является единство трех понятий – «истина», «добродетель» и «красота». Ключевым в этом триединстве является понятие «добродетель», которое использовалось для того, чтобы отличать друг от друга добродетельное и порочное, заботу об общем благе и корыстолюбие. В китайской культуре эти понятия возникли весьма рано, кроме того, в ней сразу же сформировалась тенденция комплексного решения заключенных в них проблем. Вследствие этого в китайской традиции в целом акцент делался на этических ценностях.

Вопрос о сущности «китайской специфики» стал одним из важнейших в китайском национальном самосознании XX в. Он тесно связан как с прошлым страны, так и с ее настоящим и будущим, поскольку в его постановке содержится попытка выявить элементы преемственности и устойчивости в китайской культуре, а также определить их своеобразие, жизнестойкость и перспективность в условиях современного мира, и, в частности, понять насколько китайская культурная традиция в состоянии предложить современному миру модели решения глобальных проблем. По мнению М. Т. Степанянц, «согласно конфуцианским представлениям, модель будущего мира должна символизировать гармоническое единство всех существующих цивилизаций»⁷. В социально-этической доктрине конфуцианства гармония представляет собой универсальный путь, которого следует придерживаться при любых обстоятельствах. Она предполагает умеренность во всем, например в эмоциях и желаниях, отказ от противоречивых поступков, т. е. реализа-

цию принципа «золотой середины». Лишь таким путем можно сохранить мир и избежать насилия. Гармония, тем не менее, не исключает и различий. Так, современному обществу необходима гармония взаимодополняющих различий («гармония через различия») во имя всеобщего процветания, поэтому конфуцианская модель глобального мира исключает доминирование какого-либо государства (или группы государств). «Глобальный мир должен сохранять культурное многообразие и уважать право каждого народа действовать в соответствии с собственными культурными идеалами и ценностями»⁸.

Социально-этическая доктрина традиционного конфуцианства актуальна и созвучна общечеловеческим нравственным ценностям. Фундаментальные конфуцианские принципы совпадают с главными морально-нравственными установками «мирового этоса», что говорит о перспективах построения кросскультурного, межнационального, глобального диалога между философами, религиозными деятелями и учеными западно-европейских и восточно-азиатских культур по вопросам актуальных этических ценностей и норм. Тем не менее необходимость и важность современного преобразования конфуцианской традиции очевидна. Согласно А.В. Ломанову, «характерная черта постконфуцианства состоит в движении по направлению от классической традиции к ее обновлению, переосмыслению и реинтерпретации путем синтеза с западной философией на всех уровнях – начиная с формы мысли и кончая существенной метафизической проблематикой»⁹. Теперь в центре внимания современного конфуцианства проблема «трансформации [китайской] традиции для включения ее в дискурс западной философской традиции»¹⁰. Происходит полный переход от комментирования к оригинальному философскому творчеству.

Итак, на основе проведенной теоретической рефлексии можно сказать, что конфуцианство правомерно рассматривать как важнейшую составляющую *кросскультурного и интеркультурного диалога*. Этому способствуют факторы долговечности и значимости его как организующего и духовного начала китайской культуры; его этико-политическая доктрина, ориентированная, прежде всего, на мораль и нравственность в политике и образовании, которая способствовала становлению социокультурного генотипа, лежащего в основе воспроизводства и автономного саморегулирования общества; способность конфуцианства к восприимчивости критики и саморефлексированию¹¹.

Кросскультурный диалог в глобальном мире – процесс сложный и порой болезненный, однако именно с идеей конструктивного диалога культур сегодня многие связывают не только решение глобальных проблем современности, но и сохранение человеческой цивилизации. Поэтому необходимо обеспечить оптимальное взаимодействие, диалог народов и культур в интересах каждой из сторон,

а также в интересах общества, государства, мирового сообщества. Построение кросскультурного диалога – это реальная возможность преодолеть глубочайшие противоречия духовного кризиса, избежать экологических катастроф, минимизировать риски глобализации.

Примечания

- ¹ Колесников А. С. Кросскультурное взаимодействие в современном мире и диалог культур // Paradigma. 2004. № 2. С. 67.
- ² Лапшин А. Г. Международное сотрудничество в области гуманитарного образования: перспектива кросскультурной грамотности // Кросскультурный диалог: компаративные исследования в педагогике и психологии : сб. ст. Владимир, 1999. С. 47.
- ³ Гордиенко А. А. Антропологические и культурологические предпосылки коэволюции человека и

природы: философско-антропологическая модель коэволюционного развития. Новосибирск, 1998. С. 76–78.

- ⁴ Василенко И. А. Диалог цивилизаций. М., 1999. С. 18.
- ⁵ Элиаде М. Мефистофель и андрогин / пер. с фр. СПб., 1998. С. 16.
- ⁶ Чжан Сянко. Модернизационные процессы в современном Китае. Пекин, 1999. С. 47.
- ⁷ Степанянц М. Т. Восточные сценарии глобального мира // Вопр. философии. 2009. № 7. С. 39.
- ⁸ Там же. С. 43.
- ⁹ Ломанов А. В. Место метафизики в философии периода Китайской республики // 4-я Международная научная конференция «Китай и мир» : тез. докл. М., 1993. С. 15.
- ¹⁰ Cheng, Chung-ying. New Dimensions of Confucian and Neo-Confucian Philosophy. Albany, 1991. P. 74.
- ¹¹ См.: Колесников А. С. Указ. соч. С. 68.

УДК 111.1

КОНЦЕПЦИИ ДЛИТЕЛЬНОСТИ КАК ОСНОВА НЕОАНИМИСТИЧЕСКИХ ОНТОЛОГИЙ

К. Н. Фомина

Саратовский государственный технический университет
E-mail: fonikris@mail.ru

Статья посвящена проблеме различия «одушевленного» и «неодушевленного». Проблема рассматривается в рамках онтологической концепции потока времени – идеи длительности А. Бергсона и концепции «синтеза времени» Ж. Делёза. Делается вывод о наличии множества уровней, интенсивности в степени одушевленности, а также зачатков души как форм синтеза времени.

Ключевые слова: одушевленность, длительность, поток, синтез времени, пассивный синтез, трансцендентальный субъект, материя, сознание, память-сжатие.

Conceptions of Duration as Basis of the Neanimistical Ontologies

Ch. N. Fomina

The article devoted to problem of distinction of «animated» and «inanimate» categories. The problem is examined in a context of ontological conception of the stream of time (the Bergson's idea of the duration and Deleuze's conception of «synthesis of time»). It comes to the conclusion about presence of great number of levels, intensities in the degree of animated, and also about the great number of rudiments of the soul as a forms of the synthesis of time.

Key words: animated category, duration, stream, synthesis of time, passive synthesis, transcendental subject, matter, consciousness, memory-compression.

Архаическое сознание не проводило жесткого водораздела между одушевленным и неодушевленным. Европейская культура, напротив, имеет склонность чрезмерно подчеркивать различия между «живой» и «неживой» природой, между «психическим» и «соматическим», в равной мере как между человеческими существами и всеми другими формами жизни. Так не намечается ли в этой эволюции (или инволюции) парадигм от анимизма к механицизму некий новый виток? Однако теперь это станет поворотом от механицизма к тому, что можно было бы назвать неанимистическими онтологиями. Тенденция к объединению наук о неодушевленной и живой, одушевленной, чувствующей материи отмечается в качестве как общенаучной, так и общекультурной и общемировоззренческой такими авторами, как Ф. Капра, Д. Лавок, Л. Маргулис, А. Наэсс, Д. Томпсон, Г. Хант, Т. Швенк. Она нашла отражение также и в литературном творчестве Б. Вербера. В данной статье мы планируем рассмотреть только один аспект этой многогранной темы.

В классической философской традиции понятие души было связано с понятиями формы (энтелехии), эйдоса (образа) и метафорой зеркала (отражения), и она берет начало от Платона и Аристотеля. Классическую европейскую философию

иногда называют «комментариями к Платону», а Аристотель может считаться родоначальником биологии как науки. Именно в этой традиции укоренено характерное для европейской культуры противопоставление души и тела, «психического» и «соматического», одушевленного и неодушевленного: зеркало разделяет миры, и из всех существ только человек является существом, узнающим себя в зеркале.

Но существует и другой подход в понимании психического. Он связан не со статически-пространственным образом зеркала, а с динамическим образом темпорального потока. Первичное качество как одушевленности вообще, так и сознания в частности здесь считается неразрывно связанным со способностью удержания времени, в результате чего формируется особое «спрессованное» время, или время-длительность. Сущность одушевленности и градации ее степени связываются со способностью удерживать и переживать длительность как таковую. Нам предстоит рассмотреть некоторые импликации этой традиции.

Тема неразрывной связи души и времени берет начало в творчестве Аврелия Августина и воспроизводится в философской традиции, исходящей от А. Бергсона и продолженной в концепциях Э. Гуссерля и Ж. Делёза. Однако в этой теме нельзя не заметить своеобразного смещения акцентов. В религиозно-философской концепции Августина предельной инстанцией для понимания времени оказывается душа. Тайна времени связывается с чудесной способностью души удерживать в себе прошлое, растягивать настоящее и ожидать будущее. Способность к хранению времени связана с особой сакральной функцией души – быть посредницей между вневременным миром идей и распадающейся материей.

В десакрализованной традиции (Бергсон – Гуссерль – Делёз) акценты смещаются. Здесь, скорее, время оказывается предельной инстанцией для понимания души и сознания. Таким образом, уже не столько тайна души является ключом для понимания тайны времени, сколько феномен времени становится ключом к пониманию феномена одушевленности. Первичное «качество», составляющее квинтэссенцию одушевленного, здесь связывается с организацией особого потока времени – времени-длительности, «интенсивного времени», «конденсации времени», «синтеза времени».

Особое значение для всей последующей онтологии имела, прежде всего, концепция длительности А. Бергсона, устанавливающая неразрывную связь между сущностью психического и феноменом времени. Считая, что концептуально понятое время является остановкой, фиксацией в сознании процесса, Бергсон задается вопросом относительно того, что же собой представляет собственно процесс, не зафиксированный в понятии. Он полагает, что бытие процесса – это и

есть длительность, а длительность – чистое движение. Само движение и есть сознание, в котором улавливается факт движения. Соответственно, длительность есть поток сознания, который не останавливается временем. С помощью восприятия времени можно остановить длительность, создать своего рода срез потока и зафиксировать процесс в пространственных понятиях. «В той непрерывности становления, которая есть сама реальность, настоящий момент конституируется посредством почти мгновенного среза, который наше восприятие делает в протекающей массе, и этот срез, собственно, и есть то, что мы называем материальным миром»¹.

Такая способность как интеллект неразрывно связана с пространством. Только лишь интуиция и инстинкт способны к адекватному схватыванию времени-длительности. Исходя из того что длительность – это своего рода вечное становление реальности, схватить ее мы способны лишь определенным усилием воли, когда ускользящее от нас прошлое мы как бы вдавливаем в настоящее. Поскольку именно в памяти прошлое продолжает существовать в настоящем, длительность и являет себя в памяти, а по сути она и есть память. Фактически Бергсон говорит о двух видах памяти – памяти-воспоминании и памяти-сжатии. Поясняется это следующим образом: момент будущего всегда содержит, кроме момента прошлого, еще и память, оставленную последним моментом, но эти два момента накладываются друг на друга, так как один еще не исчезает в то время, как другой уже появляется. «Длительное настоящее в каждый момент разделяется на два направления, причем одно из них ориентировано и расширяется в сторону прошлого, другое же сжато, стягиваясь в сторону будущего»².

Тело, не формируя образов, являет собой лишь «образ среди образов», который непрерывно конституирует поперечный срез единого становления. Соответственно, оно есть «место прохождения воспринятых и отраженных движений», некая грань между вещами, которые действуют на меня и на которые действую я. Бергсон иллюстрирует это положение на примере конуса, основание которого, представляющее собой совокупность накопленных воспоминаний, остается неподвижным, тогда как вершина, олицетворяющая настоящее, будет непрерывно двигаться вперед, соприкасаясь с подвижной плоскостью (актуальным образом действительности)³. Вершина конуса – вечно подвижная точка, олицетворяющая тело, – соприкасается с подвижной плоскостью, где происходит отражение и восприятие образов, исходящих от этой плоскости. С другой стороны, воспоминание, расположенное в основании конуса, выступающее как подлинная память о прошлом, «спускается с высот», чтобы реализоваться в подвижной точке. «Именно от настоящего исходит призыв, на который отвечает воспоминание, но именно

от сенсомоторных элементов наличного действия воспоминание заимствует дающее жизнь тепло»⁴.

Таким образом, можно определить настоящее как самую сжатую степень прошлого: прошлое сосуществует с настоящим и самим собой на разных уровнях сжатия. «Именно чистое настоящее и чистое прошлое, чистое восприятие и чистое воспоминание ... чистая материя и чистая память обладают только различием в ослаблении и сжатии и, таким образом, переоткрывают онтологическое единство»⁵. Мы показали, что наше настоящее, посредством которого мы сопричастны материи, есть прошлое в его наиболее сжатом виде, и тогда «между нетронутой, грубой материей и наиболее способным к рефлексии духом существуют все возможные степени интенсивности памяти»⁶.

Основываясь на вышесказанном, мы можем прийти к выводу относительно интересующего нас вопроса, а именно взаимоотношений одушевленного и неодушевленного. Критерием различия одушевленного и неодушевленного (духа и тела) должно выступать время, а не пространство. Другим образом поступают мыслители, располагающие материей и дух на принципиально не сводимых сторонах – материя в пространстве, а дух в сознании. В таком случае установить связь, взаимодействие духа и тела не представляется возможным. Рассматривая же чистое восприятие, в котором субъект и объект совпадают, мы располагаем их в соответствующих им длительностях. Материя выступает как последовательность бесконечных моментов, а дух, который является памятью, в своей длительности есть все большее продолжение прошлого в настоящем.

Таким образом, в рамках традиции «потока» сфера одушевленного не локализуется и не обособляется жесткой границей от неодушевленных компонентов онтологии. Одушевленное и неодушевленное различается лишь формами интенциональности (памяти и восприятия) и являет собой лишь различные (потенциально бесчисленные) степени, уровни и градации интенсивности потока времени. Если сознание – это полюс «максимума» в степени интенсивности времени, то далее идет понижение степеней интенсивности: бессознательная жизнь, растительное существование и, наконец, неодушевленная материя. Материя – это полюс «минимума» в степени интенсивности времени. Здесь поток пребывает в весьма растянутом временном ритме: один момент уже исчез, когда другой еще не появился. Поэтому интенсивное время-длительность рассыпается на отдельные, не связанные мгновения и образует пространственный порядок обособленных друг от друга тел.

Бергсоновская идея неразрывной связи между психическими и темпоральными феноменами

продолжена в концепциях Э. Гуссерля и Ж. Делёза. У Э. Гуссерля формой трансцендентального субъекта является форма времени: «...эта форма остается непрерывной и тождественной, в то время как содержание потока постоянно меняется»⁷. Но единство внутреннего времени – это конституированное единство: «...в потоке сознания благодаря непрерывности ретенциальных изменений и благодаря тому обстоятельству, что они суть ретенции непрерывно предшествующих ретенций, конституируется единство самого потока как квазивременной порядок одного измерения»⁸.

Единство внутреннего времени как то «первичное качество», которое составляет квинтэссенцию психических феноменов, рассматривается далее в работах Ж. Делёза. Причем в триаде Бергсон – Гуссерль – Делёз можно заметить все большее смещение акцента. Единство времени все более и более начинает пониматься не в качестве изначально заданного, а как вторично конституированное (Гуссерль), а затем и как «синтезированный» феномен (Делёз). У Делёза речь ведется о «пассивном синтезе» – синтезе времени.

В работе «Различие и повторение» Делёз пишет о «силе сжатия», формирующей «синтез времени». Эта сила не является памятью или рефлексией. Говоря о повторении мгновений, Делёз вводит понятие первоначального (или пассивного) синтеза, в котором образуется время. Он является пассивным потому, что «... не создан сознанием, но создается в сознании, которое созерцает, предваряя всякую память». Это «внутривременной» синтез, ратифицирующий время как проходящее настоящее. Также Делёз называет его синтезом привычки, а вернее синтезом, «создающим привычку жить»⁹. Это ожидание продолжения, когда один элемент будет возникать за другим. Определяя привычку как сжатие, Делёз не имеет в виду два действия, происходящих в один момент и соединяющихся друг с другом и образующих элемент повторения; речь идет о «слиянии этого повторения в созерцающем сознании».

Всюду, где в результате пассивного синтеза создается непрерывность времени, можно вести речь о неких зачатках души. В нас тысячи маленьких «душ» – стратов и слоев непрерывности, которые Ж. Делёз называет «личинками субъекта». По сути дела, каждый организм состоит из системы этих сокращений, из композиции длительностей или различных форм спрессованного настоящего¹⁰.

Теперь сделаем акцент на некоторых весьма интересных следствиях, которые можно извлечь из делёзовской концепции синтеза времени как «первичного качества» психических феноменов. Если следствием бергсоновской концепции длительности был вывод о наличии

множества уровней, интенсивностей, градаций в степени одушевленности, то делёзовская концепция синтеза времени приводит к еще более радикальным следствиям: если непрерывность внутреннего времени есть результат синтеза, то речь идет уже не об одном, а о многих синтезах и, следовательно, о многих душах, многих сознаниях внутри одного субъекта. Классический трансцендентальный субъект теперь обнаруживается как рассыпавшийся на тысячи субъектов пассивного синтеза. Делёз назвал их «личинками субъекта», полагая, что «следует придать душу сердцу, мышцам, нервам, клеткам»¹¹. Речь, таким образом, ведется уже не просто об «уровнях», «стратах» и градациях в едином потоке одушевленности, но о кишении множества маленьких душ – сингулярностей, монад – внутри каждого из этих уровней.

Традицию, в которой первичным качеством одушевленного считаются внутреннее единство и связность потока времени («интенсивное время», или «время-длительность»), мы рассмотрели как альтернативу классической концепции. В рамках этой традиции сфера одушевленного не локализуется и не обособляется от неодушевленных компонентов онтологии. Одушевленность и неодушевленность здесь можно считать лишь «градиентами», различающимися только направленностью и степенью интенсивности потока – прежде всего потока времени. Это качество допускает множество градаций от «максимума» (сознание) до «минимума» (материя). В концепции синтеза времени Ж. Делёза совершается переход к своеобразной

«новой монадологии». Многообразие «синтезов времени» сопрягается с картиной кишения и роения множества более или менее смутных сознаний, душ, «монад» («личинок субъекта», по Ж. Делёзу) на всех уровнях реальности, поэтому в рамках рассмотренной концепции представляется допустимым проводить параллель с древнейшей идеей панпсихизма и усматривать тенденцию возникновения «неоанимистических» онтологий.

Примечания

- ¹ Бергсон А. Материя и память : собр. соч. : в 4 т. М., 1992. Т. 1. С. 247.
- ² Делёз Ж. Бергсонизм // Делёз Ж. Критическая философия Канта. Бергсонизм. Спиноза. М., 2000. С.130.
- ³ Бергсон А. Материя и память. С. 255–256.
- ⁴ Там же. С. 256.
- ⁵ Делёз Ж. Бергсонизм. С. 151.
- ⁶ Бергсон А. Материя и память. С. 300.
- ⁷ Гуссерль Э. Логические исследования. // Гуссерль Э. Избранные работы : в 3 т. М., 2005. Т. 2. С. 143.
- ⁸ Гуссерль Э. Феноменология внутреннего сознания времени. М., 1994. С. 86.
- ⁹ Делёз Ж. Различие и повторение. СПб., 1998. С. 99.
- ¹⁰ Приводится по: Дуплинская Ю. М. «Синтез времени» и «фасеточная личность» // Топос : литературно-философский журнал, [Электронный ресурс]. URL: / http://www.topos.ru/article/7103/printed (дата обращения: 02.02.2011).
- ¹¹ Делёз Ж. Различие и повторение. С. 99.

УДК 316,3: 1

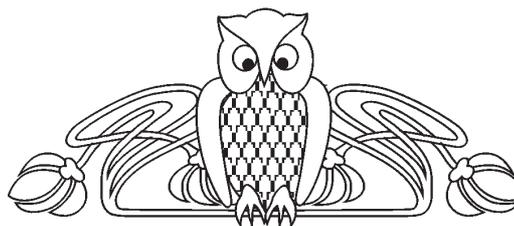
СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ В ПОСТКНИЖНОЙ КУЛЬТУРЕ

Н. С. Шаповалова

Саратовский государственный технический университет
E-mail: natalia.shapovalova87@yandex.ru

Статья посвящена исследованию социальной памяти в посткнижной культуре. Подчеркивается, что с развитием информационно-коммуникационных технологий происходит усложнение пространства памяти: к имеющимся структурам добавляются иные формы «представленности» знаний о прошлом, что приводит к формированию многогранного и нелинейного пространства.

Ключевые слова: социальная память, посткнижная культура, гипертекст, нелинейность, фрагментарность, виртуализация памяти, электронное пространство социальной памяти, корпоративная культура памяти, корпоративная память.

Social Memory in Postbook Culture

N. S. Shapovalova

The article devoted to exploration social memory in postbook culture. Underlines that with the development of information and communication technology occurs complication of memory space: to existing structures are added other forms of representation of knowledge about the past, what leads to formation the multi-faceted and non-linear space.

Key words: social memory, postbook culture, hypertext, nonlinearity, fragmentation, memory virtualization, electronic space of social memory, corporate culture of memory, corporate memory.

Современная культура связана с эпохой бурного развития информационных и компьютерных технологий, глобальной сети Интернет. Радикальные изменения затрагивают различные области жизнедеятельности общества. Эти процессы не только проявляются на «поверхности», но и захватывают и видоизменяют глубинные основы социума: трансформируются формы и способы подачи и восприятия информации, что, безусловно, отражается и на социальной памяти. Общество вступает в эпоху посткнижной культуры, для которой характерен переход от текстовой структуры информации к электронной. Привычная текстовая структура ресурсных полей в памяти заменяется электронно-информационными полями, в связи с чем происходят многочисленные изменения в структуре и формах сохранения культурного наследия прошлого.

В современном обществе информация и знание выступают главной ценностью. Создаются условия, которые удовлетворяют потребностям каждого человека в получении им необходимой информации, созданию и распространению которой способствуют новейшие технологии. Доступность информации предполагает возможность приобщения любого субъекта к воспоминаниям и представлениям о прошлом. Если в традиционном обществе знания предков носили закрытый характер – накапливались, хранились, передавались в рамках одной касты, сословия от поколения к поколению, – то в постиндустриальной цивилизации знания, составляющие содержание социальной памяти, приобретают массовый характер. Информация, в буквальном смысле «обрушивающаяся» на современного человека, превращая его в «ретранслятор сообщений», носит хаотичный, несистематизированный и избыточный характер. Субъект в таком «потоке» сообщений не успевает анализировать их смысл. Поэтому современному человеку свойственно «клиповое» мировоззрение, «мозаичное», или «клиповое» мышление, отсутствие целостного видения мира. Такие свойства сознания и мышления являются защитной реакцией на поток и избыточность информации и смыслов.

Избыточность информации отражается на социально-коллективной памяти, содержание которой, по нашему мнению, становится неоднородным и многогранным. Информационные потоки, лишённые централизованного управления и иерархичной организованности, приводят к отсутствию в структуре памяти приоритетной идеи или смысла, результатом чего становится децентрализованный характер ее содержания. Субъект, имея доступ к любой информации и, следовательно, к различным представлениям и репрезентациям прошлого, может быть дезориентирован.

Компьютерная революция постепенно ведет к замене печатных книг их электронными вариантами. Становление посткнижной культуры и

развитие электронных носителей информационных процессов нарушает привычную текстовую структуру ресурсных полей памяти и изменяет статус печатного текста. «Широкомасштабное производство информации в “электронной оболочке” изменяет механизм работы с текстовыми источниками в музеях, архивах, библиотеках»¹. Образуется *электронное пространство социальной памяти*.

На смену одномерному тексту печатной книги приходит многомерный электронный гипертекст, важнейшими свойствами которого являются нелинейность, незавершенность, фрагментарность, открытость, интерактивность, мультимедийность. Гипертекст есть «такая форма организации текстового материала, при которой его единицы представлены не в линейной последовательности, а как система явно указанных возможных переходов, связей между ними. Следуя этим связям, можно читать материал в любом порядке, образуя разные линейные тексты»². Формируется иная культура восприятия информации. Многочисленные ссылки, вплетенные в ткань электронных текстов, обеспечивают нелинейное представление структуры последнего, что открывает возможность выбора и самостоятельного конструирования текстового пространства. Мы считаем, что, в соответствии с культурой восприятия информации, пространство памяти становится *нелинейным и фрагментарным*.

Гипертекст является способом коммуникации в обществе, направленном на множественные потоки информации. В такой форме подачи информации отсутствует строгая иерархия и прежняя линейность книжного текста. Читатель сам устанавливает связи между частями гипертекста и посредством гиперссылки сам складывает и создает свой гипертекст, что предполагает «смерть автора» и «рождение активного читателя». Бесспорно, в таких условиях формируется иная культура восприятия и преобразования информации. По нашему мнению, зависимость от читателя структуры и даже смысла текста определяет иначе суть социальной памяти, которую наиболее полно раскрывает понятие *конструктивизма*, подчеркивающее отсутствие субстанциального начала и постоянное изменение в соответствии с потребностями субъектов. Конструктивизм в традиционных обществах противостоит пониманию и представлению о памяти в качестве объективно существующего знания, определяющего поведение индивида.

Современные преобразования в области информационных технологий увеличивают возможность архивирования данных социального опыта на внешних носителях (в виртуальном пространстве «сети знаний» или «памяти мира»). В дописьменном обществе сохранение социальных знаний, информации осуществлялось посредством живой памяти людей, поэтому много времени и умствен-

ной энергии тратилось на запоминание и частое повторение. С. Вебер, отмечая положительные стороны информационных преобразований, пишет, что современные технологии, предоставляя независимое от нашей памяти «хранилище», очищают (освобождают) ее и высвобождают творческий потенциал человека³. Таким образом, современные информационно-коммуникационные технологии качественно меняют систему накопления, хранения, воспроизведения и распространения информации.

В современном обществе *пространство социальной памяти виртуализируется*, становится независимым по отношению к физическому пространству, следствием чего является отсутствие институциональной «представленности» современного типа социальной памяти в истории. Безусловно, уменьшение взаимосвязи с физическим пространством мало сказывается на пространственности самой социальной памяти. Однако стремительная изменчивость, неустойчивость, непостоянство характерны для современной информационной структуры и бесследное, безвозвратное удаление электронного варианта знаний отражается на пространстве социальной памяти не в лучшую сторону. А. Ассман, исследуя феномен дематериализации информации, отмечает, что с материальностью артефактов исчезает гораздо больше, чем просто таинственная аура – с нею исчезают реальность, история и память⁴. Кроме того, внедрение все новых и новых технологий за короткий промежуток времени способствует тому, что носители и форматы данных стремительно стареют и становятся нечитаемыми. Эту же тенденцию отмечает А. Донк. По причине изменений, происходящих в коммуникативных и информационных технологиях, человечеству грозит утрата социальной памяти. Если в будущем электронные файлы и письма не будут аннулированы, они станут непонятными для будущих поколений, так как современные технологии и формы коммуникации в высшей степени неустойчивы⁵. Кроме того, из-за постоянного безвозвратного удаления следов повседневной коммуникации (электронных писем, SMS, интенсивной переписки в социальных сетях) возникает проблема сохранения информации. «Музейно-архивная и историографическая индустрия памяти XX века, а также феномен виртуального сетевого пространства (интернет-хранилище) создали условия для беспрецедентного наращивания объемов информации о прошлом»⁶. Так, следствием воздействия современных технологий на социальную память являются переполнение архивов при одновременно растущей запутанности и массивная потеря данных для будущих поколений.

Перейдем к рассмотрению ряда аспектов, свойственных социальной памяти в посткнижной культуре. В современном мире информация является тем ресурсом, обладание которым

становится важнейшим условием для доступа к власти. Поэтому власть, осуществляемая посредством командно-приказной или рекомендательной формы управления, уступает место иному типу, основанному на скрытом манипулировании общественным сознанием, идеологии, латентно воздействующей на мнение, внушении и убеждении. Владение информацией позволяет влиять на социально-коллективную память, что предполагает создание формы скрытого насилия и манипулирование массовым сознанием. «Это проявляется во влиянии на мышление и поступки людей в интересах социальных групп, составляющих властную элиту»⁷. Дозируя и определенным способом подавая информацию, власть формирует общественное сознание, закладывая в него определенные образы, стереотипы, стандарты и подталкивая людей к определенной форме поведения и восприятия действительности. Представление о прошлом можно изменять, воздействуя на памятный ландшафт (или «места памяти») как пространство совместного воспоминания социальной группы. Именно с этой целью и осуществляются установка памятников, проведение массовых культурных мероприятий, фестивалей, переписывание текстов учебников. Так, М. Фуко, Р. Барт, Ю. Кристева сделали вывод о конструировании властью нужных представлений о прошлом. Таким образом, власть оказывается вписанной в культурные коды как основные знаковые реалии культуры, удерживающие «в целостности и различии фрагментированный массив знания, расчлененный мир деятельности и обеспечивающие институты общения»⁸ и влияющие на решения и поведение людей. Реальная власть становится нематериальной. «Культурные сражения суть битвы за власть в информационную эпоху. Власть – как возможность предписывать поведение – содержится в сетях информационного обмена и манипуляции символами, которые соотносят акторов, институты и культурные движения посредством пиктограмм, представителей, интеллектуальных усилителей»⁹. Безусловно, в современном обществе именно социальная память, транслируемая посредством социокода, оказывается тем рычагом, к которому стремится властная элита. В образах прошлого, созданных властью посредством искажения социокультурных и исторических реалий, можно увидеть ее стремление оправдать собственные действия и заострить внимание на том историческом факте, который выгодно отражает действие этой социальной группы. Информация, не связанная с доминирующими интересами властной элиты, преобразуется или вовсе забывается и вычеркивается из памяти социума. Владельцы информации, используя возможности коммуникации и современной информационной техники, создают опасность информационного тоталитаризма. Таким образом, по нашему мнению, социальная память в посткнижной культуре выступает, с одной стороны, своеобразным

конструктом, складывающимся в соответствии с индивидуальными потребностями социального субъекта и его личными предпочтениями, а с другой стороны, она может стать идеологическим конструктом, созданным властной элитой или нанятыми экспертами для воздействия на массовое сознание.

В соответствии с изменениями в современном обществе происходят рассредоточение и децентрализация организации власти, которая распределяется между организациями регионального, местного характера, поэтому огромное значение приобретают *корпорации*, представляющие собой сообщества, объединенные для совместной деятельности политическими, экономическими, социально-культурными, словесными и другими интересами¹⁰. В *посткнижный период* огромное значение приобретают и *транснациональные корпорации*, действующие, в отличие от национальных государств, по иным принципам и формирующие свой тип памяти. Глобализация этносов и их национальной памяти посредством информационных сетей Интернет делает возможным создание сообществ, объединенных не принадлежностью к определенному государству, народу или нации, но исключительно своими личными политическими и культурными предпочтениями, на основе чего возникают виртуальные сообщества. Внутри корпораций складывается своя культура, структуру которой образуют не только система знаний и база данных, необходимые для функционирования корпораций, но и артефакты (например, символика и логотипы корпорации), язык, ценности, ритуалы, традиции¹¹. Корпорации превращаются в социальные институты, относительно которых выстраиваются и формируются идентичность и память входящих в них участников. Они не только несут ответственность за производство своей продукции, но и оказывают влияние на решение сложных социальных проблем. Таким образом, в посткнижной культуре выбор идентичности индивида основывается не на запрограммированных стереотипах, принятых в традиционных и ранних индустриальных обществах, а на потребностях социального субъекта. В условиях посткнижной культуры он вправе выстраивать социальную и историческую идентичность на основе собственного выбора.

Мы считаем, что в посткнижной культуре происходит усложнение пространства социальной памяти: к имеющимся структурам добавляются иные формы «представленности» знаний о прошлом, что приводит к формированию многогранного и нелинейного пространства. Содержание памяти теперь транслируется посредством не только живого, но и виртуального общения. Электронная коммуникация, существующая наряду с другими формами, является не просто каналом передачи информации, но принципиально новым типом взаимодействия, предполагающим интерактивность и непосредственное общение между ее участниками.

Примечания

- ¹ Устьянцев В. Б. Культурно-историческое пространство крупного города: исходные структуры // Города региона: культурно-символическое наследие как гуманитарный ресурс будущего : материалы междунар. науч.-практич. конф. / под ред. проф. Т. П. Фокиной. Саратов, 2003. С. 41
- ² Субботин М.М. Теория и практика нелинейного письма // Вопр. философии. 1993. № 3. С. 36–45.
- ³ См.: Weber S. Theorien der Medien. Von der Kulturkritik bis zum Konstruktivismus. Konstanz, 2003.
- ⁴ См.: Assmann A. Erinnerungsräume: Formen und Wandlungen des kulturellen Gedächtnisses. München, 1999. 422 S.
- ⁵ См.: Donk A. Kommunikation über Vergangenheit – Soziales Gedächtnis in kommunikationswissenschaftlicher Perspektive // Konstruktion von Kommunikation in der Mediengesellschaft. Wiesbaden, 2009. S. 13–29.
- ⁶ Макаров А. И. Феномен надындивидуальной памяти (образы – концепты – рефлексия). Волгоград, 2009. С. 191.
- ⁷ Василенко Л. А. Интернет в информатизации государственной службы России (социологические аспекты). М., 2000. С. 229.
- ⁸ Петров М. К. Язык, знак, культура. М., 1991. С. 39.
- ⁹ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. / под ред. О.И. Шкаратана. М., 2000. С. 502–503.
- ¹⁰ См.: Ковалёв В. Н. Корпоративная культура как фактор развития социальной сферы российского общества // Социальная политика и социология. 2004. № 1. С. 40.
- ¹¹ См.: Спивак В.А. Корпоративная культура. СПб, 2001. 248 с.

УДК 316.77:001+004.9

СОЦИАЛЬНО-ДУХОВНЫЙ АСПЕКТ КОММУНИКАТИВНЫХ ПРАКТИК СОВРЕМЕННОГО СОЦИУМА

Е. Ю. Стриганкова

Поволжская академия государственной службы имени П. А. Столыпина
E-mail: english@pags.ru

В статье дается анализ функционирования социальной коммуникации. Акцентируются специфика взаимосвязи коммуникативной деятельности и духовной культуры, ее проявление в современных коммуникативных практиках.

Ключевые слова: социальная коммуникация, коммуникативные практики, коммуникативное сообщество, духовная культура, гуманизм, диалог.

Socio-Spiritual Aspect of the Communicative Practices of the Modern Society

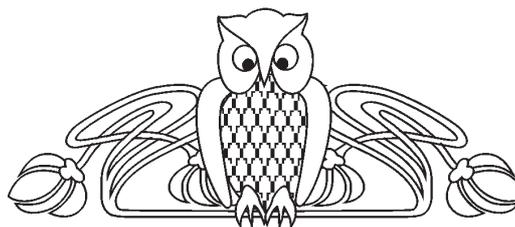
E. Yu. Strigankova

The article analyzes the social communication functioning. The author accentuates the peculiarities of communicative activity and spiritual culture interrelation, and its manifestation in the modern communicative practices.

Key words: social communication, communicative practices, communicative society, spiritual culture, humanism, dialog.

В современном мире значительно возрастает потребность в коммуникации, происходит усиление потока информации, что связано с самыми разнообразными причинами: научно-техническим прогрессом, расширением социально-экономических связей, развитием средств массовой информации, тенденциями диверсификации и интеграции культур, расширением межличностных связей. Процессы интенсификации и глобализации, формирование информационно-сетевых сообществ придают новое качество коммуникативным практикам в экономической, политической, правовой и социально-духовной сферах социума, в конструировании личностного мира человека XXI в. В жизненной и исторической практике социально активный человек через различные формы коммуникативной деятельности из мира личностных ценностей выходит к ориентирам и идеалам мира высших ценностей. Человек, его место в мире, смысл человеческой жизни – это центральная линия развития культуры, в которой находит выражение ее подлинное предназначение. Качественной мерой культуры и критерием ее ценности выступает понятие гуманизма.

В современной философии гуманизм понимается как система идей, отстаивающих и обо-

сновывающих высшую ценность человеческой личности. В основе гуманизма – неотъемлемые права человека на жизнь, свободу и счастье, на развитие и реализацию своих способностей, а естественной и желаемой нормой взаимоотношений людей является принцип равенства. Благо человеческой личности служит критерием оценки всех социальных (общественных) и государственных явлений и институтов.

В духовной культуре XX в. идеи гуманизма нашли отражение в классическом (абстрактном) гуманизме. Его основы заложены в идейных исканиях Л. Толстого, М. Ганди, А. Швейцера, которые искали пути преобразования общества на основах этики любви, ненасилия и благоговения перед жизнью¹. Гуманистические перспективы современной духовной культуры разрабатываются комплексом философских учений в русле морально-этического, антропологического, феноменологического, аксиологического, социально-коммуникативного направлений.

Исследуя положение человека в мире, социальные философы и специалисты по этике выделяли различные нормативные образцы личности: аристократический, патриархально-крестьянский, промышленного рабочего, революционера, буржуа. Сегодня все больше говорят о формировании нового «демократического» образа личности. Мир его ценностных ориентаций составляют: свободный труд, материальный достаток, современный уровень комфорта, образование и возможность интеллектуально-духовного развития, семья и дети, здоровье, личная безопасность, уважение достоинства, благополучие в старости. Несомненно, эти требования имеют общечеловеческую ценность и общество должно с вниманием относиться к их достойной реализации². Однако стоит заметить, что они фиксируют прагматическую сторону существования человека и не открывают для него «окно в мир культуры» (Лотман Ю. М.), хотя и являются необходимым основанием для появления подобной целеустремленности.

Вхождение человека в мир современной культуры предполагает его ориентацию на будущее, понимание глобальных проблем современности, формирование собственного отношения к сохранению жизни и культуры в коллективном

и индивидуальном, глобальном и локальном пространствах существования. Такие глобальные проблемы, как миграция и урбанизация, острая продовольственная и демографическая ситуация, неконтролируемое воздействие техногенной среды на человека, политическая нестабильность, характерная для многих стран и регионов мира, не могут не повлиять на экологию самого человека, его мироощущение и жизнедеятельность в условиях современной цивилизации. Социальное здоровье человека составляет гармоническое единство медико-биологических, духовно-психологических и социально-культурных параметров. Улучшение «человеческого качества»³, развертывание человеческого потенциала, реализация творческого начала обуславливают духовное, социальное, экономическое развитие общества. На этом пути важно исследовать как идеальные, духовные устремления, так и практические ориентации, образцы, нормы, в которых культура находит свое человеческое измерение, наполняясь ценностным содержанием, живой жизненной практикой.

Не следует игнорировать и того факта, что у каждого народа имеется свой национальный *идеал*, ориентирующий его на ценности высокого порядка, которые в значительной степени отличаются от обыденных. Академик Д. С. Лихачёв справедливо отметил: «Народ, создающий высокий национальный идеал, создает и гениев, приближающихся к этому идеалу. А мерить культуру, ее высоту мы должны по ее вершинам, ибо только вершины возвышаются над веками»⁴.

Сегодня автономия многих национальных культур находится под угрозой вследствие иницированных мировым сообществом интеграционных процессов в сфере политики, экономики и образования. Опасения К. Ясперса по поводу «нивелирования» сознания и культур с усилением тотальной коммуникации, высказанные в первой половине XX в., продолжают оправдываться. Следует отметить, что степень нивелирования локальных культур во многом зависит от модели взаимодействия, характеризующегося различными и, по сути, противоположными типами коммуникативной динамики. Как подчеркивал Ю. М. Лотман, культуры, ориентированные преимущественно на *сообщение*, более подвижны и динамичны, но подвержены опасности умственного потребительства, а те, которые ориентированы в основном на *автокоммуникацию*, способны развивать большую духовную активность, но малоподвижны в социально-экономическом отношении⁵.

В историческом процессе национальные культуры никогда не существовали и не существуют и поныне как изолированные друг от друга феномены, и происходит это по двум причинам. Во-первых, человек изначально наделен любознательностью и любопытством, а также стремлением к освоению как новых земель, так и к коммуникации с новыми народами и их культурами; человек — центр притяжения всех культур как наличного бы-

тия, позволяющего выходить за рамки собственной реальности. Во-вторых, причиной взаимодействия культур является специфика общественного прогресса, заключающего в себе движение от низшего к высшему, от несовершенного к совершенному⁶.

Признавая методологическую значимость данного объяснения, отметим его традиционализм и обратим внимание на инновационные социальные процессы и новые парадигмы философского знания, порождающие нетрадиционные представления о феноменах развития культуры, и преобразования межкультурных связей, взаимоотношения и взаимодействия.

Исследование культурного процесса в последней трети XX в. актуализировало проблему коммуникативной сущности культуры, форм и способов ее проявления, соотношения коммуникативных и культурных компонентов в многообразных социальных практиках изменяющегося мира. Констатируя кризисное состояние мировой и отечественной культуры, оценивая сложившуюся ситуацию как «хаос различных культур», российские исследователи отметили необходимость диалогового подхода к функционированию культурной сферы, так как именно осмысленный и заинтересованный диалог способен стать средством преодоления кризиса культуры. Таким образом, было признано значение и определено место коммуникации в пространстве современной культуры и в структуре социокультурных практик.

Интерпретируя специфику *коммуникативного диалога*, мы опираемся на традицию, созданную античной (Сократ, Платон, Аристотель) и отечественной (М. М. Бахтин, В. С. Библер, Ю. М. Лотман) диалогикой⁷. Идея диалога культур, основанная на гуманистических принципах, исходит из того, что культура всегда нуждается в партнере, адресате, собеседнике, восприимчике. Диалог служит решению задач как внутрикультурного, так и межкультурного взаимодействия. Выделяются три вида диалога: во-первых, диалог как речевое взаимодействие:

его *прагматический смысл* заключается в отражении социальных ролей участников и подтверждении их статуса;

коммуникативный смысл проявляется в допущении Другого в личное речевое пространство, что создает ситуацию необходимости конструирования модели взаимодействия (убеждение, манипулирование, подчинение) для достижения специфической коммуникативной цели.

Во-вторых, диалог как форма словесного творчества включает ряд смысловых значений. В их числе следует выделить:

концептуальный смысл как определенный способ трактовки, понимания предмета. Слово рождается в диалоге, как его живая реплика, формируется в диалектическом взаимодействии с чужим словом о предмете, оно исконно диалогично;

социальный состоит в том, что жизнь реального слова есть передача из одних уст в другие,

из одного контекста в другой, от поколения к поколению, всякое живое высказывание не может не стать активным участником социального диалога;

эстетический смысл диалога проявляется в том, что, вопрошая, ответствуя, соглашаясь, человек вкладывает всего себя в слово, и это слово входит в диалогическую ткань человеческой жизни, в мировой симпозиум. В диалоге человек участвует весь и всю жизнь: глазами, губами, руками, душой, духом, всем телом, поступками: «Жить – это значит участвовать в диалоге»⁸.

В-третьих, диалог как межкультурное взаимодействие предполагает взаимопонимание и общение между различными культурными образованиями. Это в полной мере относится и к характеристике функционирования культур в различных временных и пространственных параметрах. Вести диалог в культуре – значит вступать в общение с прошлым и будущим, с актуальными культурами. Сегодня он требует сближения культурных регионов, как отличающихся древнейшей исходной культурной самобытностью (Запад – Восток, Европа – Азия, европейские – латиноамериканские и африканские культуры), так и исторически сложившихся отдельных континентальных регионов (например, в Евразии)⁹.

Таким образом, диалогические модели коммуникации являются универсальным средством самоактуализации и развития личности, а также внешним уровнем организации отношения людей, который раскрывает пространство жизненных смыслов, активизирует потребность в общении, совместной деятельности. По мнению В. С. Библера, в диалоге наиболее полно и ярко обозначен принцип ответственности¹⁰.

Диалог как принцип культуры предполагает уникальность каждого партнера и их равенство друг другу, различие и оригинальность их точек зрения, ориентацию каждого на понимание и активную интерпретацию его точки зрения партнером, ожидание объекта и его превосхождение в собственном высказывании, взаимную дополнительность участников общения, соотношение которых и является целью диалога. В этом суть диалога и его отличие от иных средств коммуникативного взаимодействия.

Коммуникация может осуществляться и как *обмен монологическими сообщениями*, который диктуется потребностями коллективного производства и всех других областей совместной жизни людей. В этом случае она рассматривается как чисто информационный процесс, передача тех или иных сообщений, существующая, в отличие от диалога, имперсонально. Вместе с тем общение и диалог – две формы информационной активности субъекта, равно необходимые человеку для общественного развития и культуры, имеющие лишь разные сферы действия; преимущества и ограниченность каждой обнаруживаются в разных социокультурных ситуациях.

Культура и коммуникация в своем развитии находятся в диалектическом единстве и постоян-

но взаимодействуют благодаря многообразной человеческой деятельности. Коммуникация, опосредованная определенной социально-значимой деятельностью, детерминируется потребностями, интересами и целями, общими для участников деятельности. В результате образуется *коммуникативное сообщество*, для которого характерны не только обмен информацией и действия, но и более глубокие отношения взаимосвязи и взаимопонимания на основе реальных коммуникативных практик. При наличии «совместных кодов взаимопонимания» (понятийных, речевых, символических, эмоциональных) коммуникация способна создать доброжелательную атмосферу доверия и уважения партнеров, стремления к взаимопониманию и сотрудничеству, идентификации интересов и единства. Идентификация неразрывно связана с коммуникацией: через соучастие происходит понимание (смысловой контакт) действий друг друга, проявляется способность участников адекватно интерпретировать замыслы (цели) и включаться в согласованные действия¹¹.

Культура – это система общественных значений, закодированных в символах и выраженных в поведении, которое рассматривается как символическое (знаковое) действие. Такие символы являются публичным выражением общепринятых подходов, убеждений, практик и гарантируют взаимопонимание среди тех, кого можно причислить к одной и той же культуре¹². При межкультурном взаимодействии происходит считывание кодов и их декодирование, причем коды или культурные значения выходят за рамки внутреннего личностного понимания. Подобный семиотический подход к пониманию культуры получил развитие в трудах К. Гирца и его школы, которую называют «символической антропологией». Особый интерес для нашего исследования представляет тот факт, что культура для него – продукт человеческого взаимодействия: люди и создают, и интерпретируют культуру. В рамках этой концепции все проявления и продукты культуры, включая и материальные, являются актами коммуникации, поскольку обладают значением и создаются с целью его передачи¹³.

Отметим еще одну закономерность: объем передаваемой информации по каналам общения из-за содержательной перенасыщенности и обилия действующих средств коммуникации не усваивается личностью в полной мере, в обществе не происходит стремительного роста духовной культуры непосредственно вслед за увеличением объема информации и расширением сферы общения. В этой связи встает вопрос об устранении этого противоречия, т. е. воспитании личности, способной в системе самообразования, самовоспитания, творчества находить информацию, позволяющую совершенствовать духовную культуру. Необходимо учитывать, что и элементы культуры могут выступать как посредники общения. Благодаря им общение может осуществляться

разворачиваясь из отдельных актов в процессы, приобретать стабильный характер.

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает рассмотрение нравственных аспектов коммуникации и общения в современном социуме. Возросший образовательный ценз повысил требования к общению, но не привел (из-за отсутствия целенаправленного обучения) к автоматическому обретению способностей каждым образованным человеком быть субъектом подлинного общения. Возникла парадоксальная ситуация – член социума испытывает потребность в высокой культуре общения, а сам не отвечает или отвечает не в полной мере этим требованиям, т. е., будучи образованным, он, по сути дела, не является культурным. Это происходит еще и потому, что современная социальная среда изменяется быстрее, чем индивид, который в силу своих физиологических, интеллектуальных, психологических и нравственных особенностей не способен адаптироваться к стремительно меняющемуся миру. Устранение данного несоответствия является насущной задачей коммуникативно-культурного синтеза и его воздействия на функционирование социума.

Интенсивное развитие современного информационного пространства, процессы глобализации и переход от индустриального общества к научно-коммуникативному породили целый ряд социально-политических, экономических, технологических изменений, которые не могли не сказаться на функционировании коммуникативных сообществ. В условиях отсутствия общепринятой системы ценностей возрастает значение этических норм регуляции коммуникативного поведения – это интересубъективность, конвенциональность, толерантность, гуманность, ответственность. Понятие коммуникативной этики обращает нас к дискурсу как форме коллективной рефлексии и реконструкции проблематических допущений, которые обсуждаются, принимаются или отклоняются в процессе аргументативной деятельности. Основное положение этики дискурса: «...только те нормы имеют право притязать на значимость, которые находят (или в состоянии найти) одобрение у всех личностей, к которым они имеют отношение, как у участников практического дискурса»¹⁴. Этика дискурса предоставляет каждому члену сообщества возможность включиться в обсуждение, чтобы высказать свое мнение и отстаивать свои интересы. Важным аспектом коммуникативной этики является учет всех последствий действия и ответственность за них: любой вид деятельности, особенно коммуникативной, представляет собой ответственный выбор, основанный на индивидуальных особенностях и нормативно-ценностной ориентации каждой конкретной личности. К.-О. Апель провозглашал этику ответственности «основой бытия реального коммуникативного сообщества»¹⁵. Таким образом, коммуникативная этика предлагает значимые нормы поведения,

которые одобрены и соблюдаются всеми участниками практического дискурса.

Вектор развития современного социума связан с возрастанием конфликтных ситуаций и стремлением к их преодолению. Подлинно коммуникативная этика может способствовать согласованию ценностей различных людей, однако общество постмодерна характеризуется неоднородностью социальных групп, мозаичностью культуры и, как следствие этого, широким спектром ценностных ориентиров. Обмен мнениями, диалог, толерантность и ценностно терпимое отношение помогают снять конфликтность ситуации и достичь определённого консенсуса.

Развитая система коммуникации – признак совершенствующегося социума, поскольку общественный прогресс включает все больше людей в развитие коммуникативной культуры личности, социальных групп и социума особенно актуально как залог движения к демократическим, нравственно активным формам жизнедеятельности.

Примечания

- 1 См.: Швейцер А. Благоговение перед жизнью. М., 1989. 572 с.; Асмус В. Ф. Мировоззрение Толстого // Асмус В. Ф. Избранные философские труды : в 2 т. М., 1969. Т. 1.; Комаров Э., Литман А. Мировоззрение М. Ганди. М., 1969. 235 с.
- 2 См.: Смоленцев Ю. М. Гуманизм как принцип культуры // Актуальные проблемы культуры XX века. М., 1993. С. 7–33.
- 3 См.: Печчи А. Человеческие качества. М., 1985. 312 с.
- 4 См.: Лихачёв Д. С. Земля родная. М., 1983. С. 78.
- 5 См.: Лотман Ю. М. О двух моделях коммуникации в системе культуры // Труды по знаковым системам. Тарту, 1973. Вып. 4. С. 227–243.
- 6 См.: Кузнецова В. В. Человек в контексте социальных форм жизнедеятельности. Саратов, 1995. С. 108.
- 7 См.: Библер В. С. От наукоучения к логике культуры: два философских введения в двадцать первый век. М., 1990. 413 с.; Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1971. 445 с.; Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994. 560 с.
- 8 Бахтин М. М. Указ. соч. С. 318.
- 9 См.: Elliott M. Killing Off Kipling // News Week. 1997. № 24. P. 10.
- 10 См.: Библер В. С. О сути диалогизма // Вопросы философии. 1989. № 7. С. 8–9.
- 11 См.: Стриганкова Е. Ю. Коммуникация как культурный код и социальное действие // Социокультурные проблемы языка и коммуникации. Саратов. 2005. Вып. 5. С. 10.
- 12 См.: Елизарова Г. В. Культура и обучение иностранным языкам. СПб., 2004. С. 16.
- 13 См.: Гириц К. Интерпретация культур. М., 2004. 560 с.
- 14 Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000. С. 146.
- 15 См.: Апель К.-О. Трансформация философии. М., 2001. С. 324.

УДК 316.77:001+004.9

СОЦИАЛЬНО-ДУХОВНЫЙ АСПЕКТ КОММУНИКАТИВНЫХ ПРАКТИК СОВРЕМЕННОГО СОЦИУМА

Е. Ю. Стриганкова

Поволжская академия государственной службы имени П. А. Столыпина
E-mail: english@pags.ru

В статье дается анализ функционирования социальной коммуникации. Акцентируются специфика взаимосвязи коммуникативной деятельности и духовной культуры, ее проявление в современных коммуникативных практиках.

Ключевые слова: социальная коммуникация, коммуникативные практики, коммуникативное сообщество, духовная культура, гуманизм, диалог.

Socio-Spiritual Aspect of the Communicative Practices of the Modern Society

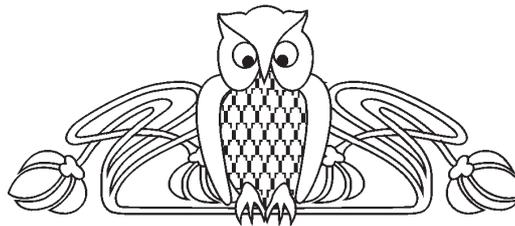
E. Yu. Strigankova

The article analyzes the social communication functioning. The author accentuates the peculiarities of communicative activity and spiritual culture interrelation, and its manifestation in the modern communicative practices.

Key words: social communication, communicative practices, communicative society, spiritual culture, humanism, dialog.

В современном мире значительно возрастает потребность в коммуникации, происходит усиление потока информации, что связано с самыми разнообразными причинами: научно-техническим прогрессом, расширением социально-экономических связей, развитием средств массовой информации, тенденциями диверсификации и интеграции культур, расширением межличностных связей. Процессы интенсификации и глобализации, формирование информационно-сетевых сообществ придают новое качество коммуникативным практикам в экономической, политической, правовой и социально-духовной сферах социума, в конструировании личностного мира человека XXI в. В жизненной и исторической практике социально активный человек через различные формы коммуникативной деятельности из мира личностных ценностей выходит к ориентирам и идеалам мира высших ценностей. Человек, его место в мире, смысл человеческой жизни – это центральная линия развития культуры, в которой находит выражение ее подлинное предназначение. Качественной мерой культуры и критерием ее ценности выступает понятие гуманизма.

В современной философии гуманизм понимается как система идей, отстаивающих и обо-

сновывающих высшую ценность человеческой личности. В основе гуманизма – неотъемлемые права человека на жизнь, свободу и счастье, на развитие и реализацию своих способностей, а естественной и желаемой нормой взаимоотношений людей является принцип равенства. Благо человеческой личности служит критерием оценки всех социальных (общественных) и государственных явлений и институтов.

В духовной культуре XX в. идеи гуманизма нашли отражение в классическом (абстрактном) гуманизме. Его основы заложены в идейных исканиях Л. Толстого, М. Ганди, А. Швейцера, которые искали пути преобразования общества на основах этики любви, ненасилия и благоговения перед жизнью¹. Гуманистические перспективы современной духовной культуры разрабатываются комплексом философских учений в русле морально-этического, антропологического, феноменологического, аксиологического, социально-коммуникативного направлений.

Исследуя положение человека в мире, социальные философы и специалисты по этике выделяли различные нормативные образцы личности: аристократический, патриархально-крестьянский, промышленного рабочего, революционера, буржуа. Сегодня все больше говорят о формировании нового «демократического» образа личности. Мир его ценностей ориентаций составляют: свободный труд, материальный достаток, современный уровень комфорта, образование и возможность интеллектуально-духовного развития, семья и дети, здоровье, личная безопасность, уважение достоинства, благополучие в старости. Несомненно, эти требования имеют общечеловеческую ценность и общество должно с вниманием относиться к их достойной реализации². Однако стоит заметить, что они фиксируют прагматическую сторону существования человека и не открывают для него «окно в мир культуры» (Лотман Ю. М.), хотя и являются необходимым основанием для появления подобной целеустремленности.

Вхождение человека в мир современной культуры предполагает его ориентацию на будущее, понимание глобальных проблем современности, формирование собственного отношения к сохранению жизни и культуры в коллективном

и индивидуальном, глобальном и локальном пространствах существования. Такие глобальные проблемы, как миграция и урбанизация, острая продовольственная и демографическая ситуация, неконтролируемое воздействие техногенной среды на человека, политическая нестабильность, характерная для многих стран и регионов мира, не могут не повлиять на экологию самого человека, его мироощущение и жизнедеятельность в условиях современной цивилизации. Социальное здоровье человека составляет гармоническое единство медико-биологических, духовно-психологических и социально-культурных параметров. Улучшение «человеческого качества»³, развертывание человеческого потенциала, реализация творческого начала обуславливают духовное, социальное, экономическое развитие общества. На этом пути важно исследовать как идеальные, духовные устремления, так и практические ориентации, образцы, нормы, в которых культура находит свое человеческое измерение, наполняясь ценностным содержанием, живой жизненной практикой.

Не следует игнорировать и того факта, что у каждого народа имеется свой национальный *идеал*, ориентирующий его на ценности высокого порядка, которые в значительной степени отличаются от обыденных. Академик Д. С. Лихачёв справедливо отметил: «Народ, создающий высокий национальный идеал, создает и гениев, приближающихся к этому идеалу. А мерить культуру, ее высоту мы должны по ее вершинам, ибо только вершины возвышаются над веками»⁴.

Сегодня автономия многих национальных культур находится под угрозой вследствие иницированных мировым сообществом интеграционных процессов в сфере политики, экономики и образования. Опасения К. Ясперса по поводу «нивелирования» сознания и культур с усилением тотальной коммуникации, высказанные в первой половине XX в., продолжают оправдываться. Следует отметить, что степень нивелирования локальных культур во многом зависит от модели взаимодействия, характеризующегося различными и, по сути, противоположными типами коммуникативной динамики. Как подчеркивал Ю. М. Лотман, культуры, ориентированные преимущественно на *сообщение*, более подвижны и динамичны, но подвержены опасности умственного потребительства, а те, которые ориентированы в основном на *автокоммуникацию*, способны развивать большую духовную активность, но малоподвижны в социально-экономическом отношении⁵.

В историческом процессе национальные культуры никогда не существовали и не существуют и поныне как изолированные друг от друга феномены, и происходит это по двум причинам. Во-первых, человек изначально наделен любознательностью и любопытством, а также стремлением к освоению как новых земель, так и к коммуникации с новыми народами и их культурами; человек — центр притяжения всех культур как наличного бы-

тия, позволяющего выходить за рамки собственной реальности. Во-вторых, причиной взаимодействия культур является специфика общественного прогресса, заключающего в себе движение от низшего к высшему, от несовершенного к совершенному⁶.

Признавая методологическую значимость данного объяснения, отметим его традиционализм и обратим внимание на инновационные социальные процессы и новые парадигмы философского знания, порождающие нетрадиционные представления о феноменах развития культуры, и преобразования межкультурных связей, взаимоотношения и взаимодействия.

Исследование культурного процесса в последней трети XX в. актуализировало проблему коммуникативной сущности культуры, форм и способов ее проявления, соотношения коммуникативных и культурных компонентов в многообразных социальных практиках изменяющегося мира. Констатируя кризисное состояние мировой и отечественной культуры, оценивая сложившуюся ситуацию как «хаос различных культур», российские исследователи отметили необходимость диалогового подхода к функционированию культурной сферы, так как именно осмысленный и заинтересованный диалог способен стать средством преодоления кризиса культуры. Таким образом, было признано значение и определено место коммуникации в пространстве современной культуры и в структуре социокультурных практик.

Интерпретируя специфику *коммуникативного диалога*, мы опираемся на традицию, созданную античной (Сократ, Платон, Аристотель) и отечественной (М. М. Бахтин, В. С. Библиер, Ю. М. Лотман) диалогикой⁷. Идея диалога культур, основанная на гуманистических принципах, исходит из того, что культура всегда нуждается в партнере, адресате, собеседнике, восприимчике. Диалог служит решению задач как внутрикультурного, так и межкультурного взаимодействия. Выделяются три вида диалога: во-первых, диалог как речевое взаимодействие:

его *прагматический смысл* заключается в отражении социальных ролей участников и подтверждении их статуса;

коммуникативный смысл проявляется в допущении Другого в личное речевое пространство, что создает ситуацию необходимости конструирования модели взаимодействия (убеждение, манипулирование, подчинение) для достижения специфической коммуникативной цели.

Во-вторых, диалог как форма словесного творчества включает ряд смысловых значений. В их числе следует выделить:

концептуальный смысл как определенный способ трактовки, понимания предмета. Слово рождается в диалоге, как его живая реплика, формируется в диалектическом взаимодействии с чужим словом о предмете, оно исконно диалогично;

социальный состоит в том, что жизнь реального слова есть передача из одних уст в другие,

из одного контекста в другой, от поколения к поколению, всякое живое высказывание не может не стать активным участником социального диалога;

эстетический смысл диалога проявляется в том, что, вопрошая, ответствуя, соглашаясь, человек вкладывает всего себя в слово, и это слово входит в диалогическую ткань человеческой жизни, в мировой симпозиум. В диалоге человек участвует весь и всю жизнь: глазами, губами, руками, душой, духом, всем телом, поступками: «Жить – это значит участвовать в диалоге»⁸.

В-третьих, диалог как межкультурное взаимодействие предполагает взаимопонимание и общение между различными культурными образованиями. Это в полной мере относится и к характеристике функционирования культур в различных временных и пространственных параметрах. Вести диалог в культуре – значит вступать в общение с прошлым и будущим, с актуальными культурами. Сегодня он требует сближения культурных регионов, как отличающихся древнейшей исходной культурной самобытностью (Запад – Восток, Европа – Азия, европейские – латиноамериканские и африканские культуры), так и исторически сложившихся отдельных континентальных регионов (например, в Евразии)⁹.

Таким образом, диалогические модели коммуникации являются универсальным средством самоактуализации и развития личности, а также внешним уровнем организации отношения людей, который раскрывает пространство жизненных смыслов, активизирует потребность в общении, совместной деятельности. По мнению В. С. Библера, в диалоге наиболее полно и ярко обозначен принцип ответственности¹⁰.

Диалог как принцип культуры предполагает уникальность каждого партнера и их равенство друг другу, различие и оригинальность их точек зрения, ориентацию каждого на понимание и активную интерпретацию его точки зрения партнером, ожидание объекта и его превосхождение в собственном высказывании, взаимную дополнительность участников общения, соотношение которых и является целью диалога. В этом суть диалога и его отличие от иных средств коммуникативного взаимодействия.

Коммуникация может осуществляться и как *обмен монологическими сообщениями*, который диктуется потребностями коллективного производства и всех других областей совместной жизни людей. В этом случае она рассматривается как чисто информационный процесс, передача тех или иных сообщений, существующая, в отличие от диалога, имперсонально. Вместе с тем общение и диалог – две формы информационной активности субъекта, равно необходимые человеку для общественного развития и культуры, имеющие лишь разные сферы действия; преимущества и ограниченность каждой обнаруживаются в разных социокультурных ситуациях.

Культура и коммуникация в своем развитии находятся в диалектическом единстве и постоян-

но взаимодействуют благодаря многообразной человеческой деятельности. Коммуникация, опосредованная определенной социально-значимой деятельностью, детерминируется потребностями, интересами и целями, общими для участников деятельности. В результате образуется *коммуникативное сообщество*, для которого характерны не только обмен информацией и действия, но и более глубокие отношения взаимосвязи и взаимопонимания на основе реальных коммуникативных практик. При наличии «совместных кодов взаимопонимания» (понятийных, речевых, символических, эмоциональных) коммуникация способна создать доброжелательную атмосферу доверия и уважения партнеров, стремления к взаимопониманию и сотрудничеству, идентификации интересов и единства. Идентификация неразрывно связана с коммуникацией: через соучастие происходит понимание (смысловой контакт) действий друг друга, проявляется способность участников адекватно интерпретировать замыслы (цели) и включаться в согласованные действия¹¹.

Культура – это система общественных значений, закодированных в символах и выраженных в поведении, которое рассматривается как символическое (знаковое) действие. Такие символы являются публичным выражением общепринятых подходов, убеждений, практик и гарантируют взаимопонимание среди тех, кого можно причислить к одной и той же культуре¹². При межкультурном взаимодействии происходит считывание кодов и их декодирование, причем коды или культурные значения выходят за рамки внутреннего личностного понимания. Подобный семиотический подход к пониманию культуры получил развитие в трудах К. Гирца и его школы, которую называют «символической антропологией». Особый интерес для нашего исследования представляет тот факт, что культура для него – продукт человеческого взаимодействия: люди и создают, и интерпретируют культуру. В рамках этой концепции все проявления и продукты культуры, включая и материальные, являются актами коммуникации, поскольку обладают значением и создаются с целью его передачи¹³.

Отметим еще одну закономерность: объем передаваемой информации по каналам общения из-за содержательной перенасыщенности и обилия действующих средств коммуникации не усваивается личностью в полной мере, в обществе не происходит стремительного роста духовной культуры непосредственно вслед за увеличением объема информации и расширением сферы общения. В этой связи встает вопрос об устранении этого противоречия, т. е. воспитании личности, способной в системе самообразования, самовоспитания, творчества находить информацию, позволяющую совершенствовать духовную культуру. Необходимо учитывать, что и элементы культуры могут выступать как посредники общения. Благодаря им общение может осуществляться

разворачиваясь из отдельных актов в процессы, приобретать стабильный характер.

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает рассмотрение нравственных аспектов коммуникации и общения в современном социуме. Возросший образовательный ценз повысил требования к общению, но не привел (из-за отсутствия целенаправленного обучения) к автоматическому обретению способностей каждым образованным человеком быть субъектом подлинного общения. Возникла парадоксальная ситуация – член социума испытывает потребность в высокой культуре общения, а сам не отвечает или отвечает не в полной мере этим требованиям, т. е., будучи образованным, он, по сути дела, не является культурным. Это происходит еще и потому, что современная социальная среда изменяется быстрее, чем индивид, который в силу своих физиологических, интеллектуальных, психологических и нравственных особенностей не способен адаптироваться к стремительно меняющемуся миру. Устранение данного несоответствия является насущной задачей коммуникативно-культурного синтеза и его воздействия на функционирование социума.

Интенсивное развитие современного информационного пространства, процессы глобализации и переход от индустриального общества к научно-коммуникативному породили целый ряд социально-политических, экономических, технологических изменений, которые не могли не сказаться на функционировании коммуникативных сообществ. В условиях отсутствия общепринятой системы ценностей возрастает значение этических норм регуляции коммуникативного поведения – это интересубъективность, конвенциональность, толерантность, гуманность, ответственность. Понятие коммуникативной этики обращает нас к дискурсу как форме коллективной рефлексии и реконструкции проблематических допущений, которые обсуждаются, принимаются или отклоняются в процессе аргументативной деятельности. Основное положение этики дискурса: «...только те нормы имеют право притязать на значимость, которые находят (или в состоянии найти) одобрение у всех личностей, к которым они имеют отношение, как у участников практического дискурса»¹⁴. Этика дискурса предоставляет каждому члену сообщества возможность включиться в обсуждение, чтобы высказать свое мнение и отстаивать свои интересы. Важным аспектом коммуникативной этики является учет всех последствий действия и ответственность за них: любой вид деятельности, особенно коммуникативной, представляет собой ответственный выбор, основанный на индивидуальных особенностях и нормативно-ценностной ориентации каждой конкретной личности. К.-О. Апель провозглашал этику ответственности «основой бытия реального коммуникативного сообщества»¹⁵. Таким образом, коммуникативная этика предлагает значимые нормы поведения,

которые одобрены и соблюдаются всеми участниками практического дискурса.

Вектор развития современного социума связан с возрастанием конфликтных ситуаций и стремлением к их преодолению. Подлинно коммуникативная этика может способствовать согласованию ценностей различных людей, однако общество постмодерна характеризуется неоднородностью социальных групп, мозаичностью культуры и, как следствие этого, широким спектром ценностных ориентиров. Обмен мнениями, диалог, толерантность и ценностно терпимое отношение помогают снять конфликтность ситуации и достичь определённого консенсуса.

Развитая система коммуникации – признак совершенствующегося социума, поскольку общественный прогресс включает все больше людей в развитие коммуникативной культуры личности, социальных групп и социума особенно актуально как залог движения к демократическим, нравственно активным формам жизнедеятельности.

Примечания

- 1 См.: Швейцер А. Благоговение перед жизнью. М., 1989. 572 с.; Асмус В. Ф. Мировоззрение Толстого // Асмус В. Ф. Избранные философские труды : в 2 т. М., 1969. Т. 1.; Комаров Э., Литман А. Мировоззрение М. Ганди. М., 1969. 235 с.
- 2 См.: Смоленцев Ю. М. Гуманизм как принцип культуры // Актуальные проблемы культуры XX века. М., 1993. С. 7–33.
- 3 См.: Печчи А. Человеческие качества. М., 1985. 312 с.
- 4 См.: Лихачёв Д. С. Земля родная. М., 1983. С. 78.
- 5 См.: Лотман Ю. М. О двух моделях коммуникации в системе культуры // Труды по знаковым системам. Тарту, 1973. Вып. 4. С. 227–243.
- 6 См.: Кузнецова В. В. Человек в контексте социальных форм жизнедеятельности. Саратов, 1995. С. 108.
- 7 См.: Библер В. С. От наукоучения к логике культуры: два философских введения в двадцать первый век. М., 1990. 413 с.; Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1971. 445 с.; Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994. 560 с.
- 8 Бахтин М. М. Указ. соч. С. 318.
- 9 См.: Elliott M. Killing Off Kipling // News Week. 1997. № 24. P. 10.
- 10 См.: Библер В. С. О сути диалогизма // Вопросы философии. 1989. № 7. С. 8–9.
- 11 См.: Стриганкова Е. Ю. Коммуникация как культурный код и социальное действие // Социокультурные проблемы языка и коммуникации. Саратов. 2005. Вып. 5. С. 10.
- 12 См.: Елизарова Г. В. Культура и обучение иностранным языкам. СПб., 2004. С. 16.
- 13 См.: Гириц К. Интерпретация культур. М., 2004. 560 с.
- 14 Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000. С. 146.
- 15 См.: Апель К.-О. Трансформация философии. М., 2001. С. 324.

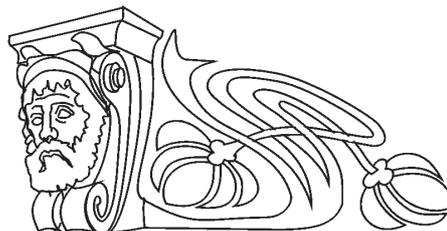

УДК 1(091)

ПРОБЛЕМА ЭМПИРИЧЕСКОГО СУБЪЕКТА И ТИПЫ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

О. Ю. Есина

Саратовский государственный университет
E-mail: oksana801@inbox.ru

Статья посвящена анализу типов рациональности в современной философии. При описании ситуаций каждого типа вводится особая идеализация познающего субъекта. Поскольку субъект есть основание всякой деятельности, модель эволюции рациональности рассматривается в соотношении с познавательной деятельностью эмпирического субъекта.

Ключевые слова: классическая рациональность, неклассическая рациональность, постнеклассическая рациональность, субъект, эмпирический субъект.

The Problem of Empiric Subject and Types of Rationality

O. Y. Esina

The article is devoted to the analysis of the types of rationality in the modern philosophy. During the description of every type of rationality the special idealization of subject recognizing is introduced. As far as the subject is the reason of any activity, the model of evolution of the rationality is studied in the relation to the cognitive activity of an empiric subject.

Key words: classical rationality, non-classical rationality, post-non-classical rationality, subject, empiric subject.

В современном философском сознании проблема рациональности становится одной из ключевых. Можно сказать, что все дискуссии, ведущиеся сегодня в разных областях философского знания, выходят на обозначенную проблему. И это, разумеется, не случайно – совокупность идей и идеалов классической рациональности, на которые ориентировалась философская мысль два последних столетия, ныне подвергается решительному переосмыслению: «...эта критическая ревизия, осуществляемая очень по-разному и самыми различными течениями современной мысли, имеет под собой серьезные основания»¹.

Начиная с Нового времени под влиянием классического рационализма оформляется традиционное понятие рациональности как разумно упорядоченного процесса. Проблема рациональности сводится к поиску регулятивных предписаний и правил по обеспечению последовательного и стройного хода рассуждения. Однако образ классической рациональности оказался слишком узким, не охватывающим в полном объеме все её проявления, поэтому, начиная со второй половины XIX в. и до нашего времени, предпринимались попытки дать новое определение этого понятия

в ином контексте. В связи с этим сложились три типа рациональности – классический, неклассический и постнеклассический.

Важно подчеркнуть, отмечает В. С. Степин, что «все три типа научной рациональности взаимодействуют, и появление каждого нового из них не отменяет предшествующего, а лишь ограничивает его, очерчивает сферу его действия. При теоретико-познавательном описании ситуаций, относящихся к различным типам рациональности, требуется вводить каждый раз особую идеализацию познающего субъекта»². Субъект есть основание всякой деятельности, поэтому модель эволюции рациональности необходимо применять и к познавательной деятельности человека.

На базе представлений о физической картине мира в XVIII – XIX вв. складывается классический этап естествознания. Мир состоит из объектов, лишенных признаков субъективности, движение частиц, их упорядоченность осуществляются по механистическим законам. Человек как субъект, способный к целеполаганию и самодетерминации, не вписывается в такую картину мира. Это противоречие естественно-научной рациональности образу человека, которым руководствовалась философия начиная со времен античности, «было четко осмыслено в западно-европейской философской мысли Нового времени и нашло свое отражение уже в дуализме Декарта»³. Деятели классического естествознания принимали постулат, суть которого заключалось в том, что наблюдатель в силу своей отстраненности от объекта исследования может постичь все его свойства, не нарушая «естественного хода вещей». Наука не зависит от системы ценностей исследователя, а научная истина, добываемая строго обоснованными и точными методами, не зависит от субъекта, поэтому в естествознании ставилась задача отстранения субъекта от познания мира⁴.

Критерием классической научной рациональности является включение определенных положений в концептуальный каркас, возможность рационализации осуществляется на основе принятых в его рамках описаний и объяснений. При подобных обстоятельствах научная рациональность идентифицируется с механистическим пониманием природы, происходит ее абсолютизация. Любое изменение в такой парадигме расценивается как однозначный показатель венаучности, не-

рациональности представлений⁵. Рассматривая человека как природное тело среди других таких же тел, классическая научная рациональность элиминирует его из познавательного процесса, в противном случае необходимо отказаться от научного подхода, поэтому получение достоверного знания возможно лишь объективным путем.

Усиление роли естествознания сказало и на философии: Р. Декарт, ориентируясь на математику как строгую науку, стремился построить научную философию, единую по своему методу и предмету. Он был первым, кто обратился к проблеме познания субъекта: приоритетным он считал мышление, а сущностью человека – познание. С помощью дедуктивного метода философ показывает путь восхождения от реального субъекта к эмпирическому субъекту, а затем к *cogito*.

В кантианстве была четко проработана «несовместимость вещно-объектной механистической научной рациональности и представления о человеке как самоопределяющемся субъекте, что привело к представлению об особом, отличающемся от конкретно-научной рациональности типе философской рациональности»⁶. И. Кант разделил субъект на эмпирический и трансцендентальный: ориентируясь на «идеалы» науки в философии, он и его современники отдавали приоритет трансцендентальному субъекту, эмпирический же рассматривался лишь как первоначальная стадия для получения истинных трансцендентальных знаний. Если научная рациональность абстрагировалась от деятельности природы субъекта, философия придавала истинному знанию трансцендентальный характер, поэтому как в естествознании, так и в философии о познающем человеке – эмпирическом субъекте – не могло быть и речи.

Поворотным пунктом в смене классического типа рациональности неклассическим послужили исследования в области квантовой механики и технический прорыв. Этот период приходился на середину XIX – 60-е гг. XX в. Кризис мировоззренческих установок классического рационализма способствовал формированию типа рациональности, погруженного в социальные обстоятельства, «которые во многом определяют установки познания, его ценностные и целевые ориентации»⁷. В это время меняются нормы доказательства и идеалы знания, новые открытия в физике и космологии способствуют пересмотру картины мира: природу начинают рассматривать как сложную динамическую систему. Если классический тип рациональности элиминировал субъект из познавательного процесса, в неклассический период субъект находится внутри детерминированного мира, выступает как разработчик метода эксперимента. Исследователь задает все условия эксперимента, он моделирует реальность, однако этим ограничиваются его функции как создателя предметной реальности.

В это время видоизменяются и философские основания науки. В философии происходит пере-

оценка ценностей классической рациональности, выразившаяся в отказе от ограничения сферы разумного исключительно логикой или наукой. Обращение к феномену жизни способствовало восприятию живой реальности и выявлению дорефлексивного знания, предшествующего разделению на субъект и объект, познающего и познаваемого. С введением понятия «жизнь» признавалась значимость эмпирического субъекта как наделенного жизнью индивида⁸.

Критикуя классическую рациональность за бесчеловечность, Э. Кассирер показывает неспособность натурализма не только к описанию, но и к изменению человеческой природы в рамках натуралистического подхода⁹. По мнению исследователей этой проблемы, «образ классической научной рациональности оказался одним из проявлений рациональности как она есть, ее элементом, узкой разновидностью, не охватывающей явление в его полноте»¹⁰. По этой причине в XX в. предпринимались попытки разделения рациональности и научности, проведения границы между ними. Становится невозможным решить ряд научных задач без комплексного использования знаний в различных научных дисциплинах, без учета места и роли человека в исследуемых системах.

Смена неклассического типа рациональности постнеклассическим происходит под влиянием постпозитивизма в 60-е гг. XX в. Представители этого направления – К. Поппер, П. Фейерабендт, Т. Кун – стремились создать модель науки, опирающуюся на историко-методологические основания. На смену единому разуму пришло разнообразие исторически меняющихся типов рациональности, наука приобрела релятивистский характер. Как отмечают И. Т. Касавин и З. А. Сокулер, дискуссии по поводу рациональности несколько не уточняли понятия, а привели к его неопределенности. И если поначалу «исследователи еще могли верить, что они примерно одинаково понимают смысл и значение термина “рациональность”, то постепенно, по мере углубления дискуссий, стало очевидным, что подобная вера безосновательна»¹¹. Для постнеклассического типа рациональности характерны отказ от формализованного знания и принятие плюралистических концепций. Если для классической рациональности свойственна закрытая система, то постнеклассическая рациональность открыта для многочисленных независимых теорий, ее границы отчетливо не определены. При таких обстоятельствах ставится под сомнение научность рациональности.

Одним из важнейших моментов современной научной рациональности является усиление роли познающего субъекта за счет радикальной переоценки ценностей: происходит включение субъекта в познавательный процесс. Он не только включается в функции создателя реальности, но и выступает как совокупность всей целостности,

человека. Человек определяет природу, пропуская ее через себя, для него больше нет установки «природа такая, как она есть». Как справедливо отмечает П. П. Гайденко, вопрос о природе рациональности становится не только теоретическим, но и жизненно-практическим¹².

Если современное научное мировоззрение рассматривает рациональность в соотношении с деятельным человеком, на философском уровне происходит отстранение познающего субъекта от процесса познания. Представители постпозитивизма, постмодернизма устранили понятие «субъект» из философских рассуждений. По мнению постпозитивистов, научное знание вполне может существовать автономно, потому как наука – это только точные данные, а эмпирический субъект основывается на чувствах, в рациональном же нет ничего, что могло бы быть сведено к опыту. Подчеркивая независимость научного знания от познающего субъекта, философия постмодернизма обнаружила две противоречивые тенденции. С одной стороны, постмодернисты обозначают как негативный опыт классической рациональности из-за преувеличения значимости трансцендентального субъекта в качестве доминирующего универсума, который вызвал «неправомерное гипостазирование субъекта, превращение его в единый самоидентифицирующийся субстрат»¹³. С другой стороны, постмодернисты приводят аргументы в пользу бессубъектной философии, используя те же методы, какие предлагались модернистами в пользу объективистского изображения субъекта.

Таким образом, в эволюции понятия «рациональность» наблюдается довольно парадоксальная ситуация. В классический период наука элиминировала человека из познавательного процесса, расценивая человеческие действия как вненаучные, антирациональные; философия отводила субъекту центральное место, признавая лишь его трансцендентальные свойства. В неклассический период наука включала субъекта в исследовательскую деятельность, но ограничивала его функции; знание по-прежнему носило объективный характер. Параллельно с развитием естествознания философия впервые признала значимость эмпирического субъекта. В постнеклассический период складывается совершенно противоположная ситуация: научная рациональность переосмысливает отношение к человеку, осознавая роль деятельностного субъекта как неотъемлемой части социальной действительности, с которой он взаимодействует напрямую. Постпозитивисты и постмодернисты устранили понятие «субъект» из философского контекста.

По нашему мнению, отстранение эмпирического субъекта – человека – от процесса познания приводит к выхолащиванию реальности. Присутствие человека необходимо и всегда значимо для любого процесса деятельности или события. Обращение к нему в целостности его ипостасей и проявлений поможет актуализировать и разрешить существующие в философии проблемы. Стремление восстановить в правах эмпирического субъекта ставит проблему доверия ему, которая «предполагает в целом объективные возможности и многообразные способы получения достоверного знания, а также “презумпцию” устремленности субъекта познания к истине»¹⁴. Для решения назревших проблем необходимо ориентироваться не на закрытый догматический характер рациональности, а на идею «открытой рациональности». Исторический характер такой рациональности помогает приблизиться к реальной познавательной деятельности эмпирического субъекта.

Примечания

- ¹ Лекторский В. А. Предисловие // Исторические типы рациональности : в 2 т. М., 1995. Т. 1. С. 3.
- ² Степин В. С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность [Электронный ресурс]. URL: <http://spkurdyumov.narod.ru/Stepin50.htm> (дата обращения: 20.02.2011).
- ³ Швырёв В. С. Рациональность в спектре ее возможностей // Исторические типы рациональности. М., 1995. Т. 1. С. 20.
- ⁴ Образцом в этом отношении выступали ньютоновские законы физики.
- ⁵ Швырёв В. С. Указ. соч. С. 14.
- ⁶ Там же. С. 21.
- ⁷ Степин В. С. Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philosophy.ru/library/stepin/index.html> (дата обращения: 20.02.2011).
- ⁸ Микешина Л. А. Философия познания. Poleмические главы. М., 2002. С. 194.
- ⁹ См.: Cassirer E. Naturalistische und humanistische Begründung der Kulturphilosophie. Gueteborg press, 1939. 154 s.
- ¹⁰ Дрошинева Н. В. Понятие жизни и проблема становления неклассической рациональности : дис. ... канд. филос. наук. М., 2006. С. 14.
- ¹¹ Касавин И. Т., Сокулер З. А. Рациональность в познании и практике. М., 1989. С. 7.
- ¹² См.: Гайденко П. П. Научная рациональность и философский разум. М., 2003. С. 9.
- ¹³ Порус В. Н. Рациональность. Наука. Культура. М., 2002. С. 190.
- ¹⁴ Микешина Л. А. Указ. соч. С. 16.

УДК 11/13

ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ НЕДОСТАТОЧНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА И ТЕОРИЯ СОЗНАНИЯ

Е. В. Захарова

Самарский государственный университет
E-mail: mystery1978@mail.ru

Статья посвящена проблеме недостаточности в жизни человека. Недостаточность рассматривается как хроническая нехватка нечто внутри границ самоидентификации. Вводится понятие онтологической недостаточности как недоопределенности бытия до целого. Понимание недостаточности эксплицируется с помощью теории сознания, представляющего собой несколько уровней синтеза психических процессов.

Ключевые слова: онтологическая недостаточность, сознание, экзистенция, трансценденция, граница.

Ontological Incompleteness of the Human Being and the Theory of Consciousness

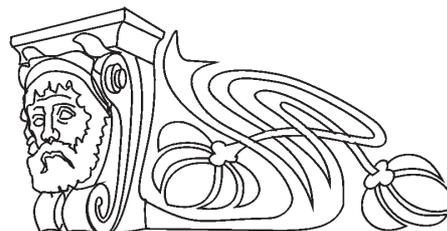
E. V. Zakharova

The article is devoted to the problem of incompleteness in a human life. Incompleteness is considered to be a chronic lack of something within the boundaries of self-identification. The concept of ontological incompleteness as a non-predeterminance of a human being up to the wholeness is introduced. The understanding of incompleteness is explicated with the help of the theory of consciousness. Consciousness is represented as the several levels of psychic processes.

Key words: ontological incompleteness, consciousness, existence, transcendence, wholeness, boundary.

Мысль о человеке как существе недостаточном знакома и философии, и антропологии, и религии. Истоки нехватки, переживаемой человеком и на биологическом, и на психологическом уровне нам следует искать в онтологии. Экпликация недостаточности на онтологическом уровне требует определить понятия границы, сознания и психики. Если психология обращается к границам социальной адаптации человека, биология – к границам его природной приспособленности, антропология – к границам человеческого как такового, то философский аспект недостаточности касается *онтологической* границы, в которой фундирована недостаточность.

Предложим следующее определение: *недостаточность* – это хроническая нехватка нечто внутри границ самоидентификации. Она сопровождается базовым чувством неудовлетворенности и беспокойства, которое побуждает живое существо трансцендировать границу, разделяющую его бытие на Я и не-Я. Недостаточность в ее биологическом и психологическом аспектах может быть названа функциональной, она при-

суца всем представителям живой природы и ориентирует их на конкретную область, условно называемую не-Я, посредством экспансии в которую может быть временно заполнена нехватка.

Человеку, помимо функциональной, присуща онтологическая недостаточность как недоопределенность бытия до целостности, и она не может быть исчерпана в описании никакой нехваткой наличного и не указывает на какую-либо конкретную среду не-Я. Недостаточность обусловлена наличием границы, за которую приходится выходить для поддержания жизнедеятельности. Граница маркирует встречу Я, т. е. области самоидентификации, и Иного, или не-Я. Областей самоидентификации может быть множество, и каждая из них граничит с соответствующей областью Иного – например, биологический организм граничит с физической средой, удовлетворяя за счет нее свои потребности.

Применительно к человеку функциональная недостаточность характеризуется *онтической* границей контакта Я с не-Я наличной среды. В свою очередь, онтологическая недостаточность есть эпифеномен *онтологической* границы, через которую происходит претворение человека в Инобытие трансцендентной реальности¹. Область онтического охватывает все проявления наличного бытия самого по себе, *взятого безотносительно* к Инобытию и в этом случае квалифицируемого как повседневность. Онтологическая граница есть ориентация на Инобытие, которое объемлет и человека, и мир, будучи *трансценденцией*.

Для рассмотрения человеческой природы понятие границы может быть плодотворным в антропологическом и психологическом (и психотерапевтическом) смысле. В связи с границей существенным для исследования недостаточности является понятие сознания. В духовных, психотерапевтических и даже социальных практиках, непосредственно связанных с преодолением недостаточности, сознание находится в эпицентре преобразования. Поскольку можно говорить о преодолении недостаточности как о некоей «онтологической трансформации»², областью этой трансформации может быть избрано сознание.

Сознание знаменует собой осмысленный и выраженный в понятии предел разнообразных

человеческих проявлений, самоотождествлений и самоидентификаций. Оно есть суть всего, что человек считает в себе важным, и то, что под сознанием зачастую понимаются самые различные вещи, доказывает его важность как символа человеческого самопонимания. Важно такое представление о сознании, которое не только отразило бы недостаточность как онтологическую особенность человека, но и показало ее в динамике возможных изменений.

Сознание может быть рассмотрено на нескольких уровнях, *некоторые* из которых присущи только человеку. В качестве рабочего определения сознания, предвещающего дальнейшие рассуждения, примем следующее: сознание – *это субъективная направленность, интенциональность бытия* (именно в том смысле, который придает ей аналитическая философия), определяющая границу между внешним и внутренним как между областью самоидентификации и средой. В зависимости от того, каким образом осуществляется ориентирование в среде, сознание можно разделить на несколько типов, т. е. на несколько *уровней синтеза психических процессов*, присущих как животным, так и человеку и обуславливающих характер интенциональности сознания. Однако эта классификация требует предварительного выбора понятий.

Какие основания имеются, чтобы предпочесть понятия «сознание» и «сознательное бытие», например, понятию «экзистенция»? Ведь исходное средневековое понимание категории «экзистенция» указывает на онтологическую недостаточность, трактуя существование сущего как сотворенного, производного от божественного бытия вещи, как бытия недостаточного, незавершенного, несоизмеренного своей сущности (сохранение подобия, но потеря образа). Современное понимание *экзистенции* связывается с характеристикой бытия, у которой «существование предшествует сущности» (Ж.-П. Сартр) и показывает внутреннее онтологическое устройство человеческого существа как «нехватку», отрыв от себя самого (в этом контексте префикс *ex-* указывает на несамостоятельность), незавершенное существование, постоянно доопределяющее себя в акте своего радикального решения о мире. Однако *экзистенция* обычно описывает специфически человеческий способ бытия, тогда как «сознание» может подразумевать любой способ быть – как человеческой, так и иной субъективности. Ограничение темы недостаточности рамками только человеческого существования делает, например, невозможным изучение многочисленных путей ее преодоления, предлагаемых восточными традициями.

С одной стороны, *экзистенция* обращается к уровню индивидуальной ответственности, «забрасывая» человека в зазор «не-алиби» в бытии, лишая успокоительной мысли о предопре-

ленности его действий «обстоятельствами». В ситуации глобальных кризисов XX–XXI вв. такой подход безусловно необходим. С другой стороны, принципиальным исходным моментом современного значения категории экзистенции является ее недедуцируемость из каких бы то ни было объективных причин, систем, в том числе из биологических, физиологических структур, из структур бессознательного и др.

С учетом этого аспекта, делая понятие экзистенции в отношении недостаточности человека центральным, есть соблазн замкнуть исследование в пределах субъективности, *переживающей* себя как свободную и недостаточную, независимо от вселенной, ее окружающей. Тем временем не хотелось бы вычеркивать объективный момент детерминированности проявлений человеческого сознания и, быть может, определяющий и само переживание недостаточности. Как отмечает В. Н. Сагатовский, анализируя концепцию М. Хайдеггера, «верно, что человек способен воспринимать бытие с позиций собственной экзистенции. Но неверно сводить человека к этой стороне его бытия»³. В связи с этим плодотворно использование понятия экзистенции наряду с более многогранным понятием сознания.

С. Кьеркегор, М. Хайдеггер, так же как и К. Ясперс, относят экзистенцию только к человеку. Кьеркегор первый ограничивает классическое понимание экзистенции как существования любого сущего бытием человека. В полемике с панлогизмом Г. Гегеля С. Кьеркегор противопоставил экзистенцию и систему, трактуя экзистенцию как непосредственную жизнь субъективности, переживание, нередуцируемое к объективной мысли. Анализируя развитие понятия экзистенции, М. Хайдеггер указывает на Ф. Шеллинга как промежуточное звено между классическим пониманием экзистенции и пониманием Кьеркегора, ограничившего экзистенцию человеческой субъективностью⁴. Хайдеггер считает, что различие Шеллинга направлено на взаимопринадлежность основы и экзистенции в сущем⁵. Для Шеллинга экзистенция определяет не только человеческое существование: принципиальным для него является различие основы и экзистенции, которое базируется на понимании бытия как воли: «В последней, высшей инстанции нет иного бытия, кроме воления»⁶.

Сам Хайдеггер принимает ограниченную трактовку экзистенции как специфически человеческого самобытия, но самобытия постольку, поскольку оно относится к бытию⁷. Для Хайдеггера и Сартра экзистенция – бытие, направленное к ничто и сознающее свою конечность. Хайдеггер пишет о том, что у Сартра *existentia* есть действительность, в отличие от чистой возможности⁸. Если у Хайдеггера, как отмечает С. Голенков, «“существование” есть не что иное, как возможность подлинного или неподлинного бытия»⁹, то Сартр понимает формулу «существование пред-

шествует сущности» как основанность сущности человека на его свободных действиях, в которых и выражено существование¹⁰. Это действие всегда возвращает человека к самому себе, к своим возможностям, реализация которых никогда не покрывает нехватки. При этом трансценденция не может восполнить нехватку экзистенции, так как трансценденция – всего лишь тайна экзистенции, а не ее внеположный источник.

Трактовка К. Ясперса соединяет Dasein как человеческое бытие и экзистенцию в смысле Кьеркегора, а именно – как самобытия субъективности перед лицом Бога. Для Ясперса экзистенция – духовно-личностное, ответственное бытие-к-трансценденции.

Из многообразия возможных пониманий экзистенции шеллингово представляется самым заманчивым. Ведь понятие Шеллинга могло бы позволить рассмотреть человеческое существование как часть большего целого, в которое вписан человек как *одна из* составляющих. Такая позиция не «играет» в пользу антропоцентризма – идеи, обостряющей ситуацию человеческой недостаточности. Но если понятия Шеллинга были подчинены прояснению вопроса об источнике зла, то в данной работе они должны помочь в экспликации природы недостаточности. В связи с этим ценной рабочей структурой является описание экзистенции К. Ясперсом – отношение экзистенции и трансценденции, которое дает возможность вплотную подойти к вопросу о коррекции недостаточности при анализе религиозной антропологии и дать характеристику высшему уровню сознания, на котором происходит преодоление недостаточности.

В теоретическом соотнесении применяемых понятий экзистенции и сознания в вопросе о недостаточности поможет также метатеория сознания М. Мамардашвили и А. Пятигорского, в которой экзистенция – это «способность различать сознание и сознательное (осознанное)»¹¹. И здесь существование определяется не по «способу заботы о...» (как у Хайдеггера), «а по способу понимания своей заботы»¹². Экзистенция здесь предстает как *понимание*. Учтем два вышеперечисленных аспекта экзистенции и представим четыре уровня сознания.

1. Сознание как субъективность, непосредственная субъективная чувствительность, присущая всем организмам, которые выживают благодаря ориентации в окружающей среде. Это есть сознание «от первого лица». Его английский эквивалент – *awareness*, осведомленность, т. е. непосредственное ощущение окружающей среды – или *setience* – чувствительность. На этом уровне сознание определяется: *эмоциями* (лат. *emotion* – волнение) – психическими процессами импульсивной регуляции поведения, основанной на чувственном отражении благоприятности или вреда внешнего воздействия; *переживанием* – эмоционально окрашенным

психическим состоянием, непосредственно представляющим в сознании субъекта значимость того или иного воздействия среды. Т. Нэтсоулс, в нескольких работах выстраивающий перечень имеющихся в науке концепций сознания, считает сознание как субъективную чувствительность основополагающим и присутствующим у всех живых существ¹³.

2. Сознание как Я – область самоидентификации, включающая представления субъекта о себе, границах своей самости.

3. Понимание, или «свидетельствующее начало» – способность сознания быть свидетелем собственных проявлений, т. е. различать сознание (в качестве свидетеля) и сознательное. Предполагает принятие отстраненной позиции в отношении собственной текущей чувствительности. Этот уровень также может быть назван экзистенцией. Например, У. Найссер и Ф. Бартлетт говорят об основополагающей для человека способности «оборачивания назад», на свое восприятие, которое вследствие этого оборачивания спонтанно реорганизуется и дает новый сознательный опыт, новое понимание¹⁴.

Понимание представляет собой неразличимую внутри себя целостность всех познавательных способностей, выявляющую смысл предметных значений. В целостности понимания существование человека открывается самому себе. На этом уровне сознание представляет собой такой синтез психических процессов, который существует через самоутверждение пониманием. Утверждение может быть описано как экзистенция, которая в этом случае есть способ определяться, очерчивать границы отдельного существования: «Стояние в про свете бытия я называю эк-зистенцией человека. Только человеку присущ этот род бытия. Так понятая эк-зистенция не просто основание возможности разума, *ratio*; экзистенция есть то, в чем существо человека хранит источник своего определения»¹⁵. Определение осуществляется посредством *понимания* как способности сознания быть свидетелем собственных действий, то есть способности различать сознание и сознательное. Экзистенция образует неизменность отдельного существования в его собственных границах.

Таким образом, сознание существует в утверждении своего бытия через свое понимание. Понимание есть неverifiedируемая и неструктурируемая сердцевина сознания, «ощущаемый» смысл. Феноменолог и психолог Ю. Гендлин считает «ощущаемый смысл», или чувство понимания, центральным аспектом сознания, сопровождающим все моменты символического познания¹⁶.

4. Встреча с трансценденцией (религиозный опыт, Откровение). Соприкосновение с трансцендентным сознанием переживает как Откровение, как моменты *полного преодоления* недостаточно-

сти, но именно потому, что это только моменты, они неопишуты. Превращение их в вечность на языке индийской философии называется нирваной. Этому уровню соответствует сопричастность основе целостности бытия – «мудрость молчания», которая проявляется как религиозное чувство (что особенно ясно из традиции бхакти) или «философская вера» (Ясперс), выражающие отношение экзистенции к трансценденции.

На каждом уровне сознания переживается та или иная форма недостаточности, которая «указывает» сознанию его Иное, на границе с которым нехватку можно восполнить. Сознание определяется на границе с Иным по отношению к данному уровню сознания. Например, религиозный опыт разворачивается только во встрече с Божественным, понимание осуществляется в отстранении от предметности, от-граничении от нее. Уровень сознательного Я в многочисленных традициях, самым известным из которых является психоанализ, коррелируется и моделируется столкновением с бессознательным. Непосредственная субъективная чувствительность находит себя в контакте с чувственным миром, выражая свое восприятие «от первого лица». В сущности, актуальной является только пограничная область сознания и Иного¹⁷, способного восполнить нехватку внутри области сознания, которая выражается в витальной, экзистенциальной или духовной потребности и заставляет сознание выходить в поиске удовлетворения за свои границы, в Иное.

С *первым уровнем* связана биологическая недостаточность как телесная неудовлетворенность, в субъективном переживании выраженная в витальной потребности. Биологическая недостаточность регулирует ориентацию существа в среде, она определяет повседневное существование множеством контактов со средой посредством онтической (термин, применимый в случае если речь идет о человеке) границы.

На *первом и втором уровнях* также наличествует психологическая недостаточность как переживаемый разлад между представлением о содержании области Я и реальной ситуацией. К проявлениям такой недостаточности относятся не только стремление человека защитить ту сферу (социальную, идейную, профессиональную), с которой он себя отождествляет, но и поведение животных, защищающих свою территорию и бессознательно отождествляющих себя с ней. Разница заключается только в уровне осознанности.

На *трех последних уровнях* проявляется онтологическая недостаточность как специфика человеческого бытия. Вновь обращаясь к своему определению, скажем, что *онтологическая недостаточность* – это несамодостаточность человека в отношении бытия как целого, которая выражается в существовании границы между внутренним (Я) и внешним (Иное, не-Я) бытием

и побуждает к восполнению нехватки посредством трансгрессии и экспансии в Иное. Будучи *несамодостаточностью*, она переживается как нехватка нечто внутри границ самоидентификации, и поэтому всегда ее проявление связано с областью Я.

Понимание экзистенцией своей неполноты, выражаемое одним из уровней сознания, побуждает ее к воссозданию себя до целого, говоря словами Ясперса, во встрече экзистенции и трансценденции. Трансценденция как радикально Иное по отношению ко всем уровням сознания и одновременно как *объемлющее* (Ясперс) их заключает в себе все возможности восполнения, и граница с ней есть область онтологической трансформации сознания, относящейся к сфере мистического религиозного опыта и к феномену святости. Этому опыту преодоления нехватки соответствует *встреча с трансценденцией*.

Понимание недостаточности, исходящее из реальности трансцендентного, является принципом при-чащения к целому, запредельному единству, тогда как отрицание трансцендентного в качестве превосходящего и включающего в себя человека начала имеет принцип «доставивания» человека до самостоятельного целого. Здесь мы встречаемся с двумя фундаментально разными проектами преодоления недостаточности: первый полагает единение с Богом, а второй – желание стать Богом; первым движет религиозное чувство или «философская вера», вторым – «воля к власти».

Примечания

- 1 См.: *Хоруэжий С. С.* Человек: сущее, творящее, размыкающее себя. [Электронный ресурс]. URL: <http://synergia-isa.ru/lib/lib.htm> (дата обращения: 22.01.2011).
- 2 Там же. С. 7.
- 3 *Сагатовский В. Н.* Триада бытия (введение в нематриальную коррелятивную онтологию). СПб., 2006. С. 59.
- 4 См.: *Heidegger M.* Die Metaphysik des deutschen Idealismus. Zur erneuten Auslegung von Schelling: Philosophische Untersuchungen über das Wesen der menschlichen Freiheit und die damit zusammenhängenden Gegenstände. Frankfurt a/ M., 2006. S. 75.
- 5 Ibid. S. 82.
- 6 *Шеллинг Ф.* Философия исследования о сущности человеческой свободы и связанных с ней предметах // *Шеллинг Ф.* Соч.: в 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 101.
- 7 См.: *Ставцева О. И.* Понятие «экзистенция» у Шеллинга, Кьеркегора, Хайдеггера // Размышления о философии на перекрестке второго и третьего тысячелетий: сборник к 75-летию профессора М. Я. Корнеева. СПб., 2002. Вып. 11. С. 122–133.
- 8 *Хайдеггер М.* Письмо о гуманизме // *Хайдеггер М.* Время и бытие: Статьи и выступления. М., 1993. С. 200.

- ⁹ Голенков С. И. Феноменология Другого Сартра // Вестн. Самар. гуманит. академии. Вып. «Философия. Филология». 2006. № 1 (4). С. 100.
- ¹⁰ См.: Захарова Е. В. Свобода как основание действия // Ничто и порядок: самарские семинары по французской философии. Самара, 2004. С. 258–267.
- ¹¹ Конев В. А. Критика опыта сознания: самарские семинары по трактату М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорского «Символ и сознание». Самара, 2008. С. 30.
- ¹² Там же. С. 30.
- ¹³ См.: Natsoulas T. Concepts of Consciousness // J. of Mind and Behavior. 1983. № 4. P. 195–232.
- ¹⁴ См.: Neisser U., Kerr N. Spatial and Mnemonic Properties of Visual Images // Cognitive Psychology. 1973. № 5. P. 138–150.
- ¹⁵ Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Библихина. Харьков, 2003. С. 198.
- ¹⁶ См.: Gendlin E. Experiencing and the Creation of Meaning: A Philosophical and Psychological Approach to the Subjective. N.Y., 1961. 415 p.
- ¹⁷ На важность методологии границы указывает, например, гештальт-психолог Ф. Перлз, трактуя самость как процесс, который происходит на границе контакта между организмом и средой (см.: Перлз Ф. Теория гештальт-терапии. М., 2004. 384 с).

УДК 130.3:612

ФОРМИРОВАНИЕ НЕЛИНЕЙНО-ДИНАМИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА

К. А. Мартынович

Саратовский государственный университет
E-mail: gostomysl@mail.ru

В статье рассматриваются проблемы формирования нелинейно-динамической картины мира, описаны фундаментальные понятия, участвующие в ее становлении. Исследуется методологическое и мировоззренческое значение нелинейно-динамической картины мира.

Ключевые слова: детерминизм, нелинейно-динамическая картина мира, динамический хаос, странный аттрактор, фрактал.

The Formation of Non-Linear Dynamical Picture of World

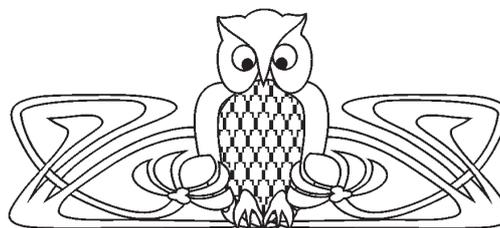
К. А. Martynovich

In the article are considered the problems of formation of non-linear dynamical picture of the world. The basic concepts, involved in formation of non-linear dynamical picture of the world, are described. The methodological and philosophical significance of the nonlinear dynamic picture of the world are investigated.

Keywords: determinism, non-linear dynamical picture of world, dynamic chaos, strange attractor, fractal.

На протяжении всей истории философии одной из основных ее задач было описание различных картин мира. Актуальной проблемой рациональной реконструкции истории науки является описание своеобразия и становления современной нелинейно-динамической картины мира. Как и в любой другой картине мира, в нелинейно-динамической существуют основные понятия, представляющие, по сути, категории мышления современной науки.

Проблемой современной философии является разработка системы категорий мышления

на основе осмысления новейших научных знаний о природе, обществе и человеке. Категории мышления, проясняемые философией, в силу их семантического содержания имеют эвристический потенциал и методологическое значение в контекстах познавательной и практической деятельности. Источником роста философии является осмысление содержаний развивающегося научного знания. Одной из точек роста научного знания являются нелинейная динамика, а также теории, концептуально связанные с ней. Проблематика нелинейной динамики сопряжена с различными направлениями – такими как теории колебаний и волн, катастроф, динамического хаоса, самоорганизации. Некоторые из направлений ориентированы на изучение и описание предмета нелинейной динамики, рассматривают ряд основополагающих понятий, на которых строятся не только теоретические предположения, но и научные факты.

Актуальность философского исследования нелинейно-динамической картины мира определяется состоянием системности современного научного знания, характером соотношения науки и практической деятельности. Очевиден концептуально-методологический разрыв между такими областями знания, как нелинейная динамика, с одной стороны, и рядом эмпирических наук – социальными и гуманитарными в особенности – с другой.

Важнейшей функцией науки является теоретическое предсказание будущих событий,

входящих в предметную область той или иной эмпирической науки. В ходе предсказания событий, сложных процессов наука, основанная на идеализациях линейной динамики, демонстрировала свою несостоятельность. Предсказание геологических, метеорологических, психологических, социальных и других сложных процессов оказывалось и оказывается ненадежным. В результате эмпирическая наука слабо взаимодействует с практикой. Все это указывает на неадекватность идеализаций линейно-динамической картины мира, которой еще недавно вынуждена была руководствоваться эмпирическая наука.

Проблематика, связанная с темой динамического хаоса, восходит к истокам древнегреческой философии. Идеи хаоса и космоса, множественности и единства, простоты и сложности, элементарности и системности, существенные для нелинейно-динамической картины мира, разрабатывались античными философами-учеными – досократиками. Философы греческой классики – Демокрит, Платон, Аристотель – представили эти идеи в формах систематизации. Атомистическая картина мира, учение Платона и Аристотеля о категориях бытия, мышления, познания открывали путь к научно-эмпирическому исследованию мира. Геометрия Евклида, систематизировав математические знания древности, предложила исходные идеализации, востребованные новоевропейской механикой – механикой Декарта, Галилея, Ньютона.

Идеи линейности, однозначности соответствия состояний, гомогенности пространства были положены в основу механической картины мира и связаны с возникновением новоевропейской науки. Ее идеализации были логически систематизированы в так называемой концепции лапласовского детерминизма, предполагающей однозначную связь состояний системы. История науки XIX–XX столетий показала их приблизительный характер, который во многом не соответствовал реальному ходу процессов в природе.

И. Р. Пригожин, основоположник брюссельской школы физической химии и статистической механики, обосновывал положение о том, что ньютоновской картине мира свойственна атемпоральная установка. Время понимается в ней как обратимое на уровне универсальных законов. Прошлое, настоящее и будущее оказывается неразличимым. Необратимость же мира явлений истолковывается как результат ограниченности познавательных возможностей человека. Осознание термодинамической необратимости как следствия второго начала термодинамики, открытие его несовместимости с законами динамики указывали на идеализированный статус механической картины мира. Ее универсализация привела к представлению о вневременном статусе динамических законов. Пригожин доказывал, что теория относительности и квантовая механика не изменили этого миропонимания. Термодинамика

же позволяет открыть новое понимание мира, в котором пересматриваются прежние идеализации естествознания.

И. Р. Пригожин показал на примере обычного маятника, что груз, находящийся в точке, противоположной самому нижнему положению, пребывает в состоянии неустойчивости¹. Это положение маятника практически никогда не исследовалось. Феномен нестабильности приводит к проблемам, в том числе и к проблеме предсказания. Если груз находится в верхней точке, то в принципе невозможно предсказать направление его падения – вправо или влево, – так как оно существенно зависит от флуктуации. Так актуализируется проблема детерминизма, при обсуждении которой формулируются понятия детерминистического и недетерминистического объектов. Пригожин даже пишет в этой связи о различении детерминистических и недетерминистических законов природы. По его мнению, идея нестабильности позволила включить в поле зрения естествознания человеческую деятельность.

Нестабильность, непредсказуемость, время как переменная стали сближать социальные науки и естествознание. Если природе присуща нестабильность, то это накладывает ограничения на возможность предсказаний. Если наука о природе воспринимает идею нестабильности, то она становится иной – осознает свою концептуальную ограниченность обусловленностью культурой XVII в., основывавшейся на идеализации механической картины мира, на представлении о науке как возможном абсолютном знании универсума вечности, в котором нет различия между прошлым и будущим. Материя понимается как вечно движущаяся масса, лишенная истории. История же оказывается вне материи. Образ науки как возможного абсолютного знания универсума сделал устойчивый маятник объектом научного внимания, исключив явления неустойчивости из сферы научного исследования.

Исключение нестабильности, отрицание времени привели к двум образам универсума – как внешнего мира, бесконечно движущегося автомата и как внутреннего творческого мира человека. Является ли наука материалистическим, редуccionистским, детерминистическим феноменом, исключаящим время? В физическую картину мира включаются явления нестабильности, которые характеризуются неопределенностью в отношении будущего. В контексте ньютоновской картины мира термодинамический закон роста энтропии сводился к увеличению беспорядка. В нелинейно-динамической картине мира естественным является представление о соотношенности порядка и беспорядка, что было выражено Пригожиным в понятии диссипативных структур и процессов. Представление о неравновесности в понимании природы истолковывается им таким образом, что в нем выра-

жается не только связь порядка и беспорядка, но и возможность для возникновения уникальных событий.

В динамике одним из основных понятий является *динамическая система*, состояние которой в любой момент времени однозначно определяется из начальных условий. Это значит, что если мы изучаем какие-то законы, упорядоченность, хаос, то мы изучаем их применительно к какой-либо системе. Объект рассматривается как динамическая система, если заданы соответствующие его онтологии величины (динамические переменные), значения которых в заданный момент времени получаются по некоторому правилу, определяющему эволюцию системы. Объект рассматривается как динамическая система, если можно указать набор величин, характеризующих ее состояние. Их значения в любой последующий момент получаются из исходного набора значений по определенному правилу, заданному оператором эволюции системы.

Часто, говоря о хаосе, мы подразумеваем беспорядок. Однако в теории колебаний используется понятие *детерминированный хаос*, то есть беспорядок, который подчиняется вполне определенным детерминистическим законам: в хаотическом режиме сколь угодно малая неточность в задании начального состояния системы быстро нарастает во времени, так что предсказуемость становится недостижимой в достаточно больших интервалах времени.

Дифференциальные уравнения, моделирующие неравновесные процессы, становятся нелинейными, имеющими более чем один тип решений. В точках бифуркации, т. е. в точках смены типов решений, может происходить изменение пространственно-временной структуры. В неравновесном состоянии системы возникают уникальные события, возможно становление более совершенных форм организации, возникают аттракторы – точечные, периодические, странные. В странном аттракторе возникает смесь стабильности и нестабильности, делающая невозможным предсказание движения системы в целом.

В картины мира вписывается феномен детерминации объектов странными аттракторами. Нестабильный мир остаётся познаваемым. Нестабильность траектории системы допускает возможность достоверных предсказаний только на коротком временном интервале (темпоральном горизонте, экспоненте Ляпунова). Исчерпывающее знание о мире становится невозможным, будущее остаётся принципиально непредсказуемым. На этом основании Пригожин усматривает сближение универсумов художественного творчества и естествознания. Возникает идея рациональности, свойственная универсуму нестабильности, в котором невозможны как абсолютное знание, так и абсолютный контроль

реальности. Наука в целом, а не только социально-гуманитарная наука, становится нарративной. Идеи когерентности событий, целостности универсума, многовариантности процессов становятся центральными. В таком мире возникает возможность выбора и необходимость принятия решений, предполагающих риск и ответственность².

Понятие фрактала функционирует как категория мышления современной науки. Фрактал – это структура, обладающая свойством самоподобия, т. е. повторяющая себя на каждом последующем шаге итераций (уменьшении масштаба). Интерес к фракталам вызван тем, что, с одной стороны, это сложный математический объект в евклидовом пространстве, имеющий дробную метрическую размерность либо метрическую размерность строго больше топологической. С другой стороны, разветвления трубочек трахей, листья на деревьях, венозная система, рынок ценных бумаг – это тоже фракталы.

Цель изучения фракталов (и хаоса в целом) – предсказать закономерность в системах, которые могут казаться непредсказуемыми и абсолютно хаотическими. Для более глубокого изучения фракталов удобнее всего описывать их в соответствии с общепринятой классификацией. Среди многообразия видов фракталов можно выделить геометрические, алгебраические, стохастические и физические (природные). Таким образом, такое фундаментальное понятие как фрактал участвует в процессе развития науки и описания современной научной картины мира.

С точки зрения философии интересным является то, что нелинейная динамика предлагает свои фундаментальные понятия, с помощью которых можно описать новую картину мира. Они основаны на предположении о том, что все развивается по нелинейным законам. Объекты различной природы (движение макротела, луча света, популяции, например) могут быть рассмотрены как динамические системы. Так в чем же методологическое и мировоззренческое значение понятия детерминированного хаоса? Окружающий нас мир полон нелинейных явлений и процессов, правильное представление о которых немислимо без понимания возможности хаоса, а также связанных с этим принципиальных ограничений на предсказуемость поведения сложных систем. Например, становится вполне очевидной несостоятельность учения об однозначной определенности эволюционных процессов разной онтологии, например социально-исторического процесса.

Одно из возможных практических приложений понятия хаоса состоит в использовании генерируемых динамическими системами хаотических сигналов в целях коммуникации. Благодаря хаотической природе сигналов открываются новые возможности кодирования информации, которая становится труднодоступной для пере-

хвата. Изучаются вопросы кодирования текстов и изображений посредством хаотических отображений. Системная связь понятия детерминированного хаоса с другими понятиями позволяет говорить о построения новой научной картины мира как основании для современных научных исследований.

Возникновение во второй половине XX в. «науки о сложном» (complexity science) было ответом на жесткость идеализаций механики материальной точки. Темы нелинейности, неустойчивости, хаотизации, самоорганизации, бифуркации постепенно становятся такими, которые определяют рост научного эмпирического знания. Науку о поведении сложных систем Г. Хакен назвал синергетикой. И. Пригожин разработал теорию диссипативных структур, М. Фейгенбаум разрабатывал теорию динамического хаоса. По отношению к сложившимся научно-эмпирическим дисциплинам это движение носило «междисциплинарный» характер. Возникли экстраполяция идей нелинейной динамики и переосмысление онтологии научных дисциплин как в сфере естествознания, так и в области социальных и гуманитарных наук. Богатая новейшая история философии и науки еще ждет своего осмысления в этом отношении.

В. И. Аршинов, исследовав различные аспекты синергетики, выявлял соотношение экспериментирования, теоретизирования и методологизации в структуре синергетического мышления³.

Естественно-научный дискурс представлялся как контекст синергетики, исследовался синергетический подход к моделированию общества.

В современной науке исследовательский интерес акцентирован на познании механизмов самоорганизации нестабильных систем – в связи с проблемами глобализации, экологическим кризисом, нарастающими явлениями катастрофизма, связанными с антропогенным фактором, информационным и демографическим взрывом⁴. Отношения синергетики, системного анализа, компьютерного моделирования проявляются на основании формирующейся нелинейно-динамической картины мира.

Примечания

- ¹ См.: Пригожин И. Р. От существующего к возникающему. Время и сложность в физических науках. М., 1985. 296 с.; Пригожин И. Р., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М., 1986. 432 с.; Их же. Время, хаос, квант. М., 1994. 259 с.
- ² См.: Пригожин И. Р. Философия нестабильности // *Вопр. философии*. 1991. № 6. С. 46–57.
- ³ См.: Аршинов В. И. Синергетика как феномен постнеклассической науки. М., 1999. 203 с.
- ⁴ См.: Делокаров К. Х., Бранский В. П., Пожарский С. Д. и др. Синергетическая парадигма : в 5 кн. Кн. 3. Человек и общество в условиях нестабильности. М., 2003. Кн. 4. Когнитивно-коммуникативные стратегии современного научного познания. М., 2003–2004.

РУССКАЯ ИДЕЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Питирим Сорокин в своей известной работе «Основные черты русской нации в двадцатом столетии» отметил поразительную жизнеспособность русской нации: несмотря на тяжелейшие испытания и исторические катастрофы, которые Сорокин прослеживает в русской истории с IX по XX в., русская нация демонстрировала фениксоподобную возрождаемость и расцвет творческих сил.

Мы вправе задаться вопросом: сумеют ли русские преодолеть очередную национальную катастрофу, которая длится вот уже два десятилетия, а мы при этом не видим ни внутренних, ни внешних условий не только для творческого развития, но и для простого выживания когда-то великой нации?

Было бы наивным ожидать, что в публикуемом цикле исследований по теме русской идеи и национальной философии содержатся окончательные ответы на вызовы нашего времени. Тем не менее можно с удовлетворением констатировать: новое поколение исследователей в современной России пытается подхватить эстафету у своих выдающихся предшественников – прежде всего мыслителей русского Серебряного века. Характерно, что передача такой эстафеты проходит по осевому измерению русского вопроса, а именно вопроса о русском видении национального и вселенского идеала, то есть онтологического совершенства бытия – идеала, который терминологически закреплен как «русская идея».

Русская идея есть *sui generis* энтелехия русского мировоззрения и – тем самым – смысловая доминанта национальной философии. Нацио-

нальной философии? Разве она когда-нибудь существовала в России? Были, конечно, попытки ее формирования, начатые славянофилами первой волны, продолженные творческими усилиями Владимира Соловьёва – автора самого именованного «русская идея» – и подхваченные затем оригинальными и глубокими исследованиями русских мыслителей Серебряного века. В советский период произошел срыв этого высокого задания русской мысли, ибо вместо развития русской идеи как национальной философии русскому народу и народам бывшего Советского Союза была навязана «единственно научная» идеология марксизма-ленинизма. Но, как было сказано в Евангелии, все, что начато не от Бога, но от самих людей, недолговечно и неизбежно рушится само собою. Как правильно отмечали в этой связи Н. Бердяев и С. Франк, все великие замыслы, основанные на человеческих своеволии и гордыне, ждет судьба Вавилонской башни.

Понятно – по крайней мере, духовно и интеллектуально выздоравливающим силам русской нации, – что мы не вправе не учитывать этих горьких уроков исторического опыта своего недавнего прошлого. Ростки такого понимания, на мой взгляд, можно проследить и в публикуемом цикле статей.

В. А. Фриауф,

доктор философских наук,
профессор кафедры религиоведения
и философской антропологии
Саратовского государственного
университета

УДК 316.33

МЕТОДОЛОГИЯ КОНСТРУИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ В РУССКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ТРАДИЦИИ

Д. А. Аникин

Саратовский государственный университет
E-mail: dandee@list.ru

В статье рассматриваются работы малоизвестных русских философов начала XX в. И.М. Гревса и Н.П. Анциферова, посвященные проблеме конструирования социальной памяти с помощью экскурсионных практик. Автор рассматривает методологические предпосылки подобного отношения к прошлому и выявляет потенциал использования конструктивистской методологии для решения актуальных вопросов социальной философии.

Ключевые слова: социальная память, методология, русская философия, практики, стратегии конструирования.

Methodology of Designing of Social Memory in Russian Philosophical Tradition

D. A. Anikin

In article works of little-known Russian philosophers of the beginning of XX century I. M. Grevs and N. P. Antsiferov, devoted to a problem of designing of social memory by means of excursion an expert are considered. The author considers methodological preconditions of the

similar relation to the past and reveals potential of use of constructivist methodology for the decision of pressing questions of social philosophy.

Key words: social memory, methodology, Russian philosophy, experts, designing strategy.

Несмотря на то что методология, рассматривающая прошлое в качестве источника легитимации современной конфигурации социокультурного пространства, в наиболее полной форме оказывается представлена в постструктуралистском проекте «памятных мест» П. Нора, предпосылки такого понимания истории можно найти уже у представителей русской философской мысли XIX в. Несомненным предшественником пространственного анализа прошлого следует считать Л. П. Карсавина¹. Другим, не менее важным, но, к сожалению, редко анализируемым аспектом исследования прошлого в русской философской традиции является вопрос о способах обращения к нему и о социальных практиках актуализации исторических событий.

Особое внимание в этом контексте привлекают фигуры И. М. Гревса и Н. П. Анциферова, традиционно рассматриваемые в аспекте краеведческого и антиковедческого знания². Вместе с тем представляется продуктивным исследовать их воззрения, касающиеся не только способов отражения прошлого в настоящем, но и их сознательного использования в культурно-просветительских или политических целях, в социально-философском ракурсе, выделив те методологические основания, которые могут быть применены к анализу современного состояния политики памяти.

Для начала следует в общих чертах обозначить жизненный путь И. М. Гревса и Н. П. Анциферова для понимания того места, которое они занимают в истории развития философско-исторических исследований и вообще в истории русской культуры. Иван Михайлович Гревс (1860–1941) вырос в дворянской семье и достаточно рано заинтересовался античной культурой, в исследовании которой он опирался на социально-антропологическую методологию Ф. де Куланжа и его ученика Э. Дюркгейма. Данная методология, в принципе не характерная для отечественных антиковедов, делала особый упор на исследование места отдельного факта в структуре сопутствующих социальных феноменов, причинно-следственных связей. Такой подход менял само понимание исторического факта, позволяя уйти от позитивистской методологии И. Дройзена в сторону конструктивистской направленности исторического исследования. Исторический факт в данном случае становился не прямым свидетельством присутствия прошлого в настоящем, неким «сухим остатком», являющимся продуктом очищения от исследовательских интерпретаций, а продуктом этих интерпретаций, очертания которого определялись тем теоретико-методологическим контекстом, который выстраивался самим исследователем³.

Данная методология, разумеется, присутствовала в антиковедческих исследованиях И. М. Гревса в «свернутом» виде, проявляясь в анализе конкретных социально-экономических и социально-политических явлений и накладываясь на те теоретические схемы, которые в настоящее время признаются специалистами в области античности безусловно устаревшими. Вместе с тем чуткость к методологическим инновациям сделала возможным обращение И. М. Гревса в зрелом периоде своего творчества к тем вопросам, которые выходили далеко за пределы компетенции исследователя античности. В философско-историческом плане ученый был сторонником индивидуалистического подхода, рассматривая в качестве единицы исторического процесса отдельную личность, в которой, однако, как в зеркале, отражается определенная историческая эпоха, а также социальная общность, пропитывающая своими культурными стереотипами внутренний мир личности⁴.

Любая социальная общность, согласно взглядам И. М. Гревса, представляет собой «собирательную личность», причем наиболее значимыми он считал край, город и нацию. Данное положение позволяет говорить о том, что перекликаются идеи его и другого выдающегося русского философа – Л. П. Карсавина, который, исходя из методологии всеединства, разрабатывал понятие «симфоническая личность». С точки зрения Л. П. Карсавина, она – субъект исторического познания, коллективный по своему составу, но личностный, индивидуальный по степени отражения в своих мировоззренческих позициях общечеловеческого всеединства⁵. «Симфонические личности занимают в структуре общества промежуточное место между индивидуумом и церковью, они не только объединяют индивидов, но и являются единствами объединенных индивидуумов»⁶.

Но если Л. П. Карсавин, логически развивая свою идею, пришел к выводу о том, что взаимодействие уникальных «симфонических личностей» и создает неповторимую траекторию исторического процесса, то И. М. Гревс не поднимался до подобных обобщений, оставаясь в пределах научно ориентированной методологии философско-исторического знания. С его точки зрения, сугубо теоретическое, «кабинетное» знание не способно создать целостное представление об определенной «собирательной» личности, и тем более не способно сформировать ощущение исторической преемственности не у профессиональных историков, а у широких слоев населения. С целью приобщения людей к прошлому, формирования у них чувства принадлежности к конкретной «собирательной» личности И. М. Гревс предлагал сделать акцент на актуализации исторических знаний практическим путем, а именно на развитии экскурсий и туристических поездок⁷.

Интересно, что первоначально И.М. Гревс рассматривал экскурсию прежде всего в качестве средства самообразования учителя, своеобразного иллюстративного материала, из которого учителя могут черпать примеры, способствующие усвоению учениками теоретического материала. Но постепенно он приходил к выводу, что еще наглядней окажется знание, которое будет усваиваться непосредственно самим учеником, а не транслироваться ему учителем. «В душевной жизни ребенка необходимо, чтобы деятельность органов внешних чувств непрерывно питала работу памяти, воображения и отвлеченного мышления, то есть оба конца познавательного процесса – ощущение и рассуждение – должны в ней постоянно вновь смыкаться и соприкасаться друг с другом»⁸. В этом случае экскурсия должна стать неотъемлемым элементом учебного процесса, способствуя усвоению учеником преподаваемого материала. Иначе говоря, наряду с познавательной экскурсия играет еще и воспитательную роль, именно поэтому исследователь обращает внимание на тщательную проработку экскурсионного маршрута, так как от этого зависит приобретение учениками соответствующих знаний.

Выступая в данном случае не только теоретиком, но и практиком (под руководством И. М. Гревса проводились экскурсии для студентов по Италии, посвященные изучению памятников Античности и Средневековья), ученый весьма требовательно подходил к подготовке такой экскурсии. Она не могла проводиться спонтанно, а должна была опираться на серьезную научную подготовку, только в этом случае являясь элементом научной деятельности, а не пустым времяпровождением. С точки зрения Гревса, экскурсия как наиболее действенный тип актуализации исторических знаний и, соответственно, репрезентации прошлого в настоящем должна включать несколько основных элементов:

1) предпосылкой экскурсии обязательно должна быть познавательная нацеленность всех участников. Экскурсия должна не давать сиюминутные впечатления, а помогать усвоению уже заранее полученных теоретических знаний. По словам А. Лычко, «задача имела в виду более строгая и деловая: продолжить с методической последовательностью и ригористическим напряжением труд, начатый среди лабораторной обстановки семинария, перенеся его в новую среду, действуя при помощи новых источников; изучать те же культурные явления, с которыми ознакомление происходило раньше по письменным текстам, переданным от далекого прошлого, за книгой у библиотечного стола, в стране, далекой от их родины, – изучать их теперь по вещественным следам, переместившись на ту самую почву, где слагались творившие их процессы»⁹;

2) необходимо четкое определение объекта исследования, в качестве которого может выступать конкретная историческая эпоха или «собирабельная личность». В соответствии с задачей максимально полного раскрытия культурного своеобразия данной «собирабельной личности» и должен строиться график, а также выстраиваться траектория экскурсии. Не относящиеся к предмету исследования культурные артефакты необходимо исключать из маршрута, потому что они могут нарушить целостность и непротиворечивость изучаемого исторического прошлого¹⁰;

3) важным условием, способствующим успеху познавательной задачи, стоящей перед экскурсией, является хорошо подобранный состав участников – их не должно быть слишком много, чтобы каждому уделялось достаточное внимание; участники должны быть подготовлены к восприятию культурных артефактов. «Надо точно знать, что будешь видеть и делать так, чтобы реализуемая экскурсия являлась как бы воплощением того, что уже прошло через ум и фантазию в тех или иных символизированных знаках»¹¹. Предварительная теоретическая подготовка служит прологом к логическому завершению экскурсий, которым является проверка полученных в процессе экскурсионной практики знаний и определение их соответствия предварительно именованным, полученным на занятиях.

Но говоря о соответствии практических навыков теоретическим знаниям, необходимо определить, каков критерий этого соответствия или какой образ прошлого нуждается в актуализации посредством экскурсионных практик. Ответ на это вопрос попытался дать в своих работах ученик И. М. Гревса Николай Павлович Анциферов, причем в своем варианте рассмотрения экскурсионных практик он отталкивался от городского пространства, понимаемого им как особый «социальный организм»¹². Главной задачей экскурсии должно стать, по его мнению, понимание *genius loci*, концентрирующего в себе те черты, которые обеспечивают своеобразие отдельного города. В данном случае экскурсовод раскрывается как исследователь, первооткрыватель и одновременно передатчик этого неповторимого «духа места» менее образованным экскурсантам.

В качестве практических мероприятий Н. П. Анциферов исследовал Санкт-Петербург (в те годы уже Ленинград) как палимпсест накладывающихся друг на друга смысловых пластов, характеризующих этот город в интерпретациях Н. В. Гоголя или Ф. М. Достоевского. Уделяя большое внимание литературному контексту формирования социокультурных образов, ученый обращался и к собственно историческим репрезентациям, выстраивая ту картину города, которую должны передавать современные экскурсии. С его точки зрения (во многом обусловленной обстановкой первых постреволюционных лет), «столица

на отвоеванной земле указывает и на возможность бурного разрыва с прошлым, свидетельствует о революционности своего происхождения, об обновлении старого быта, ибо неизбежен здесь обильный приток свежего, порой животворящего, а порой и мертвящего ветра из краев далеких»¹³. Уже в этих словах проскальзывают черты будущего «города революций», исторический облик которого на протяжении долгих лет определялся в официальной политике памяти силуэтом крейсера «Аврора» у невской набережной и разъяренной толпой, штурмующей ворота Зимнего дворца.

В текстах Н. П. Анциферова, посвященных Петербургу и описывающих еще дореволюционные коннотации социокультурного пространства, с социально-философской точки зрения оказывается наиболее значимым следующий вопрос: чем определяется историческая значимость тех мест, которые включаются в маршрут экскурсионных потоков? Дело в том, что сами здания безмолвны, они нуждаются в интерпретации, разъяснении своего исторического значения, но это значение может быть определено только в контексте определенной картины исторического прошлого. Иначе говоря, непосвященный зритель (а экскурсии и призваны воспитать и образовать непосвященных, сделать их соучастниками той памяти, которая разворачивается перед их глазами во время экскурсии) нуждается в соответствующих координатах исторической реальности, дать которые ему может только сам экскурсовод. Экскурсии становятся способом не только актуализации прошлого, но и его определенной интерпретации, встраивания в контекст современности.

Не делая методологических различий между экскурсиями и туризмом, Н. П. Анциферов считал, что конечной целью такой деятельности является включение индивида в определенную «собирательную личность», приобщение отдельного человека к культурным ценностям, определяющим своеобразие города, края или целого национального государства. В этом смысле туризм наделяется научно-познавательной и воспитательной функциями, то есть целью пребывания в незнакомом или малознакомом сегменте социокультурного пространства становится не просто усвоение новой информации, но и появление соответствующих этических приоритетов, формирование эстетических и нормативно-ценностных оснований деятельности. Можно согласиться с мнением А. С. Гализдры, характеризующей социальную динамику туристической деятельности, что «туризм как агент социализации предоставляет индивиду возможность адаптации к стереотипам поведения, нормам и ценностным ориентациям социокультурной среды, в которой он пребывает в момент совершения туристской поездки»¹⁴.

Вместе с тем в рамках социально-философского исследования практик конструиро-

вания прошлого представляется необходимым разделить экскурсионные и туристические по целевой и функциональной направленности. Оставляя в стороне научно-познавательную значимость туристической деятельности, следует отметить, что туризм, являясь стратегией общества потребления, нацелен на рыночную окупаемость тех или иных культурных ресурсов, их востребованность в другом культурном контексте. Предметом туристических практик может служить не обязательно артефакт, отсылающий к определенному историческому образу, но любой объект (архитектурный, природный или этнографический), вызывающий к себе интерес со стороны потенциальных туристов. Идентифицирующая функция туристических практик, скорее, построена на правиле «от противного» – наблюдаемый в туристической поездке иную культурный контекст позволяет обозначить точки расхождения в культурной идентичности между «нами» и «чужими».

Экскурсии нацелены на воспроизводство определенной социальной и культурной идентичности у той группы людей, которая включена в экскурсионные практики. Как правило, они призваны обозначить принадлежность участников к тому историческому прошлому, образы которого им демонстрируются. В этом социокультурном палимпсесте, если воспользоваться терминологией культурной географии, экскурсионные практики вычлениют слой, который представляется наиболее важным и необходимым, хотя и не исчерпывающим потенциальное многообразие социокультурного пространства¹⁵. Например, в Советском Союзе политика памяти осуществлялась посредством экскурсионных практик вроде знаменитого маршрута «По ленинским местам», что уже тогда давало оппонентам советской власти повод для шуток, что Цюрих, где В. И. Ленин прожил несколько лет в эмиграции, вполне заслуживает того, что быть включенным в этот экскурсионный маршрут.

Рассматриваемые И.М. Гревсом и Н.П. Анциферовым *экскурсионные практики* представляют собой элемент целенаправленной политики памяти, обращенной на структурирование определенной картины прошлого посредством встраивания экскурсионных маршрутов и стратегий интерпретации социокультурного ландшафта. Теоретизация роли экскурсий в учебном и познавательном процессах не только способствовала развитию в России краеведения, привлекала внимание к памятникам истории мирового и регионального масштаба, но и позволила поставить принципиальные вопросы о социально-политическом контексте исследования прошлого. Приоритет, отдаваемый местному перед всеобщим, углубленному изучению отдельных фрагментов перед попыткой «объять необъятное» – это позиция, которая в ракурсе исторической методо-

логии XIX в. стала несомненной инновацией, и позволили научному наследию И. М. Гревса и Н. П. Анциферова пережить десятилетия практически полного отсутствия упоминаний и исследований¹⁶. Несмотря на то что теоретическое наследие этих представителей гуманитарной мысли в настоящее время выглядит методологически устаревшим, поставленные ими вопросы о необходимости актуализации прошлого и предлагаемые методы актуализации позволяют воспринимать их работы в качестве важных теоретических предпосылок для исследования современной политики памяти.

Статья выполнена в рамках аналитической ведомственной программы «Развитие научного потенциала высшей школы» (2009–2010 гг.), проект № 2.1.3/12199 «Русская философия: единство в многообразии».

Примечания

- ¹ См.: *Аникин Д. А.* От истории к памяти: стратегии исторического познания в рамках философии всеединства и структурализма // Учен. зап. Казанского гос. ун-та. 2010. Т. 152. Сер. : Гуманитарные науки. кн. 1. С. 18–25.
- ² См.: *Фролов Э. Д.* Русская наука об античности: историографические очерки. М., 2006. С. 337–396.
- ³ См.: *Ракитов А. И.* Историческое познание. М., 1982. С. 17–19.
- ⁴ В плане методологии исторического исследования эти идеи высказываются в работе (см. : *Гревс И. М.* Научные прогулки по историческим центрам Италии. М., 1903. С. 7–9.). В качестве примера практического воплощения данной методологической установки можно привести работы И. М. Гревса, посвященные Тациту, Данте и другим историческим личностям.
- ⁵ См.: *Карсавин Л. П.* Философия истории. СПб., 1993. С. 214–215.
- ⁶ См.: *Карсавин Л. П.* Церковь, личность и государство // Человек. 2005. № 2. С. 70–82.
- ⁷ См.: *Гревс И. М.* К теории и практике экскурсий как орудия научного изучения истории в университетах. СПб., 1910. С. 9.
- ⁸ *Гревс И. М.* Несколько теоретических замечаний об общеобразовательном значении экскурсий // Памятная книжка Тенишевского училища в Санкт-Петербурге за 1901/02 учебный год. М., 1902. С. 107.
- ⁹ *Лычко А.* Концепция экскурсий И. М. Гревса // [Электронный ресурс]. URL: // www.kogni.narod.ru/lychko.htm (дата обращения: 24.02.2011).
- ¹⁰ *Гревс И. М.* К теории и практике экскурсий, как орудия научного изучения истории в университетах. СПб., 1910. С. 12.
- ¹¹ *Лычко А.* Концепция экскурсий И. М. Гревса.
- ¹² См.: *Анциферов Н. П.* Пути изучения города как социального организма: опыт комплексного подхода. Л., 1926. С. 11.
- ¹³ *Анциферов Н. П.* «Непостижимый город...». Л., 1991. С. 28–29.
- ¹⁴ *Гализдра А. С.* Социокультурная динамика туризма. Саратов, 2009. С. 60.
- ¹⁵ См.: Подробнее о палимпсесте как модели социокультурного пространства (см.: *Митин И. И.* Мифогеография как подход к изучению множественных реальностей места // Гуманитарная география. Вып. 3. М., 2006. С. 64–82).
- ¹⁶ Подробнее о смене методологических ориентиров (см.: *Вен П.* Как пишут историю. Опыт эпистемологии. М., 2003. С. 20–41). Практический аспект переориентирования исследований от истории к памяти (см.: *Скрипкина Л. И.* Проблемы создания исторической экспозиции в контексте деидеологизации общества, смены парадигм в российской исторической науке и музейного менеджмента // Исторические экспозиции региональных музеев в постсоциалистический период / под ред. И. В. Чувиловой. СПб., 2009. С. 46–53.

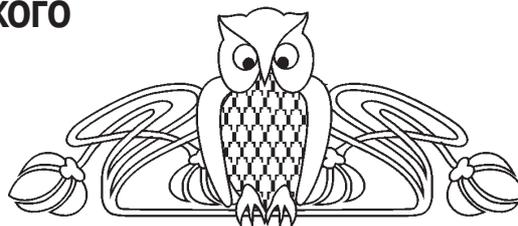

УДК 821,161,1,09:801,73+929Тарковский

ФИЛОСОФИЯ СЛОВА АРСЕНИЯ ТАРКОВСКОГО В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА

С. В. Кекова

Саратовский государственный социально-экономический университет
E-mail: kekova@yandex.ru

Статья посвящена философскому анализу поэтического слова А. Тарковского. Показано совпадение поэтической интуиции Тарковского и лингвофилософских построений русских религиозных философов. Родство русской метафизической поэзии и русской философии, основывающейся на фундаменте христианской онтологии, свидетельствует о едином духовном развитии национальной культуры.

Ключевые слова: поэтическое слово, имя, метаморфозы, логос, А. Тарковский.

Philosophy of Word of Arseny Tarkovsky in Context of Russian Religious Philosophy of Language

S.V. Kekova

The article focuses on the analysis of the poetic word of A. Tarkovsky. The coincidence of the poetic intuition of A. Tarkovsky and linguistically-philosophical framework of Russian philosophers is shown. The kinship of Russian metaphysical poetry and Russian philosophy based on the Christian ontology testifies to the common spiritual development of national culture.

Key words: poetic word, name, metamorphoses, logos, A. Tarkovsky.

Одной из черт современного философского дискурса является интерес к поэзии как одной из форм философской мысли. И. Н. Сиземская в работе «Русская философия и лирическая поэзия: «согласие ума и сердца»» отмечает, что близость философии и поэзии может принимать разные формы – во-первых, взаимодополняемости, когда поэт и философ «соединяются» в одном лице (наиболее выразительные примеры подобного соединения дает творчество М. В. Ломоносова, А. С. Хомякова, В. С. Соловьёва), а во-вторых, интенции, когда философская рефлексия является глубинным источником вдохновения наравне с образностью мышления¹. В поэтических мирах таких поэтов, как А. С. Пушкин, Е. А. Баратынский, Ф. И. Тютчев, А. К. Толстой, А. А. Фет, К. К. Случевский и другие, философия как бы пронизывает поэтическое творчество, являясь смыслообразующим элементом. Эти мысли современного исследователя продолжают, таким образом, плодотворную традицию отечественной философии – рассматривать русскую литературу в целом и поэзию в частности с точки зрения воплощения в них тех или иных философских интуиций. Так,

С. Франк в статье «Русское мировоззрение» писал: «Глубочайшие и наиболее значительные идеи были высказаны в России не в систематических научных трудах, а в совершенно иных формах – литературных. Наша проникновенная, прекрасная литература, как известно, – одна из самых глубоких, философски постигающих жизнь»². Однако в трудах русских религиозных философов – по вполне понятным историческим причинам – мы находим обращение к поэзии золотого и Серебряного века, хотя философско-метафизическая линия русской поэзии продолжалась в творчестве таких поэтов, как Н. Заболоцкий, А. Введенский, Д. Хармс, Д. Андреев, А. Тарковский, С. Липкин, И. Бродский и другие, что ставит перед современным исследователем задачу постижения особенностей их философско-поэтического мышления.

Одним из глубоких поэтов-мыслителей, вошедших в русскую литературу во второй половине XX в., является Арсений Тарковский, чья поэтическая интуиция соприродна интуиции философской. Отличительной особенностью творческого мышления А. Тарковского является напряженное внимание к тайне человеческого слова вообще и поэтического слова в частности. В стихотворении, которое так и называется «Слово», поэт пишет: «Слово только оболочка, / Пленка, звук пустой, но в нем / Бьется розовая точка, / Станным светится огнем, // Бьется точка, вьется живчик, / А тебе и дела нет, / Что в сорочке твой счастливчик / Появляется на свет» (1, 71)³. Для Тарковского слово – порождение любви, оно «зачинается» и «рождается». Но за этим представлением о слове как о живом организме, как о «существо» скрывается другая интуиция – интуиция, говорящая о власти слова над жизнью человека: «Власть от века есть у слова, / И уж если ты поэт, / И когда пути другого / У тебя на свете нет, // Не описывай заране / Ни сражений, ни любви, / Опасайся предсказаний, / смерти лучше не зови! // Слово только оболочка, / Плёнка жребиев людских, / На тебя любая строчка / Точит нож в стихах твоих» (1, 72). В этом стихотворении перед нами разворачивается целая философия поэтического слова, которое только на первый взгляд – «пленка, звук пустой»; на самом же деле слово скрывает в себе человеческую судьбу, оно «пленка жребиев людских».

По сути дела философия слова, явленная в стихотворении А. Тарковского, демонстрирует нам процесс повышения «онтологического статуса» слова. Русская религиозная философия языка, разработанная в трудах о. Павла Флоренского, о. Сергия Булгакова, А. Ф. Лосева, дает нам представление об иерархическом модуле слова: слово – имя – Абсолютное Имя (Имя Божие).

Так, одна из основных мыслей о. Павла Флоренского, высказанная им в книге «Имена», состоит в том, что имя есть субстанциальная или эссенциальная форма личности, особая личностная категория, через которую можно познать носителя имени. Он пишет: «Имена и должны быть рассматриваемы, как <...> инварианты личности. Чрезвычайно далекие от какой-либо прямой связи с внешне учитываемыми признаками, даже группами таких признаков, невыразимые слова, они, однако определеннее всего ухватывают самые главные линии личностного строения в их индивидуальной целостности»⁴. В процессе культурологического, эстетического, философского анализа, которому подвергает П. Флоренский имя – этот «архетип духовного строения личности», – философ показывает, что имя обладает формообразующим личностным началом, которое по-своему формирует, направляет, выстраивает личность⁵.

В связи с этим можно сказать, что поэтическое слово Тарковский наделяет свойствами имени. В анализируемом стихотворении слово «выстраивает», определяет судьбу человека так же, как имя «выстраивает» личность. Налицо совпадение мысли философа и интуиции поэта. В чем причина подобного совпадения?

Во-первых, по свидетельству ученика поэта М. Синельникова, А. Тарковского интересовали различные богословские аспекты библеистики (он постоянно читал «Симфонию» на Священное Писание), кроме того, В. Вернадский, с которым поэт был дружен, познакомил его с трудами о. Павла Флоренского и о. Сергия Булгакова⁶. Во-вторых, философия слова и имени в своём развитии выходит далеко за рамки сугубо богословских проблем и создаёт оригинальную философско-лингвистическую концепцию языка, интуитивно «исповедуемую» многими поэтами, в том числе и А. Тарковским. Так, у него есть стихотворение, которое даже по названию совпадает с уже упомянутой работой о. Павла Флоренского. Это стихотворение «Имена».

А ну-ка, Македонца или Пушкина
Попробуйте назвать не Александром,
А как-нибудь иначе!

Не пытайтесь.

Еще Петру Великому придумайте
Другое имя!
Ничего не выйдет.
Встречался вам когда-нибудь юродивый,
Которого не звали Гришей?

Нет, не встречался, если не соврать.
И можно кожу заживо сорвать,
Но имя к нам так крепко припечатано,
Что силы нет переименовать,
Хоть каждое затерто и захватано.
У нас не зря про имя говорят:

Оно -

Ни дать ни взять родимое пятно. (1, 268)

Стихотворение, как нам представляется, – своеобразный парафраз тех мыслей, которые высказывает о. Павел в одноименной работе.

Так, уже в теоретической части своего труда П. Флоренский демонстрирует историческую типологию двух знаменательных имен, с которыми связывается определенный характер происходящих в истории событий, имен, «неразложимый психологический остаток» которых свидетельствует о силе имени. Это имена Яков и Варфоломей. О первом имени он пишет: «От древности и до наших дней с ним, и в больших, и в малых масштабах, связаны вихри, около имени Якова возникающие, столкновения, потрясения, коварства, заговоры; около этого имени кто-то попадает, нередко гибнет. Это не бессильно сплетаемая интрига, не просто личный расчет и не черное предательство из корысти и злобы, а скорее планомерное развертывание некоторого исторического дела, увлеченный ритм истории, собранный в один фокус и попирающий всё стоящее на пути. Это огонь страсти, но страсти не чувства, а воли и рассудка, и нет такого, на что бы ни покусился он, если оно попытается остановить разгоревшийся пожар. Разумеется, таково имя Яков в масштабе историческом, в личном же – оно не достигает этой грандиозности, но тем не менее определяет характер и поведение, ярко выраженные родоначальником всех Яковов – Праотцем Иаковом»⁷.

Другое знаменательное в историческом смысле имя – Варфоломей. В процессе его анализа Флоренский указывает на важнейшую особенность имени вообще – способность содержать в своем духовном каркасе планы высший, средний и низший. В высшем плане имя Варфоломей – отмечает автор – означает дерзновенный духовный порыв, что связано с этимологией этого имени. В среднем же и низшем планах «это имя означает уже не дерзновение, а дерзость, может быть, наглость, опрокидывание каких бы то ни было преград»⁸.

Философский символизм о. Павла Флоренского, явленный в самой плоти его анализа имен Яков и Варфоломей, своеобразно «рифмуется» с символическим реализмом А. Тарковского. Можно сказать, что в стихотворении «Имена» в стяжённом виде присутствует идея как исторической типологии имени, так и неразрывности имени и личности.

Важным для нас является и тот факт, что имена собственные в творчестве А. Тарковского обладают особой силой, которая может порождать текст или элементы текста. Так, в стихотворении

«Феофан Грек» имя Феофан порождает библейские образы теофаний, которые в метафорически зашифрованном виде пронизывают словесную ткань стихотворения. В подтексте стихотворения особыми «центрами силы» являются имена ветхозаветных пророков Исаяи и Иезекииля, апостола и евангелиста Иоанна Богослова. Однако не только в подтексте, но и явно в художественном мире и поэтическом языке А. Тарковского мы встречаем частое обращение к библейским именам, которые создают особую внутритекстовую ситуацию. Поэт никогда не обращается к именам библейских персонажей для того, чтобы просто написать стихотворение «на библейскую тему»; в его поэзии явлен особый тип поэтического мышления, суть которого – в осознании собственной судьбы, собственного экзистенциального опыта жизни и творчества через жизнь тех библейских персонажей, к именам которых он обращается.

Имена Адама, Давида, Иакова (Израиля), Исаяи, Лазаря, Петра и другие являются своеобразными коррелятами «домостроительства» поэтического мира А. Тарковского. Можно сказать, что в его стихах решается проблема сублимации как проблема «...возведения бытия по ступеням иерархии ценностей снизу вверх»⁹. Библейские имена в его поэзии – это «центры силы», своего рода каналы, через которые вечность входит во время, а хронотоп поэтического текста преобразуется в энотопос¹⁰.

Близка поэтическая интуиция А. Тарковского и к философским построениям о. Сергия Булгакова. В первой главе «Философии имени» «Что такое слово?» Булгаков раскрывает сущность слова как антропокосмического феномена. Философ затрагивает его различные аспекты: проблему «внутреннего» и «внешнего» слова, символической природы слова, соотношения вещи и слова, его формы и смысла и т.д. Он пишет: «Ближайшее всматривание в природу слова показывает нам, что оно подобно произведению искусства, или, почему же не сказать прямо, есть произведение искусства...»¹¹. Эта мысль непосредственно совпадает с интуицией Тарковского, который в нескольких своих эссе и статьях – «Тайна Марии Петровых» (2, 194–197), «Что входит в мое понимание поэзии» (2, 201–206), «О поэтическом языке» (2, 223–225), «Загадка Пушкина» (230–234) и другие – настойчиво повторяет мысль о том, что каждое слово по природе своей метафора, троп, гипербола.

В стихотворении «Я прощаюсь со всем, чем когда-то я был» Арсений Тарковский пишет: «Больше сферы подвижной в руке не держу, / И ни слова без слова я вам не скажу. / А когда-то во мне находили слова / Люди, рыбы и камни, листва и трава» (1, 73). Последние две строки имеют свой философский аналог в размышлениях Булгакова о том, что язык – это язык самих вещей, их собственная идеация. Булгаков пишет: «Слово космично в своем естестве, ибо принадлежит не сознанию только, где оно вспыхивает, но бытию,

и человек есть мировая арена, микрокосм, ибо в нем и через него звучит мир, потому слово антропокосмично... Наречия различны и множественны, но язык один, слово едино, и его говорит мир, а не человек, говорит мирочеловек»¹². Термин «мирочеловек», к слову сказать, можно с полным правом употребить по отношению к образу человека в таких стихотворениях А. Тарковского, как «Руки», «Я человек, я посредине мира» и др.

Идея о том, что слово по отношению к субстанции есть то, что выявлено из глубины бытия, неоднократно в разных вариантах раскрывается в главе «Что такое слово?». Именно в этом ракурсе Булгаков анализирует и тот сюжет из Книги Бытия, где Адам дает имена животным: «В этом смысле понятен рассказ Книги Бытия о том, как Бог привел к Адаму всех животных, чтобы видеть, “как он назовет их” (Быт., 2: 19), т.е., иначе можно сказать, как они сами назовут себя через него и в нем (курсив мой. – С.К.), ибо он, как человек, как микрокосм, бытийно всех их имел в себе как носитель божественного Логоса, как образ Божий, он имел в себе силу идеации мира, в нем рождалось мировое слово. Почему и прибавлено: “И как Адам назвал каждое живое существо, таково было имя его”. Здесь не могло произойти никакой ошибки, ибо не было субъективности: имена тварей звучали в человеке как их внутреннее слово о себе, как самооткровения самих вещей»¹³. И далее: «Язык дан человеку потому, что в нем и через него (курсив мой. – С.К.) говорит вся вселенная, он есть логос вселенной, и всякое слово не есть только слово данного субъекта о чем-то, но слово самого чего-то»¹⁴.

В самых разных стихотворениях Тарковского проанализированный Булгаковым эпизод из Книги Бытия является главным смыслообразующим элементом. Сравним строки: «И Адамову тайну я чудом открыл» (1, 65), «Но миру своему я не дарил имён: / Адам косил камыш, а я плету корзину» (1, 286). Стихотворение «Я учился траве, раскрывшая тетрадь» в интересующем нас аспекте – своеобразный сгусток поэтической философии слова А. Тарковского. В первой части стихотворения перед нами поэтическая картина самооткровения бытия, его лицо, некие голоса природного мира, живые клетки организма вселенной.

Выстраивание определенных метафорических соответствий (травы – флейта, стрекоза – комета, крыло стрекозы – радуга, росинка – слеза) даёт нам целостную картину единства мироздания, в котором звучит гимн Творцу (отсюда – музыкальные образы зеленых лавов травы, травы-флейты). В этом сложном единстве не исчезает, однако, индивидуальный смысл каждого явления, напротив, он оформляется и выявляется посредством метаморфозы. Логосы тварного мира, оставаясь самими собой, сливаются в едином гармоническом аккорде «осанны». При этом каждый логос всецело отдает себя другим (в этом и заключается суть метаморфозы) и становится

возможной метафорической связью *росинки со слезой, стрекозы с радугой и кометой, травы с флейтой*. Закон единства вообще, а метафорического единства в частности, таким образом, опознается нами как закон взаимной любви. Познание человеком мира, логосов бытия происходит через слово.

Именно так эта проблема решается в философии слова С. Булгакова. Истоки же такого подхода лежат в святоотеческой традиции. Св. Григорий Богослов говорит: «Я беседую с Творцом и постигаю логосы творения»¹⁵. «Вникая в логосы тварей», св. Григорий описывает «весь этот мир, небо, землю, море, эту великую и преславную книгу Божию, в которой открывается <...> Бог»¹⁶.

Для св. Максима Исповедника весь мир логосен и все в мире логосно. «Бог создал первые логосы вещей и сущностей всего существующего»¹⁷. Св. Максим призывает к «исследованию этих духовных логосов видимых тварей». Он высказывает мысль о том, что «надо расшифровывать таинственную криптограмму бытия»¹⁸. Своеобразную расшифровку таинственной книги природы мы находим в анализируемом стихотворении.

«Горящее слово пророка» – расшифрованная криптограмма бытия. Это слово пророка и является раскрытием Адамовой тайны, о которой говорит А. Тарковский. Суть ее – в наречении имен, когда имя-слово всецело выражает логос. Конечно, поэт может только приближаться в своем творчестве к этой тайне, но никогда после грехопадения в своей земной жизни человек не может обрести той духовной незамутненности взора, которая была у первозданного Адама. Оказывается, что даже слово поэта ущербно, оно не обладает той силой и властью, которая некогда была изначально дана человеку – отсюда строка: «В четверть слуха я слышал, в полсвета я видел». О сути этой поврежденности о. Сергей Булгаков пишет: «Слова, идущие из глубины бытия, говоримые в нас самими вещами, обладают всей полнотой космической силы: произнесенное слово звучит во всем мире, ибо логос есть вселенская связь, и все находит себя во всем. Если бы язык наш состоял из таких космических слов, он был бы языком самого космоса <...>. Но это возможно было бы лишь постольку, поскольку и человек был бы человеком, т. е. микрокосмом, во всей славе своей, царем, владыкой и сердцем мира. Но человек в лице Адама еще не успел стать таким, не вступил, по несовершенности своему, в уготованную ему при создании мира власть, как уже грех нарушил равновесие в нем и во всей природе и повредил органы космической речи, и слух, и язык. Голоса вещей стали доноситься глухо и неверно, звук их преломлялся чрез разные призмы человеческой субъективности, в речь ворвался психологизм со всеми его опустошительными действиями»¹⁹. Мы должны отметить удивительное совпадение философской мысли о. Сергия Булгакова с поэтическим

воплощением мироощущения А. Тарковского. Это совпадение происходит не в одном только стихотворении, можно перечислить целый ряд произведений поэта, отдельных образов и строк, раскрывающих фундаментальную интуицию человеческого и поэтического слова.

Одним из ключевых мотивов поэзии А. Тарковского является осознание того, что язык природы, своеобразные «логосы» листьев, воды, травы, звезд, бабочек, стрекоз недоступны и неподвластны человеку и его слову. Об этом стихотворение «Мне опостытели слова, слова, слова»:

Мне опостытели слова, слова, слова.
Я больше не могу превозносить права
На речь разумную, когда всю ночь о крышу
В отрепьях, как вдова, колотится листва.
Оказывается, я просто плохо слышу
И неразборчива ночная речь вдовства.
Меж нами есть родство.

Меж нами нет родства.

И если я твержу деревьям сумасшедшим,
Что у меня в листве по локоть рукава,
То кроме стоны, им уже ответить нечем. (1, 320)

Только мгновения высшего откровения или предельного страдания, переживания опыта смерти при жизни позволяют услышать «круглого яблока круглый язык», «белого облака белую речь», как о том говорится в стихотворении «Я прощаюсь со всем, чем когда-то я был» (1, 73).

Если охарактеризовать слово Тарковского в целом, то следует сказать о псалмическом мелосе его поэзии. Ключевой с этой точки зрения является строчка: «Но ожил у меня на языке словарь царя Давида» (1, 130). Слово Тарковского – это как бы «слово не от мира сего». Сама возможность существования такого слова связана, как нам представляется, с особым духовно-лингвистическим феноменом, суть которого раскрыта о. Георгием Флоровским. Говоря о языке Священного Писания, Флоровский отмечает, что величайшее чудо и тайна Библии состоит в том, что «...она содержит Слово Божие на человеческом языке», причем «человеческий язык несколько не ослабляет абсолютность Откровения, не ограничивает силу Божьего слова»²⁰. Божие слово, согласно мысли религиозного философа и богослова, не умаляется и не бледнеет от того, что принадлежит языку человеческому. Напротив, человеческое слово преображается, поскольку Бог благоволил говорить на языке человека. Флоровский пишет: «Когда божественная истина сказуется и изрекается на человеческом языке, самые слова преобразуются <...> становятся священными. Слова догматических определений, часто взятые из "повседневного" философского языка, уже не простые и случайные слова, которые можно заменить другими. Нет, это – вечные и незаменимые слова <...> Это значит, что через изречение Божественной истины определенные слова <...> увековечены»²¹.

«Вечные, незаменимые слова», «пресуществленные слова», «увековеченные слова» – именно к этому духовно-языковому полюсу обращено слово Тарковского как выражение его личности.

Исследование выполнено в рамках аналитической ведомственной программы «Развитие научного потенциала высшей школы» (2009–2010 гг.), проект № 2.1.3/12199 «Русская философия: единство в многообразии».

Примечания

- 1 См.: Сиземская И. Русская философия и лирическая поэзия: «согласие ума и сердца» // Сиземская И. Поэзия как жанр русской философии. М., 2007. С. 5–28.
- 2 Франк С. Русское мировоззрение // Франк С. Русское мировоззрение. СПб., 1996. С. 163.
- 3 Тарковский А. Собр. соч. : в 3 т. М., 1993. Т. 1. С. 71. В дальнейшем все цитаты даются по этому изданию; в скобках указываются номер тома и страница.
- 4 Флоренский П. Имена. М., 2003. С. 79.
- 5 Там же. С. 85.
- 6 Павловская Е. Христианские идеи в поэзии А. А. Тарковского // Русская культура на пороге третьего тысячелетия: христианство и культура. Вологда, 2001. С. 256.

- 7 Флоренский П. Имена. М., 2003. С. 55.
- 8 Там же. С. 58.
- 9 Вышеславцев Б. Этика преображенного Эроса. М., 1994. С. 67. Там же философ говорит о том, что высшая сублимирующая и преображающая сила может принадлежать только святости: «Только образ, излучающий сияние святости, вызывающий мистический трепет, – только он сублимирует с предельной силой».
- 10 См.: Кекова С. Эонотопос в поэтическом мире А. Тарковского: к проблеме религиозно-философской герменевтики поэтического текста // Известия Саратовского университета. Новая сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2008. Т. 8, вып. 2. С. 27–31.
- 11 Булгаков С.Н. Философия имени. СПб., 1999. С. 16.
- 12 Там же. С. 35.
- 13 Там же. С. 35–36.
- 14 Там же. С. 36.
- 15 Киприан (Керн), архимандрит. Антропология св. Григория Паламы. М., 1996. С. 328.
- 16 Там же. С. 328.
- 17 Там же. С. 330.
- 18 Там же. С. 331.
- 19 Булгаков С. Философия имени. С. 191–192.
- 20 Флоровский Г. Богословские отрывки // Флоровский Г. Вера и культура. СПб., 2002. С. 441.
- 21 Там же. С. 449–450.

УДК 2:1+929Несмелов

ФЕНОМЕН ВЕРЫ В ГНОСЕОЛОГИИ В. И. НЕСМЕЛОВА

Д. А. Немова

Саратовский государственный университет
E-mail: beige.88@mail.ru

В статье производится реконструкция концепции русского религиозного философа В. И. Несмелова, в частности, ее гносеологического аспекта. Рассматриваются вопросы соотношения веры и знания, раскрываются механизмы процесса познания и выясняется роль религиозного мышления на пути к полноценному раскрытию аспектов человеческой личности.

Ключевые слова: герменевтика, антропология, русская религиозная философия, вера, знание, интуиция.

The Phenomenon of Belief in V. I. Nesselov's Gnoseology

D. A. Nemova

In article reconstruction of the concept of Russian religious philosopher V. I. Nesselov is given, in particular it's gnosological aspect. Questions of a parity of belief and knowledge are considered, the mechanisms of knowledge process are revealed. The role of religious thinking on a way to full disclosing of aspects of the human person is understood.

Key words: hermeneutics, anthropology, Russian religious philosophy, belief, knowledge, intuition.

Один из интереснейших, мало изученных в рамках отечественной философии мыслителей В.И. Несмелов, активно разрабатывавший вопросы антропологии, гносеологии, онтологии и другие, начинает свое исследование в области антропологии не с гносеологии, как, например, это принято в традиции классической немецкой философии, а с раскрытия психо-онтологической тайны человека и только после этого переводит свою мысль в область вопросов познания. Исходя из данного дискурса рождается оригинальное несмеловское учение о богопознании, об откровении в уме человека идеи Бога, которая не дана человеку «извне, в качестве мысли о Боге, но предметно-фактически осуществлена в нем природою его личности, как живого образа Бога»¹. Не внешний импульс, с точки зрения казанского философа, а ощущение собственной высшей природы помогает человеку обнаружить Бога. «Он реально открывается в нас <...> как безусловная Личность, – утверждает он, –

и потому имеет в Своей природе все действительные свойства личного бытия, и фактическое богатство всеведущего ума, и реальное могущество действительной свободы, и вечное достоинство единственной цели»². Разрабатывая центральную тему гносеологии – взаимоотношения разума и христианской веры, – В. И. Несмелов утверждает, что особенный способ организации интеллекта позволяет человеку оценивать мир с позиций времени и вечности. С первой он рассматривает мир как последовательное многообразие исторических, то есть конечных событий, с позиции же вечности человек имеет возможность созерцать безусловные основы мира. Принимая во внимание подобное замечание, следует упомянуть, что философская концепция самого В. И. Несмелова носит подчеркнуто внеисторичный характер.

Мыслитель утверждает, что религиозная вера и научное знание рассматривают вопросы онтологии, опираясь на различные данные мышления, что указывает на их взаимную невозможность противоречить друг другу. Согласно В. И. Несмелову, исследование знания как с позиции его реальных оснований, так и с логической занимается гносеология, или теория познания. Однако пока не существует отрасли в сфере философских наук, которая рассматривала бы и изучала с подобной позиции веру, а потому последняя всегда выступает как теоретическая способность мышления, утверждаясь в качестве достоверного познания некой реальной истины, что ведет к необходимости ее исследования с позиции познавательного значения. Таким образом, путь научного исследования веры не должен отличаться от пути, по которому проходит научная мысль в логических и гносеологических исследованиях.

Развивая исследование веры как возможности познания и религиозного мышления как познающего, В. И. Несмелов анализирует учение И. Канта, сводящего все содержание чувственного опыта к ощущениям, из групп которых слагаются все вещи в мире, в том числе и мы сами. Подобная позиция Канта является для Несмелова одним из оснований для полемики, так как он полагает первичным выражением акта восприятия бытия и конечным основанием реального мышления о бытии акт самосознания. Если бы не существовало этого акта, то все душевные явления формировались бы сознанием и хаотически протекали в нем, но никем не сознавались и не воспринимались, а значит, никому не принадлежали бы и ничего не выражали. Акт самосознания «несет с собою признание всех без исключения явлений сознания как состояний и деятельности живого субъекта сознания, так что, в силу этого признания, все без исключения явления сознания усваются себе субъектом сознания и в этом именно усвоении все они воспринимаются им»³.

Размышляя о механизмах процесса познания, В.И. Несмелов приходит к понятию восприятия, которое по структуре психологического процесса

несомненно представляет собою элементарное суждение, а его субъектом всегда и неизменно является сам субъект сознания. В этих суждениях субъект, очевидно, мыслит и определяет только себя самого посредством внутренних состояний и активности. Таким образом, процесс восприятия, согласно В. И. Несмелову, включает в себя движение воли познающего субъекта, его ощущения и чувствования. С этих позиций он определяет принцип познания, опираясь на точный анализ процесса восприятия: «...всякое реальное содержание нашего познания хотя и мыслится нашим умом под формою чувственно-наглядного представления, однако реально дается и может даваться уму только в непосредственных интуициях ума»⁴. Таким образом, всякое реальное познание опирается на непосредственную данность реального бытия познающего субъекта. Для познающего мышления бытие представляет собой единственную реальность, которая не вызывает никакого сомнения в отношении себя, так как допущение сомнения является доказательством познающего субъекта мышления о себе, то есть доказательством его действительного существования. Данные различных восприятий познающего субъекта навязывают его логическому мышлению представление о том, что одно и то же существо человека имеет две разные сущности – духовную и материальную, – а это, по мысли В. И. Несмелова, не может быть ни логически продумано, ни фактически оправдано. Сумма фактов в нашем сознании дает нам возможность быть и конечной вещью физико-химического мира, полностью зависящей от данных внешней среды, и Личностью, являющейся источником человеческой интуиции о мире надфизическом.

Исходя из обозначенной позиции, философ постулирует тождество бытия и сознания, а значит, утверждает возможность созерцания бытия мирового с точки зрения собственного реального бытия. Однако созерцание это может быть «двусторонним» – со стороны его видимой поверхности в чувственном мире явлений и со стороны его невидимых оснований в сверхчувственном мире субстанций. Таким образом, согласно В. И. Несмелову, человек получает два пути познания: во-первых, путем восприятия, каким познающий субъект воспринимает себя, как вещь чувственно-наглядного представления, и этим же путем воспринимаются и все другие эмпирически данные вещи природы; во-вторых, путем, каким познающий субъект воспринимает свою личность и силу своего действия, то есть свою сверхчувственность и субстанциальную самопричинность, и этим же путем он воспринимает и все другие трансцендентные причины бытия.

Первый – путь чувственных ощущений, так как открывается нам через посредство органов чувств; к нему тяготеет познающее мышление. Развитие на таком пути всецело зависит от собственной энергии познающего ума человека. Второй – путь интуиции, которую В. И. Несмелов

определяет как интеллектуальный акт, не нуждающийся в каких-либо эмпирических данных, а значит, не зависящий от внешних условий. Он, утверждает философ, мог бы оказаться наиболее быстрым для приведения познающей мысли человека к действительному познанию полной истины о бытии, нежели более сложный – чувственно-символического познания вещей. При этом необходимо заметить, что интуиция представляет собою лишь интеллектуальное созерцание вещей, а не реальное отношение к ним. В аналогичном ключе решаются проблемы веры и знания, которые, по меткому замечанию Н. К. Гаврюшина, выходят из единого неточного начала познания – непосредственной самоочевидности реального бытия познающего субъекта – и «развиваются одной и той же деятельностью познающего мышления, но только развиваются на разных путях и из различных данных, и потому они касаются совершенно различных сторон бытия»⁵.

Вера возникает на пути непосредственного интеллектуального созерцания бытия этого созерцания, а знание строится на пути чувственно-наглядного представления бытия из его реальных данных. Именно из интеллектуального созерцания возникает, по мысли В. И. Несмелова, вера, а из чувственно-наглядного пути – знание. Отсюда мыслитель выводит предметные области веры и знания: предмет веры – области трансцендентного бытия, а знание касается только эмпирического бытия мира явлений. Кроме того, по мнению философа, процесс познания имеет две стороны, материальную и формальную, что не отрицает его логического единства.

Понятие веры как интуитивное познание трансцендентной реальности вполне соответствует фактическому соотношению познающего мышления и мыслимого им реального бытия. Все содержание религиозной веры ограничивается только ее непосредственными данными, которые указывают на действительность бытия Божия и, как следствие, на Его действительное присутствие в мире. Относительно существенных свойств бытия Божия единственным эмпирически данным фактом религиозного мышления, согласно подходу В. И. Несмелова, является факт реальной идеальности собственной человеческой личности, «факт существования человека с такими реальными свойствами, которые на самом деле находятся в решительном противоречии и с природой мира, в котором живет человек, и с природой самого человека как составной части мирового целого»⁶. Таким образом, сам человек является своеобразным связующим элементом между миром эмпирики и трансцендентности, а высший образ подобного сочетания многогранно раскрывается в образе воплощения Христа как Богочеловека. И если исходить из того, что религиозная вера является интуитивным познанием Божественного бытия и присутствия в мире, то религиозное верование является логически выработанным из реальных

данных человеческой природы и признанием данных общечеловеческого религиозного опыта.

Согласно точке зрения философа, одним из немногих существенных разногласий между философским и религиозным мышлением является вопрос о характере связи между Богом и миром. Но существует оно лишь благодаря недоразумению, так как религиозное мышление представляет Бога существующим отдельно от мира, при этом между миром и Богом нет и не может быть тождества, что ведет к принятию концепции двух миров – трансцендентного и эмпирического. В связи с тем что безусловной основой полагается бытие трансцендентное, значит, бытие эмпирическое безосновательно, а подобные выводы не могут быть интересны для философско-научного познания. При этом философское познание всегда будет стремиться найти безусловную основу мирового бытия не в конечном бытии, но в «трансцендентной глубине источных начал всей его жизни и деятельности»⁷. Если бы богословское мышление уяснило себе предложенную выше концепцию взаимосвязи эмпирического и трансцендентного, то есть Бога и мира, это позволило бы ему стать одним из интереснейших направлений в развитии философского мышления, что дало бы возможность религиозному мышлению логично и закономерно занять, благодаря философии, поле науки. Подобное построение прот. И. Цветков в своем послесловии к основной работе В. И. Несмелова по гносеологии назвал попыткой обретения «неразумной» рациональности или духовного пути развития науки⁸.

Исследование выполнено в рамках аналитической ведомственной программы «Развитие научного потенциала высшей школы» (2009–2010 гг.), проект № 2.1.3/12199 «Русская философия: единство в многообразии».

Примечания

- ¹ Несмелов В. И. Наука о человеке / Центр изучения, охраны и реставрации наследия священника Павла Флоренского. СПб., 2000. С. 270.
- ² Там же. С. 271.
- ³ Несмелов В. И. Вера и знание с точки зрения гносеологии: репринтное воспроизведение издания 1913 г. Казань, 1992. С. 44.
- ⁴ Там же. С. 49.
- ⁵ Гаврюшин Н. К. Антропология и гносеология В. И. Несмелова // Русская религиозная антропология / сост., общ. ред., предисл. и прим. Н. К. Гаврюшина. М., 1997. С. 47–53.
- ⁶ Несмелов В. И. Вера и знание с точки зрения гносеологии. С. 110.
- ⁷ Орлов А. В. Антропологические основания концепции соотношения веры и знания В. И. Несмелова // София: альманах. Уфа, 2007. С. 338–344.
- ⁸ Цветков И., прот. Вера и знание с точки зрения гносеологии В. И. Несмелова. Казань, 1994. С. 44.

УДК 1(47)097)+929

РУССКАЯ ИДЕЯ: ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ

М. О. Орлов

Саратовский государственный университет
E-mail: orok-saratov@mail.ru

В статье рассматриваются генезис понятия «Русская идея», ее место в русской религиозной мысли, влияние на общественное сознание российской интеллигенции конца XIX – начала XX вв.

Ключевые слова: русская философия, русская идея, социальная динамика, социокультурные изменения.

Russian Idea: Historical and Philosophical and Social Foundations

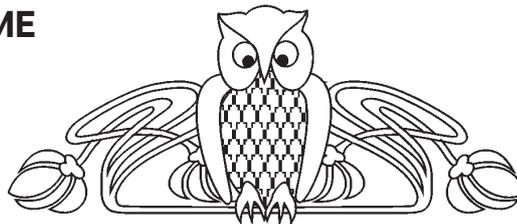
М. О. Orlov

The article examines the genesis of the notion «Russian idea», its place in Russian religious thought, its influence on public consciousness of Russian intelligentsia of the late XIX – the early XX centuries.

Key words: Russian philosophy, Russian idea, social dynamics, social and cultural changes.

Никакие логические рассуждения и доказательства не способны передать суть красоты, если нет в душе человека соответствующей предрасположенности к ее восприятию. Тысячи самых талантливых литературных критиков и литературоведов не докажут эстетически убогому человеку красоту пушкинских строк или величие и совершенство романов Л. Толстого. Трудно также предположить, чтобы посредством безукоризненных силлогизмов человек смог подвести себя к совершению нравственного подвига или благородного поступка. На практике чаще бывает по-другому: кто-то совершает подвиг, а потом не может объяснить, как и почему он его совершил. Все знают, что нужно делать добро, но чтобы его действительно делать, нужно в своей душе иметь нечто большее чем это знание. И предрасположенность к восприятию красоты, и готовность к совершению добрых поступков коренятся, во-первых, в той точке душевно-духовного пространства личности, которая называется сердцем. И именно в единстве Истины с Добром и Красотой оно постигает божественное совершенство.

Во-вторых, если рациональное мышление оперирует понятиями, то есть обобщенными, абстрактными формами мысли, то сердце обладает способностью индивидуализированного восприятия, осуществляемого часто в невербализованной форме.

Русская философия, построенная на сердечном созерцании, является преимущественно экзистенциальным философствованием, для которого характерно стремление прорваться к экзистенции – индивидуальному человеческому бытию. Неслучайно своих подлинных вершин русская философская мысль достигла в художественном творчестве Ф. Достоевского и Л. Толстого, где не понятия, а образы-идеи являются ключом познания мира и человека.

В-третьих, все русские философы свидетельствуют о глубине сердца, причем само это понятие имеет несколько аспектов:

в сердце коренятся мотивы познания. Чтобы стимулировать познание, необходимо, чтобы появился мотив, возник импульс интереса;

сердце, благодаря интуиции, прозревает не только прошлое, настоящее, но и грядущее – источник пророчеств, с которыми часто не могут соперничать научные прогнозы;

именно в сердце своем принимает человек окончательные решения по жизненно важным вопросам – он как бы «вслушивается» в предельные глубины своего «Я», надеясь получить оттуда единственно верный ответ;

сердце есть та глубина, на которой происходит встреча человека с Богом, божественным Логосом, оно источник божественного откровения: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф. 5, 8);

глубина сердца означает его сокровенность – тайна человека сосредоточена в его сердце, оно непостижимо, как непостижим сам Бог. Мы можем в акте веры постичь, что Бог есть, но знать, что Он есть, мы не можем. Точно так же никакая рационализация феномена сердца не сможет исчерпать его бездонной глубины. Тайна сердца, в частности, состоит в том, что оно может быть источником доброй или злой воли; последняя отнюдь не просветляет разум, а наоборот, его затемняет.

И, наконец, самое главное: сущность сердца есть любовь. Для русской философии любовь не только чувство, не только глубокое переживание как основа жизни любого человека, но и главный принцип познания. «Любовь неотделима от познания, от гносиса», – говорит тонкий русский богослов и философ В. Лосский, сын

Н. Лосского¹. В этом плане русская философия отличается от индийской мистики, для которой сердце есть источник божественного, но бесстрастного созерцания истины. Русские мыслители продолжают античную традицию, заложенную Платоном и развитую на христианской основе отцами Восточной церкви в лице Дионисия Ареопагита, Максима Исповедника и др.

Русские философы вернули философии ее первоначальный смысл – любовь к мудрости, Софии. Любовь есть сердечное влечение к истине, и, следовательно, пафос философии – эротический пафос. С другой стороны, философия есть все же любовь к мудрости, а не к чему-то иному, и поэтому не остается безответной, то есть дело философии не является второстепенным и безблагодатным. Мысль, одержимая Эросом, перестает быть только человеческой и, заражаясь божественным, сама становится божественной. В ней божественное не просто дается как что-то внешнее и готовое, но нисходит и, заражая собой, внутренне усваивается и одолевается как задача, как подвиг.

Одним из основных предметов познающей любви стала для русских философов Россия, ее судьба. Проблема судьбы России философия русской истории и культуры терминологически определила как русскую идею. Она скрепляет в одну философскую традицию разных мыслителей, вынь ее из тела русской философии – и как знать, не распадется ли последняя на отдельных философов, представляющих то или иное направление (персонализм, экзистенциализм, феноменологию, интуитивизм и др.)? Вместе с тем русская идея не накладывает на русскую религиозную философию печати национальной ограниченности и духовного провинциализма. Следует также отметить, что в своих размышлениях на тему России мыслители не покидают почвы собственно философского знания и не вторгаются в область публицистики или конкретно-научного знания (социологию, политологию, этнопсихологию и др.).

Русская идея (в той форме, в какой она представлена у русских религиозных философов) зарождалась в последней четверти XIX в. – тогда, когда появились первые симптомы культурного и духовного кризиса западной, то есть христианской цивилизации (одним из первых их зафиксировал Ф. Ницше), – а окончательно оформилась в XX в., когда этот кризис из-за доминирования западной цивилизации стал мировым глобальным событием.

В первом приближении русская идея действительно предстает как идея национальная, но более тщательное изучение обнаруживает в ней универсальное содержание. Не этим ли объясняется, в частности, тот факт, что проблеме России, ее духовной миссии уделяли внимание не только отечественные, но и западные мыслители, причем ими двигал не географический или этно-

графический интерес, а тяга к русской культуре как духовному центру мира. В частности, можно сослаться на выдающихся немецких мыслителей И. Г. Гердера и Ф. Баадера. Баадер, видевший в России посредницу между Востоком и Западом и высказывавший много схожих со славянофилами и Вл. Соловьёвым мыслей, решил даже ехать в Россию (его приглашал кн. Голицын), однако по непонятным причинам его не впустили российские власти.

Русский «душевный» человек нуждался в предметности. Европейский «предметный» человек нуждается в новой человечности. Кто односторонне стремится к внутреннему совершенству, тот отказывается от задач дня – добродетель делает его непригодным для жизни. Русских нужно завоевывать для мира, примирить их с ним так, чтобы они больше не стремились к его гибели. Европейцев же, наоборот, надо от него отдалить, чтобы они не терялись целиком и полностью в мелочах временного и бренного. Русский должен стать более деловитым, а европеец – более добродетельным. Русский должен сконцентрировать свое чувство всеобщности, а европеец – расширить свое «точечное» чувство. Один должен снова начать видеть и почитать землю, а другой – небо.

«Русская идея» – под таким названием в 1888 г. в Париже вышла работа Вл. Соловьёва на французском языке. Русский перевод ее появился в России лишь в 1909 г. В том же году была опубликована статья Вяч. Иванова «О русской идее». После Октябрьской революции Л. Карсавин издал свою книгу «Восток, Запад и русская идея». Фундаментальная монография Н. Бердяева «Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века» была напечатана в 1946 г. в эмиграции. Там же, за рубежом, появилась на свет статья И. Ильина «О русской идее» (в цикле статей «Наши задачи»). К этим работам, в названии которых фигурирует термин «русская идея», непосредственно примыкает по своей проблематике и идейной направленности еще целый ряд публикаций упомянутых и других авторов. Разумеется, нет никакой возможности сколь-нибудь детально проанализировать весь круг этой литературы. Остается лишь сделать краткий обзор наиболее значительных трактовок русской идеи, останавливаясь на характерных моментах и оригинальных в концептуальном смысле решениях проблемы. Это позволит представить русскую идею не как застывшую идеологическую форму, а как живое бытие мысли, как плодотворный диалог философов в рамках единого духовного пространства, то есть показать ее цельность и в то же время – многомерность.

Для Вл. Соловьёва русская идея является в первую очередь метафизической проблемой, в которой скрывается смысл существования России во всемирной истории. Как и всякая нация, русский народ имеет высшее предназначение, которое ему нужно еще постигнуть, «ибо идея нации есть не

то, что она думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности»². Постигание смысла существования нации не тождественно выявлению ее политических, экономических и прочих интересов, потому что последние лежат в эмпирической плоскости и не могут предстать в сознании людей в идентичной форме в силу того, что разные слои народа по-разному представляют эти интересы. Соловьёв утверждал, что смысл существования наций лежит не в них самих, но в человечестве³. Это утверждение не означает, однако, что он стоял на позициях, близких к марксистским, согласно которым нации исторически возникают и в конечном счете постепенно изживают себя в едином человечестве. «Истинное единство народов, – писал Соловьёв, – есть не однородность, а всенародность, т. е. взаимодействие и солидарность всех их для самостоятельной и полной жизни каждого»⁴. Судя по всему, философ различал понятия «смысл существования нации» и «национальный идеал». Если первое понятие метафизическое, требующее духовной работы, то второе – широкая практическая задача нации, требующая волевых усилий. Если смысл существования нации заключается в объединении человечества на христианских принципах, то национальный идеал есть не что иное как утверждение конкретного образа вхождения нации во всемирное человечество. Если смысл существования нации выступает как ее отдаленная, но существенная цель, то национальный идеал есть действительный способ или средство достижения этой цели.

Что касается конкретной содержательной наполненности русского национального идеала, то Соловьёв говорил об этом: «Обыкновенно народ, желая похвалить свою национальность, в самой этой похвале выражает свой национальный идеал, то, что для него лучше всего, чего он более всего желает. Так, француз говорит о прекрасной Франции и о французской славе <...> англичанин с любовью говорит: старая Англия <...> немец поднимается выше и, придавая этический характер своему национальному идеалу, с гордостью говорит: die deutsche Treue (немецкая верность). Что же в подобных случаях говорит русский народ, чем он хвалит Россию? Называет ли он ее прекрасной или старой, говорит ли о русской славе или о русской честности и верности? Вы знаете, что ничего такого он не говорит, и, желая выразить свои лучшие чувства к родине, говорит только о “святой Руси”. Вот идеал: не консервативный и не либеральный, не политический, не эстетический, даже не формально-этический, а идеал нравственно-религиозный»⁵.

Было бы неверно истолковывать русский национальный идеал в трактовке Соловьёва как стремление реставрировать патриархальные отношения в России, ибо он убежден, что прогресс народу обеспечен лишь тогда, когда он повернется лицом к преданиям отцов, то есть к исконным ценностям отечества. Иными словами, понимать

«святую Русь» следует как умопостигаемый образ небесной России, который коренится в сердце человека! Ведь это – религиозно-нравственный идеал, одновременно трансцендентный и имманентный, духовный и душевный, внеличный и личностный... Если же перевести эти рассуждения на практический уровень, то смысл их состоит в том, что культивировать идеал «святой Руси» – это значит воспитывать в русском человеке чувство священного благоговения перед родной землей, ее прошлым, настоящим и будущим, формировать в нем чувство любви ко всякому человеку и народу как в России, так и вне ее, ко всей живой твари, ко всей природе и космосу. Причем эти установки ничего общего не должны иметь с пустой мечтательностью: «Святая Русь требует святого дела»⁶.

Н. Бердяев придавал русской идее динамизм и драматическую напряженность. С его точки зрения, русский народ, в соответствии со своей вечной идеей, не любит устройства земного града и устремлен к Граду Грядущему, он жаждет Царства Небесного, царства Абсолютного Добра и не принимает мира, лежащего во зле. В силу этого русская идея является идеей эсхатологической, обращенной к концу. Бердяев раскрыл антиномичность русской души, которая придавала истории России импульсивный характер: в ней великие социальные и культурные взлеты чередовались с не менее впечатляющими падениями и катастрофами. В своих трудах он не только сформулировал антиномические противоречия русской души, но и пытался их объяснить. Так, он писал: «Два противоположных начала легли в основу формации русской души: природная, языческая дионисическая стихия и аскетически-монашеское православие. Можно открыть противоположные свойства в русском народе: деспотизм, гипертрофия государства и анархизм, вольность; жестокость, склонность к насилию и доброта, человечность, мягкость; обрядоверие и искание правды; индивидуализм, обостренное сознание личности и безличный коллективизм; национализм, самохвальство и универсализм, всечеловечность; эсхатологически-мессианская религиозность и внешнее благочестие; искание Бога и воинствующее безбожие; смирение и наглость; рабство и бунт»⁷.

Фундаментальность, полнота, экспрессивный стиль изложения делают магически притягательными произведения Бердяева, и в то же время нельзя не отметить, что имеется некоторая смысловая раздробленность в употреблении философом термина «русская идея». Во-первых (следует традиции Вл. Соловьёва), Бердяев определял русскую идею как Божий замысел, во-вторых – как основную проблему русской теоретической мысли и публицистики. И, наконец, как комплекс наиболее типичных черт русского национального сознания, то есть, выражаясь современным языком, как менталитет. Таким образом, у Бердяева русская идея предстает

как сложная проблема, имеющая метафизический, культурологический и этнопсихологический аспекты.

Философию религии избрал в качестве верного орудия познания русской идеи Л. Карсавин. Цель русской идеи – достижение всеединства человечества наиболее оптимальным и полнокровным способом. Православная культура стоит на распутье: или она осуществит вселенское, всеединое дело чрез освоение актуализованного Западом («европеизацию») и восполнение воспринимаемого раскрытием того, что является собственным ее идеальным заданием, или раскроет только это свое, то есть, подобно Западу, ограниченно актуализует всеединство, отказавшись от полноты труда и бытия. Или, наконец, она так и останется на распутье в состоянии потенциальности, либо упорно не приемля чужого, либо в чужом теряя свое, обезличиваясь в европеизации, но в том и другом случае погибая.

И. Ильин делал акцент на творческой и волевой сторонах, без которых невозможна реализация исторического призвания России и русского человека. Эту миссию можно выполнить при условии что русский человек сохранит и разовьет в себе то самобытное и уникальное содержание, которое присуще ему извечно и благодаря которому Россия переживала свои вдохновенные и благодатные часы. Определяя сущность русской идеи, он писал: «Русская идея есть идея сердца. Идея созерцающего сердца. Сердца, созерцающего свободно и предметно и передающего свое видение воле для действия и мысли для осознания и слова»⁸.

Следует отметить четыре элемента русской идеи в концепции Ильина: во-первых, мотив сердца, подразумевающий, что «главное в жизни есть любовь и что именно любовью строится совместная жизнь на земле, ибо из любви родится вера и вся культура духа»; во-вторых, созерцание, являющееся синонимом живого знания; в-третьих, свобода, означающая не подчинение внешнему авторитету или формальным предписаниям, а добровольное служение Божьей правде; в-четвертых, предметность, подразумевающая конкретную направленность деяний русского человека в соответствии с его общественным призванием и положением⁹. Любопытно отметить, что Ильин называет предметность одним из основных первичных качеств русской души. Вспомним в этой связи, что В. Шубарт именно ее не находил в русских и желал, чтобы они работали в себе данное качество. Эти четыре элемента русской идеи составляют, считает философ, первичные силы русской души и культуры, из которых вырастают вторичные силы (воля, мысль, форма, организация), не являющиеся самобытно русскими, но не менее важные и необходимые для осуществления национальной идеи.

Таковы в самых общих чертах модификации русской идеи. Хотя они и не исчерпывают всю

полноту концептуальных подходов к данной проблеме, но все же дают основания для определенных выводов.

Русская идея в понимании Вл. Соловьёва, Н. Бердяева, Л. Карсавина и даже И. Ильина не является националистической и шовинистической по своему существу. Их любовь к России и русскому народу сочетается с уважительным отношением к другим народам и культурам. Более того, русская идея в своих конечных устремлениях нацелена на объединение человечества. Подавляющее большинство русских философов решительно выступало против всякого проявления национализма. В частности, суровой критике подвергался антисемитизм. Большое значение в этом плане имеют работы Вл. Соловьёва «Еврейство и христианский вопрос» и Н. Бердяева «Христианство и антисемитизм». Тот факт, что Вл. Соловьёв в своих утопических проектах Вселенской церкви включал в ее состав, наряду с разными ветвями христианства, и иудаизм, является весьма красноречивым фактом, разрушающим миф об антисемитизме русской идеи.

Русская идея не является идеей только этнических русских. Она имеет значение для всех россиян, независимо от их этнического происхождения и религиозной принадлежности. И дело тут заключается не в том, что многие русские философы не были этническими русскими. Русская идея – это прежде всего феномен великой русской культуры, преисполненной пафосом человеческого братства и единения. П. Новгородцев писал, что «все, живущие в России, выросшие в колыбели русской культуры и под сенью русского государства, и могут, и должны объединяться и еще одним высшим началом, прочнее всего связывающим, а именно – преданностью русской культуре и русскому народу. В идеальном смысле своем это и есть именно высшая духовная связь. Она отнюдь не означает отрицания национальных и культурных особенностей отдельных групп населения. Пусть каждая из них чтит и развивает свою культуру, но чтит и развивает ее на почве уважения и преданности великим сокровищам русской культуры»¹⁰.

Русскую идею в трактовке Вл. Соловьёва и других философов нельзя отнести ни к славянофильскому, ни к западническому направлению. Она есть попытка проторить срединный путь между этими крайностями русского национально-самосознания. «Мы уже вступили в тот возраст нашего бытия, – писал Н. Бердяев, – когда время нам уже выйти из детского западничества и детского славянофильства, когда мы должны перейти к более зрелым формам национального самосознания»¹¹. А вот высказывание на этот счет И. Ильина, имевшего горький опыт революции, Гражданской войны и эмиграции: «После того, что произошло в России, мы, русские люди, не имеет никакого основания гордиться тем, что

мы ни в чем не передумали и ничему не научились, что мы остались верны нашим доктринам и заблуждениям, прикрывшим просто наше недомыслие и наши слабости. России не нужны партийные трафареты! Ей не нужно слепое западничество! Ее не спасет славянофильское самодовольство! России нужны свободные умы, зоркие люди и новые, религиозно укорененные творческие идеи. И в этом порядке нам придется пересматривать и обновлять все основы нашей культуры»¹².

Подлинно христианское мировоззрение несовместимо с национальным мессианством – эта мысль стала господствующей в среде русских религиозных мыслителей, хотя греху русского мессианства были подвержены и Вл. Соловьёв в ранний и средний периоды своего творчества, и С. Булгаков, увлеченный одно время идеей «русского Христа». Не был свободен от мессианских устремлений и Н. Бердяев, особенно в период своего становления в качестве религиозного мыслителя. В своей зрелой форме национальная идея русских религиозных философов есть настойчивая попытка избавиться от мессианских иллюзий. Е. Трубецкой, в своих ранних трудах также не избежавший этих настроений, писал: «Впоследствии я убедился, что в Новом Завете все народы, а не какой-либо один в отличие от других, призваны быть богоносцами; горделивая мечта о России как избранном народе Божиим, явно противоречащая определенным текстам Послания к Римлянам Апостола Павла, должна быть оставлена как не соответствующая духу Новозаветного Откровения»¹³. Таким образом, согласно русским философам, только отрехшись от национального мессианства, русский человек обретет свое подлинное национальное самосознание.

Совершенно очевидно, что русская идея отнюдь не выступает и в качестве идеологической формулы сродни пресловутой триаде «православие, самодержавие, народность». Она достаточно сложна, поэтому ей нет места на площадях и политических митингах. Ее нельзя перевести на язык примитивных лозунгов, ею нельзя возбудить толпы людей. Как философская истина она требует уединения и сосредоточенной духовной работы личности, к которой она, собственно, и обращена.

Работа выполнена в рамках аналитической ведомственной программы «Развитие научного потенциала высшей школы» (2009–2010 гг.), проект № 2.1.3/12199 «Русская философия: единство в многообразии».

Примечания

- ¹ Лосский В. Н. Мистическое богословие. Киев, 1991. С. 237.
- ² Соловьёв В. С. Русская идея : соч. в 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 220.
- ³ Там же. С. 228.
- ⁴ Там же. Т. 1. С. 501.
- ⁵ Там же. С. 309.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Бердяев Н. А. Русская идея // О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 44–45.
- ⁸ Ильин И. А. Наши задачи : в 2 т. М., 1992. Т. 1. С. 323.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Новгородцев П. И. Об общественном идеале. М., 1991. С. 574.
- ¹¹ Бердяев Н. А. Судьба России. М., 1990. С. 61.
- ¹² Ильин И. А. Указ. соч. С. 263.
- ¹³ Цит. по: Лосский Н. О. Условия абсолютного добра. М., 1991. С. 325.

УДК 1(470)+929

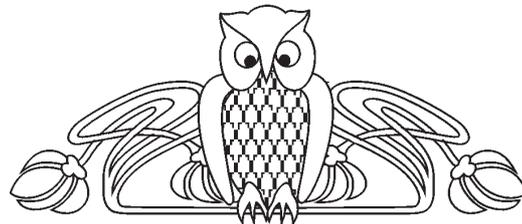
ЯЗЫК, МЕТАФИЗИКА И РУССКАЯ ИДЕЯ

В. А. Фриауф

Саратовский государственный университет
E-mail: friaufva@inbox.ru

В статье рассматривается внутренняя связь языка, метафизики русской идеи. Наличие метафизического измерения – конституирующее начало русской идеи. Это начало реализуется благодаря языку-символу, на основе которого формируется менталитет русской духовности.

Ключевые слова: русская идея, язык-символ, язык-знак, метафизика, национальная философия.

V. A. Friauf

Language, Metaphysics and Russian Idea

In article internal communication of language, metaphysics of Russian Idea is considered. Presence of metaphysical measurement – the constituting beginning of Russian Idea. This

beginning is realized thanks to language-symbol on which basis the mentality of Russian spirituality is formed.

Key words: Russian Idea, language-symbol, language-sign, metaphysics, national philosophy.

Что именно имел в виду Владимир Соловьёв, когда предложил знаменитый термин «русская идея»? Его собственное понимание содержится, конечно, в корпусе его теоретических разработок, но если иметь в виду связь русской идеи и метафизики (а Владимир Соловьёв – это по преимуществу мыслитель-метафизик!), то смысловое ядро «русской идеи» сам Соловьёв выражает в своем знаменитом афоризме: «Неважно, что мы сами думаем о России, пребывая в потоке исторического времени. Важно то, **что замыслил о России в вечности сам Творец.**»

Николай Бердяев, который посвятил русской идее целую книгу, подробно рассмотрел движение русской мысли XIX–XX вв., но сам при этом склонялся к истолкованию смыслового ядра *русской идеи* как идеи «восьмого дня творения», когда человек, поняв бесплодность чисто культурного творчества, совместно с Богом приступает к творчеству онтологическому – созданию «нового неба и новой земли».

Целью нашей статьи является обоснование тезиса, согласно которому «русская идея» со всей ее склонностью к метафизике и со всем ее своеобразием, суммарно выражающим менталитет русской духовности, принципиально обусловлена не чем иным как *языковой основой русской философской традиции*. Достижение этой цели предполагает постановку и решение следующих исследовательских задач: 1) *специфика языковой основы русской философской традиции*; 2) *русская идея как суммарный результат внутренней связи языка и русской метафизики*.

Для адекватного истолкования смысла и решения первой из указанных задач необходимо напомнить основные результаты предшествующих этапов нашего исследования природы языка как такового и языковых особенностей русского стиля философствования¹. А именно – результатом наших исследований по философии языка и по языковой парадигме русской философии являются следующие положения.

Во-первых, в основе языка как такового находится не один, но, как минимум, два принципа, два начала – *феномен имени и феномен числа*.

Принцип *имени* продуцирует формирование **языка-символа**. Принцип *числа* – формирование **языка-знака**.

Во-вторых, мы рассмотрели протекающую в эмпирической истории энантидромию, то есть перестановку мест и функций языка-знака и языка-символа. Для исторического первого этапа развития человеческого сообщества характерно доминирование языка-символа. Именно символ является действующим языковым агентом, в то

время как язык-знак на первоначальном этапе – всего лишь неявный фон. В результате симулятивных стратегий языка-знака на следующих этапах действующим агентом оказывается язык-знак, а язык-символ, напротив, становится его фоном.

В-третьих, специфичность русской духовности и русской философской традиции мы усматриваем именно в том, что эти духовность и традиция философствования коренятся преимущественно в языке-символе, в отличие от тяготения западно-европейской ментальности к семиотическим редукциям языка.

Чем же в принципе отличается язык-символ от языка-знака? Прежде всего, как было отмечено, у них разные генетические истоки. Хотя символизм и не сводится целиком и полностью к тайне имени (по меньшей мере, это требует особого обоснования), зато *само имя всегда есть символ*. Конечно, можно возразить, что имена как таковые тоже явлены посредством знаков, следовательно, они не только символичны, но и вполне семиотичны. На это следует такой ответ: да, символы четвертого порядка (как именуют слова человеческого языка Алексей Лосев) имеют знаковую оболочку, но если они при этом остаются именами, эта семиотическая одежда является лишь внешним покровом тайны имени, а именно – невозможности существования имени как такового в качестве лишь знака искусственного, культурального и антропогенного происхождения. Наиболее глубокое обоснование этого мы находим, к примеру, в замечательном по своей герменевтической утонченности анализе А. Ф. Лосева знаменитого трактата «О египетских мистериях»².

В лосевском анализе нас интересует прежде всего та его часть, которая посвящена именно природе символа и отличию символа от знака как такового. Философ суммирует свои размышления о природе и загадке символов в пятом параграфе главы, посвященной данному трактату и озаглавленной «Универсальный символизм»³.

Так как в трактате речь идет о теургических мистериях, то и у Лосева анализ направлен прежде всего на выявление связи теургии и символизма. «Все составные части теургии, – отмечает русский мыслитель, – направлены на достижение одной цели – полного или хотя бы частичного соединения с божеством. Такое соединение возможно только благодаря существованию божественных тайных символов»⁴.

Но что же такое сами символы? Существуют определенные предметы, картины, молитвенные формулы и даже мелодии, как излагает Лосев ответ на этот вопрос из содержания трактата, являющиеся изображением природы вселенной и деятельности творческого духа. Тот, кто посвящен в тайное египетское учение о символах, может обнаружить в каждом из этих предметов сокровенные, невидимые и тайные вещи, подобно

тому как в чувственной природе можно разглядеть отражение невидимых идей. Символ, по Ямвлиху (А. Ф. Лосев разделяет точку зрения, согласно которой подлинным автором трактата о египетских мистериях является не египетский жрец Абамон, а неоплатоник Ямвлих. Это мнение можно опспорить, но в данном случае у нас иные задачи), – главное связующее звено между человеком и богом. Он существует в материальном мире, но в то же время является, в сущности, тем самым богом, которого представляет. Молитвы жрецов, знающих *тайные имена каждого бога* (курсив мой. – В. Ф.) и символические изображения его, не достигают бога, но «изначально находятся в нем, составляя с ним одно. Божество здесь пребывает в божестве; и такие молитвы сообщаются богу не как иное, но как тождественное ему»⁵.

Священные молитвы теургов, цитирует далее Лосев автора трактата, были ниспосланы на землю самими богами, так что только они одни и воспринимаются богами, будучи божественными символами. Эти молитвы неким образом обладают такой же властью, что и сами боги. Таким образом, символы – это божественные сущности, а может быть, и *сами боги*, посланные людям и теургам как единственная возможность соединения с богами⁶.

И здесь А. Лосев формулирует выводы, имеющие принципиальное значение для понимания связи языка и метафизики. Прежде всего это вывод о сущностной различии природы символов и природы знаков в различных видах действия и знания. Теургия, основанная на символах, принципиально отличается от теологии, основанной на знании и разуме, констатирует русский мыслитель. «Знание бога, достигнутое только путем теоретической философии и теософии, не может соединить человека с богом. Теургическое единение с богом основано в большей степени на исполнении тайных священных обрядов, которые превосходят всякое разумное познание. Такие обряды возможны только благодаря символам, которые понятны одним лишь богам»⁷.

Знание символов, отмечает Лосев, выше логического знания. А логическое, или рациональное знание как таковое в основе своей имеет как раз знаковую, а не символическую основу языка. Иными словами, сущностной основой языка-знака является природа числа, а сам язык-знак суть не что иное как инструментальная основа рационального, логического мышления. Г. Бэйтсон в своих исследованиях убедительно показал, что у человека, в отличие от систем искусственного интеллекта, имеется два типа мышления. Один из них – это дигитальное, то есть числовое мышление, основной характеристикой которого является двузначная логика бинарной оппозиции «есть-нет». Альтернативный тип – это аналоговое (я склонен называть его именовым) мышление. Главной его особенностью является полное отсутствие отрицания типа «нет» – место этого отрицательного суждения занимает другое «да», то

есть утверждение другого вида бытия. Отсюда следует множество нетривиальных теоретических и практических следствий, но нас в данном исследовании интересует только одно из них, а именно: то, что мы именуем языком-знаком, фундирует дигитальный тип мышления. И наоборот – то, что Бэйтсон именует аналоговым типом мышления, у нас фундировано языком-символом.

Так как А. Лосев сам себя именует «философом имени, числа и мифа» и каждый из перечисленных элементов увязывает со своим учением о природе символов, то нам необходимо соотнести учение о природе символов автора трактата «О египетских мистериях» с учением о символах самого Лосева. При этом следует иметь в виду то принципиальное обстоятельство, что сам А. Лосев определяет свое *credo* как «православно понимаемый неоплатонизм». Из этого утверждения некоторые не вполне компетентные комментаторы лосевских текстов делают вывод о его так называемом уклоне в языческий неоплатонизм. Конечно, это избавляет недалеких «ортодоксов» от подлинно герменевтического прочтения данной формулировки, а именно от необходимости понять, что подразумевается самим Лосевым под *православным* пониманием платонизма и неоплатонизма.

При всей его увлеченности «скульптурно изваянной мифологией античности» нам, читателям Лосева, надо учиться видеть и в содержании, и в методах его анализа этой античности то принципиальное обстоятельство, что об античной мифологии размышляет православно ориентированный мыслитель. В чем же конкретно это проявляется? Прежде всего в том, чего нет (и, по существу вопроса, не может быть) в самой античной мысли. А именно там отсутствует христианское понимание роли и статуса ипостасийного, личностного начала в самом бытии и в том, что «превышает бытие достоинством и силой». Например, философ указывает на «сниженный христианский персонализм» в учениях христианских гностиков времен поздней античности и раннего христианства⁸. А что тогда говорить о самом платонизме, где нет даже и «сниженного персонализма»?

Далее – это знаменитый вопрос о соотношении сущности и ее энергий, вопрос, который остро был поставлен во времена богословских дискуссий вокруг учения Григория Паламы о различении в природе Божества не только трех ее ипостасей при единой сущности, но дополнительного различения недоступной для твари сущности Божией и постижимости изливаемых на тварь божественных, нетварных энергий. Алесей Лосев не только принимает для себя паламитское богословие энергий, но и существенным образом развивает и дополняет его в своих исследованиях. Это развитие и это дополнение лучше всего выражается лосевской формулой о «синтезе апофатизма и символизма», которая наиболее явным образом развернута им в знаменитом трактате

«Философия имени». В роли такого символизма, который сущностным образом корректирует само понимание апофатизма, выступает у Лосева его учение об апофатически непостижимом Первоимени Сущности и о природе так называемых первичных имен той «лестницы именитства», которая является подлинным посредником между Творцом и тварью, Богом и человеком. Таким образом, А. Лосев вслед за П. Флоренским трактует имя и *персоналистически* (как ядро личностного устройства бытия), и *онтологически* (как принцип устройства самого бытия).

Со времен паламитских споров продолжают попытки скорректировать аристотелевское определение энергии как актуализации потенции бытия в ключе христианской Благой вести. И только А. Лосеву, на наш взгляд, удастся дать вполне грамотное и вполне корректное разрешение этой задачи. Вот как он формулирует свое определение того, что именно следует понимать под энергией в христиански ориентированной мысли: «Тождество сущности с именем синтезируется с их различием так, что получается некое новое специфическое становление, которое мы называем энергией сущности. Энергия сущности есть, таким образом, диалектический синтез тождества и различия между сущностью и именем»⁹.

Если сравнить предложенное Лосевым определение понятия энергии с аналогичными попытками в ранневизантийской богословско-философской мысли, то мы сразу увидим и преобладание мысли Лосева с византийским духовным наследием, и дальнейшее его развитие благодаря творческим усилиям выдающегося русского мыслителя¹⁰. А именно – у Лосева энергия как «движение в сущности» трактуется в качестве диалектического синтеза тождества и различия между самой сущностью и ее именем. Именованное, стало быть, происходит как рождение Сына, так и исхождение Духа в самой Святой Троице. Действительно, это весьма значимый момент, который дает сущностное приращение к наследию византийских мыслителей.

Таким образом, для А. Лосева, как и для автора трактата «О египетских мистериях», символы остаются единственным посредником, связующим Бога и человека, мир горний и мир дольний. Но при этом на место субстанциального тождества символа и Бога у него приходит диалектическое соотношение между Божественной сущностью и именем Божиим. Вот почему, если вновь вернуться к вопросу о загадке русской идеи, мы вправе констатировать, что она имеет метафизическое измерение благодаря тому, что А. Лосев именует синтезом апофатизма и символизма.

Что же касается других измерений русской идеи (а к таким измерениям мы с полным основанием можем отнести и русскую историософию, и размышления русских мыслителей о духовных основах общества, о природе социального и личностного бытия человека, о сущности власти и т. д.), то на терминологическом языке Лосева они

суть не что иное как соотношение абсолютной и относительной мифологии¹¹.

Тем самым, резюмируя итоги рассмотрения связи языковой основы и русской философской традиции, мы, благодаря герменевтическому истолкованию творческого наследия А. Лосева, имеем основания заключить, что именно символическое начало языка, то есть язык-символ, является подлинной языковой основой русской традиции философствования, а следовательно – языковой основой русской метафизики и русской идеи как таковой.

Разумеется, мы далеки от намерения свести богатство смыслового содержания русской идеи к ее основе – языку-символу. Наша задача состоит в другом – вывести из этой основы характерные для нее черты, прежде всего обязательное именно в случае с русской идеей метафизическое ее измерение, которое имеет в данном случае отчетливо религиозное содержание. В самом деле, мы не можем, например, говорить и размышлять об американской или китайской «идее». Для американского менталитета правильнее говорить о так называемой американской мечте (имеющей отчетливо приземленный, прагматический смысл), а в случае с китайской ментальностью логичнее говорить о специфике ее культурной традиции, но никак не об идее.

Напротив, отличительная особенность русской ментальности в том-то и состоит, что ее лучше всего выражает термин «идея» – в платоновском ее изводе. Прилагательное «русская» дает нам дополнительное приращение смысла – в том значении, в каком, например, А. Лосев говорит о «православно понимаемом неоплатонизме», или, если обратиться к творческому наследию П. Флоренского, в значении «конкретной метафизики».

Так как мы неоднократно подчеркивали метафизическое измерение русской идеи, то нелишне напомнить о том смысле, который П. Флоренский, «русский Леонардо», вкладывает в термин «конкретная метафизика» – это и будет демонстрацией внутренней связи языка, метафизики и русской идеи.

П. Флоренский, подобно А. Лосеву, принципиально рассмотрел вопросы природы символа, имени и числа. И если Лосев в качестве основной характеристики символа выделяет его назначение – а именно быть средством онтологической и метафизической коммуникации между Богом и человеком, – то Флоренский исследует сущностную, субстанциальную особенность природы символа и приходит при этом к исключительно интересным результатам. Рассмотрим вкратце лишь некоторые из них, а именно те, которые отвечают цели и задачам нашего исследования.

Прежде всего Флоренский предлагает парадоксальное определение символа как бытия, которое больше себя самого¹². При всей его парадоксальности оно вполне логично, ведь символ, согласно Флоренскому, есть двуединство явления

и смысла, или телесности и Духа. А Дух как ипостасийное начало Святой Троицы обладает потенциалом божественной бесконечности. Соединение тварных, телесных энергий символа с энергиями нетварными, божественными и создает эффект «бытия, которое больше самого себя».

Следующим моментом «конкретной метафизики» символа является то обстоятельство, что оба его компонента – тело и дух – структурно связаны законом обратной перспективы. Эта перспектива и есть структура символа, отсюда взаимная обращенность двух сторон самого символа. Такое строение и такая природа символа, включает из этого Флоренский, есть не что иное как онтологическая нормативность бытия.

Акт грехопадения в контексте учения Флоренского о символической нормативности бытия следует понимать как нарушение этой нормы, как топологический сдвиг, смещение двух половин символа, что приводит к онтологической ущербности падшего бытия. Из этого следует вполне логичный вывод, согласно которому подлинной целью творческих усилий человека (а такие усилия могут быть продуктивными лишь при условии синергии, соединения действия Бога и деятельности человека, что и происходит, по Флоренскому, в деятельности литургической, то есть в культе) является не что иное как возвращение бытию его онтологической нормы, то есть его символического строения.

В онтологически нарушенном бытии, отмечает он, только имя (прежде всего Имя Божие) и только икона сохраняют подлинно символическое устройство бытия. Вот почему «русский Леонардо» пишет замечательные тексты «Обратная перспектива», «Иконостас», «Имеславие как философская предпосылка», а также незавершенную работу «Имена». Все они, как и другие творения о. Павла, формируют его концепцию «конкретной метафизики» как своего рода опознавательного имени русской идеи. В знаменитом цикле лекций «Философия культа» он рассмотрел связь культа и культуры, видов человеческой деятельности в культуре, а также весьма оригинальным образом высказался о норме и патологии в культурной жизни человечества.

Языку как таковому П. Флоренский отводит исключительное место в своей «конкретной метафизике»; науку и философию он толкует как два типа функционирования самого языка. В работе «Имена» Флоренский высказывает гениальную интуицию о числе и имени как двух основных принципах устройства бытия. При этом он считает, что имя имплицитно категории сущности и личности, а число – категории времени и пространства. Имя формирует личностное, духовное строение бытия, а число – объектное, вещественно данное строение космоса¹³.

В заключение рассмотрим самый острый момент связи языка, метафизики и русской идеи,

а именно – чего не хватает русской идее для того, чтобы ее метафизическое измерение могло воплотиться в социальную практику. Социал-демократы, а затем их крайнее течение – большевизм, – уступая создателям «русской идеи» в теоретическом отношении, сумели добиться на каком-то историческом отрезке времени реализации революционной теории в революционной практике. Печальные итоги такой реализации переживает современная Россия. Русские мыслители предупреждали о неизбежности срыва такого социального эксперимента, но сами они не сумели или не успели продумать и ясно изложить способы реализации русской идеи в социальном устройстве России. Несколько конструктивных идей было все-таки предложено, но о них – в другом исследовании. Нашему поколению выпала сверхзадача усвоить лучшие наработки творцов русской идеи и, учитывая горький исторический опыт, предложить реальные способы ее превращения в национальную философию.

Исследование выполнено в рамках аналитической ведомственной программы «Развитие научного потенциала высшей школы» (2009–2010 гг.), проект № 2.1.3/12199 «Русская философия: единство в многообразии».

Примечания

- 1 См.: Фриуф В. А. Языковая парадигма русской философии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. : Философия. Психология. Педагогика. 2010. Т. 10, вып. 3. С. 49–55.
- 2 Лосев А. Ф. История античной эстетики : в 8 т. Последние века. М., 1988. Кн. 1. С. 245–262.
- 3 Там же. С. 257.
- 4 Там же.
- 5 Там же, С. 258.
- 6 Там же.
- 7 Там же.
- 8 Лосев А. Ф. История античной эстетики : в 8 т. Итоги тысячелетнего развития. М., 1992. Кн. 1. С. 242–307.
- 9 Лосев А. Ф. Миф. Число. Сущность. М., 1994. С. 225.
- 10 В замечательной работе В. М. Лурье «История византийской философии» автор приводит следующие выдержки, обобщающие работу мысли ранних византийских философов и богословов: «Энергия (действие, действие) – движение сущности, где “движение” понимается в философском смысле какого бы то ни было изменения. Энергия применительно к Богу (по отношению к Которому нельзя говорить о “движении” в обычном философском смысле): происхождение Сына и Духа от Отца, а также явление Бога творению, ad extra» (см.: Лурье В. М. История византийской философии. Формативный период. СПб., 2006. С. 101).
- 11 См.: Лосев А. Ф. Абсолютная диалектика – абсолютная мифология // Лосев А. Ф. Миф. Число. Сущность. М., 1994. С. 264.
- 12 См.: Флоренский П. Имена. М. ; Харьков, 1998. С. 279.
- 13 Там же. С. 507.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 153.2

САМООЦЕНОЧНЫЙ КОМПОНЕНТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ САМОРЕГУЛЯЦИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖЬЮ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А. В. Зобков

Владимирский государственный гуманитарный университет
E-mail: av.zobkov@gmail.com

В статье рассматривается саморегуляция поведения и учебной деятельности студентов гуманитарного вуза с позиций системно-структурного подхода. Приведена психологическая модель саморегуляции; рассмотрена специфика самооценочного компонента, а также качеств личности, участвующих в психической саморегуляции поведения и деятельности на разных этапах обучения.

Ключевые слова: саморегуляция, психологическая модель, самооценка, качества личности, студенческая молодежь.

Self-Adjustment Component of Psychological Model of Learning Activity Self-Direction of Young Students

A. V. Zobkov

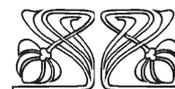
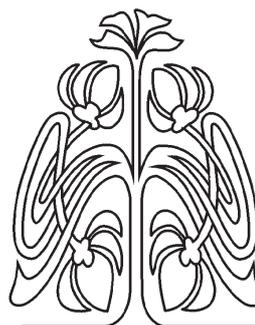
The article considers psychic self-direction of behavior, learning and professional activity of Humanities University students from the perspective of systematic and structural approach. A psychological model of self-direction has been provided. Self-adjustment components as well as personality characteristics comprising self-direction of young student behavior and activities at different stages of their studies have been considered.

Key words: self-direction, psychological model, self-adjustment, personality characteristics, young students.

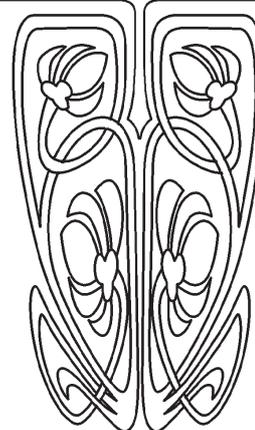
Психическая регуляция деятельности на уровне личности осуществляется психологическим механизмом самосознания. Последнее, по мнению многих психологов, является высшей психологической инстанцией личности. По этому поводу С. Л. Рубинштейн писал: «Проблема психологического изучения личности <...> завершается раскрытием самосознания личности»¹.

Важнейшей составляющей личности является самооценка. С.Л. Рубинштейн, как известно, придавал проблеме самосознания и самооценке исключительно высокую значимость. Самооценка, по его мнению, связана с социальным мотивом-стремлением выполнить общественный долг, проявить себя, заслужить признание членов коллектива, общества в целом. Этот мотив имеет исключительно широкий предметно-нравственный план, выходит за пределы конкретных целей, но реализуется практически в каждом действии человека, результаты которого имеют «общественный эффект». Таким образом, самооценка может выступать в роли нравственного регулятора поведения и деятельности.

Актуальность изучения проблемы самооценки, с точки зрения ученого, состоит в том, что, во-первых, этот нравственно-психологический механизм связан с формированием «одного из ценнейших характерологических свойств человека» – ответственного отношения

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

к делу, – а во-вторых, является массовидным, проявляющим себя у каждого человека в различных сферах его деятельности².

В изучении процессов саморегуляции мы исходим из структурно-функционального подхода, в рамках которого саморегуляция произвольной активности человека понимается как системно организованный психический процесс по инициализации, построению, поддержанию и управлению всеми видами и формами внешней и внутренней активности, которые направлены на достижение принимаемых субъектом целей³.

Саморегуляция поведения и деятельности студента в процессе обучения в вузе, осуществляемая на субъективно-психологическом уровне, представляет собой целостное динамическое образование, проявления которого видоизменяются на каждом этапе вузовского обучения. Динамические образования психической саморегуляции поведения и деятельности студенческой молодежи и их проявления могут быть изучены в процессе наблюдения, в том числе включенного экспертного оценивания, анализа продуктивности учебно-профессиональной деятельности, а также при применении специально подобранного для этих целей психодиагностического инструментария.

Объектом исследования является саморегуляция поведения и учебной деятельности студенческой молодежи, а предметом – самооценочный компонент психической саморегуляции поведения и учебно-профессиональной деятельности.

Задача связана с выявлением участия самооценочного компонента в психической саморегуляции учащейся молодежью учебно-профессиональной деятельности; в исследовании приняли участие студенты Владимирского государственного университета и Владимирского государственного гуманитарного университета (n=1041 чел.).

Необходимость такой работы связана с требованиями оптимизации учебной деятельности на разных этапах обучения, где учет доминирующего влияния особенностей личности, в частности самооценочных, системы личностных качеств учащихся необходим при решении задач обучения, воспитания и развития, при психической регуляции учебной деятельности, направленной на достижение эффективных и надежных результатов.

Информацию о механизме психической саморегуляции возможно получить с помощью корреляционного и факторного анализа. Факторный анализ осуществлялся нами с помощью применения алгоритма построения максимального корреляционного пути (МКП) по Л. К. Выханду⁴. Он позволяет наглядно проследить и выявить ведущие и дополнительные компоненты механизма психической регуляции учебной деятельности, методика анализа результатов широко применяется в психологических исследованиях. Анализ корреляционных результатов по методу МПК позволяет реализовать в исследовании системный принцип.

На основании теоретического анализа литературы по саморегуляции деятельности, саморегуляции поведения и деятельности студента, а также эмпирических исследований, связанных с изучением саморегуляционных характеристик студентов на объективно-психологическом уровне анализа⁵, была составлена модель психической саморегуляции поведения и деятельности, осуществляемая на субъективно-психологическом уровне и включающая нижеследующие структурные компоненты, изучение которых надлежало осуществить:

содержательно-мотивационный (СМК) (мотивационные проявления, параметры самоактуализации личности, ценностные ориентации, творческая активность);

содержательно-самооценочный (ССК) (особенности самооценки, рефлексивность);

компонент качеств личности (КЛК), характеризующий ее с интеллектуальной, эмоциональной, волевой, коммуникативной сторон;

индивидуально-типологический (ИТК) (эргичность, пластичность, скорость протекания психических процессов, эмоциональность).

Отметим, что индивидуально-типологический компонент по своему содержанию не входит в структуру механизма психической саморегуляции поведения и деятельности, но можно не только предполагать, а с определенной долей уверенности говорить о том, что саморегуляционный компонент человека формируется с опорой на индивидуально-типологический.

Исследованиями установлено, что структурную модель саморегуляции поведения и деятельности студентов, обучающихся на втором и четвертом курсах, составляют показатели СМК, ССК, КЛК, ИТК. На основании этих данных можно предположить, что у студентов на втором и четвертом курсах обучения в вузе формируются такие «внутренние условия», которые позволяют им наиболее успешно осуществлять саморегуляцию своего поведения и деятельности. Подчеркнем, что структурная модель саморегуляции поведения и деятельности студенческой молодежи имеет целостный системно-структурный вид только начиная со второго года обучения в вузе.

Несколько иная структура представлена на 1, 3 и 5-м курсах. Так, у студентов, обучающихся на 1-м курсе, в механизме саморегуляции доминирует ССК и далее представлены СМК, КЛК и ИТК, структурная модель саморегуляции не имеет целостности; у студентов 3-го курса – СМК, КЛК, ИТК и ССК; у студентов 5-го курса механизм саморегуляции представлен СМК, КЛК, ССК и ИТК. Следует отметить, что если структурная модель психической саморегуляции студентами 3-го и 5-го курса имеет целостный системно-структурный вид, то количество и сила корреляционных связей показателей, участвующих в саморегуляции поведения и деятельности, значительно

меньше, чем на 2-м и 4-м курсе. На наш взгляд, это указывает на сложность, а может быть, и кризисность обучения студентов на этих курсах.

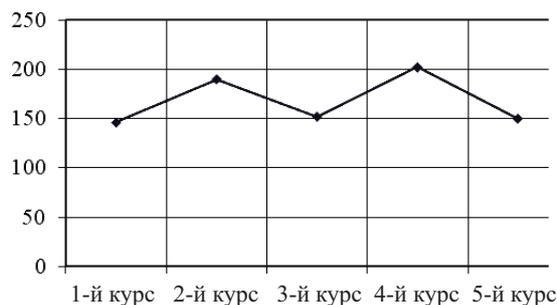
Психологический механизм саморегуляции поведения и деятельности складывается в процессе жизнедеятельности, в процессе обучения и воспитания. Воспитание и обучение учащегося должно быть направлено, в первую очередь, на становление «внутренних условий» (СМК, ССК, КЛК), которые выполняют роль саморегуляции поведения и деятельности. Можно говорить о том, что первопричина саморегуляции – это процесс воспитания и обучения, а в последующем – самовоспитания и самообразования.

От качественных особенностей компонентного состава механизма саморегуляции зависят мыслительные действия – анализ, планирование, рефлексия, абстракция, обобщение (по В.В. Давыдову), участвующие в коррекции и направлении внутренней и внешней активности человека, обуславливающей специфичность форм поведения. В процессах взаимодействия человека с объективной действительностью раскрывается сущность единства поведения и саморегуляции деятельности.

Ниже будут представлены результаты исследования содержательно-самооценочного компонента на разных этапах обучения студентов. Этот компонент изучался с помощью методики самооценивания развития качеств (черт) личности студента, участвующего в саморегуляции деятельности, мотивационно-самооценочного опросника В. А. Зобкова, методики Л. А. Рабинович по выявлению доминирующих эмоций в деятельности, мотивационно-результативной лабораторной методики № 1 (МР-1) О. В. Дашкевича⁶.

Самооценку мы определяем как внутренний личностный план целостной регуляции действий, интегрирующий в себе особенности целеполагания (исходный уровень притязаний, взаимосвязь и расхождение между реальной и идеальной целью действия, динамика уровня притязаний в ситуациях «успех» и «неудача»), оценку вероятности достижения цели (степень уверенности в ситуациях целеполагания, определяемую по 100%-ной самооценочной шкале, а в лабораторных условиях – также по количеству попыток в ситуации «неуспех» и по времени простой двигательной реакции на стимул в ситуации «неуспех»), оценку достигнутого результата. Таким образом, самооценка рассматривается нами как системное личностное образование, включающее целый ряд важнейших личностных характеристик регуляции как действия, так и деятельности.

Результаты исследования показали, что содержательно-самооценочный компонент саморегуляции студентами поведения и деятельности качественно и количественно изменяется от 1-го к 5-му курсу обучения. Полученные результаты отражены ниже графически (рисунок).

Количественная представленность корреляционных связей показателей содержательно-самооценочного компонента саморегуляции студентами поведения и деятельности в зависимости от курса обучения

Можно сделать заключение, что пики выраженности количества значимых корреляционных связей показателей исследуемого компонента между собой и с другими показателями саморегуляции наблюдаются на 2-м и 4-м курсе (см. рисунок). Подобная тенденция была нами выявлена и при анализе содержательно-мотивационного компонента саморегуляции. На основании этих данных можно предположить, что оба компонента наиболее активно формируются и проявляются на 2-м и 4-м курсе. Эту информацию, на наш взгляд, следует учитывать при обучении студенческой молодежи.

Студенты, обучающиеся на 1-м, 3-м, и 5-м курсе, требуют к себе, по-видимому, позитивного отношения со стороны преподавателей. На 1-м курсе проходит адаптация к условиям обучения, на 3-м – в связи с введением специализации – происходит переосмысление выбранного профессионального пути, а на пятом, как правило, появляется тревожность, связанная с неопределенностью, касающейся будущего трудоустройства, реализации своего предназначения. Специфические трудности объективно-субъективного порядка на этих этапах обучения, по всей вероятности, приводят к нарушению механизма саморегуляции, к дезорганизации поведения и снижению продуктивности учебно-профессиональной деятельности.

От адекватности развития содержательно-мотивационного и содержательно-самооценочного компонентов требованиям учебно-профессиональной деятельности существенно зависит развитие и функционирование качеств личности, обеспечивающих проявления поведения и деятельности ($p \leq 0.01$).

Динамика качеств личности студента, участвующих в психической саморегуляции поведения и учебно-профессиональной деятельности, изучалась с применением личностного стандартизованного опросника Р. Кеттелла. Исследованиями установлено, что у студентов-первокурсников ($n = 211$ чел.) в структуре качеств личности доминирующую позицию занимал фактор Q_2 (4.3 ± 0.5),

характеризующий низкую степень самоудовлетворенности своими достижениями. Снижение степени самоудовлетворенности не способствует развитию и проявлению в деятельности самостоятельности и инициативности. Результаты наших исследований показали, что эти черты личности, проявляемые на объективно-психологическом уровне, принимают активное участие в саморегуляции деятельности.

В личностном профиле студентов-вторкурсников ($n = 217$ чел.) доминирующую позицию занимают факторы Q_1 (6.9 ± 0.2) – радикализм – и H (7.0 ± 0.2) – социальная смелость, что указывает на развитие и проявление в учебно-профессиональной деятельности качеств личности, характеризующих интеллектуальную и коммуникативные сферы. Наблюдение за поведением и деятельностью этих студентов указывает на то, что в интеллектуальной сфере у них доминируют элементы творческого теоретического мышления – анализ, обобщение, рефлексия, планирование (В. В. Давыдов). В сфере коммуникации они, как правило, проявляют социальную активность. Позитивные изменения в интеллектуальной и коммуникативной сферах личности приводят к повышению степени их самоудовлетворенности (Q_2) в деятельности, по сравнению с показателями студентов-первокурсников ($p \leq 0.01$), а также к проявлению самостоятельности и инициативности в процессуальных аспектах учебной деятельности ($p \leq 0.01$).

В личностном профиле студентов-третьекурсников ($n = 214$ чел.) ведущие позиции занимают фактор E (6.5 ± 0.4) – доминантность и фактор G (4.4 ± 0.4) – групповая конформность. Наблюдение за поведением и деятельностью испытуемых, а также данные экспертов подтверждают результаты исследования, полученные по личностному опроснику Р. Кеттелла: студенты-третьекурсники проявляют независимость в своих поступках и суждениях, склонны нарушать дисциплину, правила и нормы поведения, принятые в вузе, на факультете, на курсе, в группе. Проучившись на 2-м курсе в вузе на интеллектуально-творческом подъеме, студенты-третьекурсники переживают определенный спад в эмоционально-волевом развитии, активно используя интеллектуальный запас, накопленный ранее.

У студентов 4-го курса ($n = 211$ чел.) доминирующие позиции в структуре личностного профиля занимают факторы C (7.7 ± 0.2) – эмоциональная устойчивость – и F (7.5 ± 0.2) – импульсивность. Доминирование данных факторов, а также высокая степень их выраженности указывают на то, что студентам 4-го курса свойственны уверенность в себе, эмоциональная устойчивость в сложных условиях учебной деятельности,

энергичность, социальная активность, коммуникативность. В деятельности и поведении данных студентов, по результатам наблюдения и экспертных оценок, проявляются ответственность, организованность, коммуникативная совместимость. Названные факты указывают на определенное развитие механизма психической саморегуляции поведения и деятельности, осуществляемого на уровне проявлений качеств личности.

У студентов-выпускников ($n = 188$ чел.) в личностном профиле доминирует фактор B (7.7 ± 0.3) – интеллект, – что указывает на достаточно высокий уровень развития их общих мыслительных способностей. Следует отметить, что у этих студентов снижается, по сравнению с четверокурсниками, степень выраженности эмоциональной устойчивости ($p \leq 0.05$).

Результаты исследований, связанные с изучением качеств личности, участвующих в психической саморегуляции поведения и деятельности студенческой молодежи, приводит нас к выводу о том, что каждому периоду вузовского обучения свойственна своя структура (профиль) качеств личности. Степень выраженности доминирующих показателей мы считаем оптимальной, так как эти данные получены на значительной выборке испытуемых. Можно также предположить, что доминирование в профиле личности студента, обучающегося на том или ином курсе, других факторов будет свидетельствовать о нарушении механизма психической саморегуляции поведения и деятельности студента. Учитывая то, что проявления качеств личности зависят от основных компонентов психической саморегуляции поведения и деятельности – мотивации и самооценки, – следует предположить, что и в названных компонентах саморегуляции будет наблюдаться определенная дисгармония, приводящая к снижению продуктивности учебно-профессиональной деятельности.

Примечания

- ¹ Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М., 1940. С. 565.
- ² Там же. С. 472.
- ³ Моросанова В. И. Индивидуальный стиль саморегуляции: феномен, структура и функции в произвольной активности человека. М., 2001. С. 192; Рубинштейн С. Л. Указ. соч. С. 596.
- ⁴ Выханду Л. К. Об исследовании многопризнаковых биологических систем // Применение математических методов в биологии. Вып. 3. Л., 1964. С. 19–23.
- ⁵ Зобков А. В. Саморегуляция учебной деятельности студента: экстрасубъектный аспект // Вестн. гос. ун-та управления. Сер. : Социология и управление персоналом. 2009. № 34. С. 43–46.
- ⁶ См.: Зобков А. В. Указ. соч.

УДК 159.922.7

АНАЛИЗ РАЗЛИЧНЫХ ПОДХОДОВ К КЛАССИФИКАЦИИ ДЕТСКОЙ ИГРУШКИ

Е. С. Иванова

Тамбовский государственный университет
E-mail: iks22@mail.ru.

В статье анализируются различные виды классификации игрушек, разработанные отечественными психологами, психотерапевтами и педагогами; указываются причины возникновения классификации; перечисляются игрушки, не вошедшие в психологическую классификацию.

Ключевые слова: игрушки, игрушечное оружие, классификация игрушек, производство игрушек.

Analyzing Different Approaches to Classification of Children's Toys

E. S. Ivanova

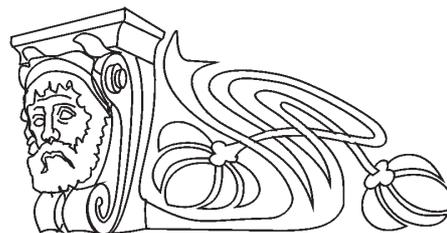
The article analyzes various classifications of toys suggested by home and foreign psychologists, psychotherapists and pedagogues. The author identifies reasons of classifying, enumerates toys not included into psychological classifications.

Key words: toys, toy weapons, classification of toys, production of toys.

Возникновение игрушки, изменение ее внешнего вида, применение в процессе подготовки ребенка к будущей жизни имеет длительную историю. Возникнув на ранних ступенях развития человеческого общества как средство специальной подготовки к труду взрослых, игрушка со временем стала предметом детских забав, а затем постепенно превратилась в средство умственного, нравственного, физического и эстетического развития.

Рост количества разного рода игрушек приходится на конец XIX в., что связано с возникновением их промышленного производства в Германии. В Нюрнберге в 1880 г. первый раз при изготовлении игрушек была применена штамповка, что позволило увеличить их количество. В 1886 г. впервые появляются модели оружия. В 1898 г. началось промышленное производство мягких и музыкальных игрушек, а также технической игрушки.

В России игрушки долгое время были результатом деятельности игрушечных промыслов (богородского, дымковского и др.), и в основном они были деревянными и гончарными. Увеличение производства связывают с началом XX в., однако эти игрушки не отличались особым качеством. Первая мировая война негативным образом отразилась на этом производстве: игрушечный промысел пришел в упадок, игрушки производились

из второсортного сырья, отходов промышленного производства.

В 30-е гг. прошлого века советская власть поставила перед производителями игрушек задачу создания новой, «советской» игрушки, отвечающей требованиям общества, формирующей новые ценности, ориентиром, образцы поведения, тип личности, социалистическое мышление. Московская артель «Забава детей» в те годы выпускала тряпичных кукол, изображавших людей разных профессий: работниц в красных косынках, почтальонов, пожарных, молочниц. Загорские мастера вытачивали красноармейцев, матросов, уличных регулировщиков, пионеров-барabanщиков.

Параллельно с развитием игрушки шло осмысление особенностей ее возможного влияния на развивающуюся психику. Анализируя историю этого вопроса, И. Н. Алёшина формулирует проблемы, которые наиболее часто обсуждались российскими и немецкими учеными М. О. Манассеиной, Л. Г. Оршанским, Ф. Фребелем, К. Ланге в конце XIX – начале XX в.: «...соответствие игрушки возрасту ребенка; количество игрушек, необходимое для нормального психического развития ребенка; качество игрушек, т.е. степень соответствия игрушки реально существующему предмету»¹. В мае 1932 г. в России впервые в мире был создан Всесоюзный научно-исследовательский институт игрушки в г. Загорске (ВНИИИ) с филиалом в г. Вятке.

Отечественные ученые начинают создавать первую классификацию игрушек: российский педагог Е.А. Аркин, специалист в области теории и практики общественного дошкольного воспитания, разработал классификацию игрушек (1935), в основу которой был положен принцип историзма. Он выделил несколько групп – звуковые, двигательные, образные, – отнеся их к «изначальным игрушкам» (не меняющимся в ходе исторического развития), и подчеркнул их «универсальность, неизменность <...> основных структурных форм и выполняемых <...> функций» во все исторические эпохи. Следует заметить, что в данной классификации не учитывается психическое развитие ребенка, на которое оказывают влияние данные игрушки².

В эти же годы появляется педагогическая классификация игрушек, разработанная А. С. Марченко, в которой обращается внимание на

их развивающий потенциал. А. С. Макаренко выделил три основных вида игрушек: готовые, (машинки, куклы и др.); полуготовые (кубики, разрезные картинки и др.), игрушки-материал (глина, песок, куски дерева, картон, бумага). Все они способствуют в первую очередь созданию представления об окружающем мире, а также развитию творческого воображения, умственных способностей и произвольности ребенка³.

Наиболее полная и подробная классификация игрушек, используемых в практике дошкольного образования, принадлежит Е. А. Флериной (1973). В ее основе лежат различные аспекты психического и физического развития ребенка. Она классифицирует игрушки, исходя из особенностей их влияния на познавательную сферу ребенка (конструктивные способности, мышление, воображение, чувство юмора, музыкальный слух) и его физическое развитие (крупная и мелкая моторика, зрительно-двигательная координация)⁴.

Несколько позже появляется психологическая классификация игрушек В. С. Мухиной (1985), в которой они разделены на две большие группы:

- 1) способствующие социально-эмоциональному развитию (или развитию личностной сферы), предполагающие общение или обращение с ними, как с живыми персонажами;
- 2) помогающие развитию интеллектуально-познавательных и моторных способностей.

Такое разделение, по мнению психологов, соответствует двум направлениям в развитии основных видов деятельности, на которые указывал Д. Б. Эльконин. Одни из них ориентируют ребенка на нормы отношений между людьми: в детском возрасте это непосредственно-эмоциональное общение младенца и сюжетно-ролевые игры дошкольника. Благодаря другим ведущим видам деятельности дети усваивают общественно выработанные способы действий с предметами и различные эталоны – речь идет о предметно-манипулятивной деятельности ребенка раннего возраста и учебной деятельности младшего школьника.

В отличие от других авторов В. С. Мухина особое внимание уделяет куклам – они в ее классификации разделены на группы в зависимости от функций, которые выполняют в игровой деятельности ребенка: «прекрасные» куклы, куклы «для любования», характерные куклы, куклы эмоциональной рефлексии, этнографические куклы⁵.

Обращает на себя внимание тот факт, что во всех представленных видах классификации не упоминаются игрушечное оружие и игрушки, изображающие монстров, вампиров, игрушки-страшилки. Мы предполагаем, что такое положение дел объясняется тем, что данный вид игрушек появился в большом количестве и стал доступным буквально для каждого ребенка только в последние десятилетия. Место игрушечного оружия в классификации современной игрушки проанализировано в работе И. Н. Алёшиной. Она

указывает на то, что хотя современный рынок игрушки и переполнен игрушечным оружием, однако данный вид не упоминается ни в одном из видов имеющейся классификации, в то время как «мог составить одну из следующих классификационных групп: сюжетные и моторно-спортивные игрушки (в классификации Е. А. Флериной); игрушки, влияющие на нравственное развитие (в классификации В. С. Мухиной); сюжетно-образные (в классификации С. Л. Новосёловой)»⁶.

К игрушкам-страшилкам и игрушечному оружию у педагогов, психологов, родителей преобладает негативное отношение, так как считается, что игровые действия с ними способствует формированию агрессивного поведения ребенка. Противоположное отношение к ним встречается только у представителей психоанализа: «...психоаналитики соглашаются с тем, что агрессивность присуща человеку и в разные возрастные периоды имеет различные задачи и выполняет разные функции <...>, она составляет необходимый элемент развития, с которым ребенок учится правильно обращаться»⁷.

Игры с игрушечным оружием, фигурками монстров, вампиров, солдатиков позволяют ребенку канализировать агрессию, сбросить фрустрационное напряжение, сталкивают ребенка с последствиями его агрессивных действий и в процессе совместной деятельности со взрослыми учат социальным одобряемым способам, помогающим исправить содеянное. Поэтому перечисленные выше игрушки вошли в типологию, разработанную в детской психотерапии. Так, в классификации американского психолога Г. Л. Лэндтрета (1984) особо выделяется группа игрушек, помогающих выразить агрессию и агрессивные чувства: это военные игрушки, куклы би-ба-бо, солдатик⁸.

Другой психотерапевтической классификацией является классификация А. В. Локтионовой (2005), в основу которой был положен принцип удовлетворения витальных потребностей ребенка. Витальность понимается как определенное самочувствие, ощущение удовлетворенности от того, что происходит в данный момент на телесном уровне: «Мне нравится жить». При этом «нравится» – это не только оценка происходящего, с помощью этого ощущения формируются потребности, интересы, жизненные ценности и установки человека. Высокий уровень развития витальности способствует нормальному психическому, физическому и личностному развитию. Детская витальность формируется в ходе общения в первую очередь с матерью, близкими людьми, а также через предметную среду, влияющую на развитие познавательной, эмоциональной и социально-личностной сфер, особое место в которой занимают детские игрушки.

Разработанная А. В. Локтионовой типология игрушек включает в себя несколько групп: игрушки как «защитники-успокоители», игрушки-«утешители», «символические»

игрушки, игрушки-«посредники», игрушки-«однодневки», игрушки-«коллекции»⁹. По мнению ученого, агрессивные игрушки входят в группу игрушек, выполняющих символическую функцию. Речь идет о тех из них, которые способствуют канализации агрессии, освоению социальных норм обращения с агрессией, а также выражением других негативных чувств. К ним относятся игрушки-«страшилки», игрушечное оружие, негативные персонажи и полицейские, а кроме того, игрушки для символизации негативных чувств – Баба-яга, зубастый волк, крокодил.

Мягкие игрушки (плюшевые медведи, добрые львы, мягкие тигры разных размеров) являются «защитниками-успокоителями» и игрушками-«утешителями»: они обеспечивают ощущение психологической безопасности, спокойствия, уверенности, помогают почувствовать ребенку, что его принимают и понимают, сочувствуют ему.

Анализ всех перечисленных нами видов классификации показал, что в них указывается только на положительное влияние игрушки на какую-либо сторону психологического развития. И только в классификации В. Г. Малахеевой-Мирович (1912) говорится о возможном негативном влиянии игрушек на психику ребенка. Учитывая этот принцип, она разделила игрушки на пять категорий: к «скучным» она отнесла почти все механические игрушки, а также хрупких однотипных и статичных фарфоровых зверей и людей, так как они вызывают у ребенка лишь минутное удивление; «глупые» игрушки – это щелкунчик с уродливым лицом, страшные маски и другие, вызывающие у ребенка чувство страха, внутреннюю тревогу. В. Г. Малахеева-Мирович обвиняет производителей в том, что они, создавая такие игрушки, не учитывают психологии ребенка и степени воздействия игрушки на его развивающуюся личность. «Мертвые» игрушки напоминают учебные пособия из-за своей сверхпродуманности, сверхполезности и сверхцелесообразности; они не дают возможности развиваться детской инициативе и творчеству. «Пошлые» игрушки – это всевозможные страшные, уродливые и одновременно комичные, вульгарные копии людей и животных. Игрушки военного дела относятся к группе «безнравственных», так как провоцируют у ребенка стремление к насилию и разрушению¹⁰. Удивление вызывает тот факт, что данная классификация появилась в 1912 г., когда промышленное

производство игрушек в России и за рубежом находилось на начальном этапе своего развития.

Таким образом, анализ литературы позволяет сделать нам следующие выводы:

основанием для появления классификации детской игрушки стало, во-первых, развитие промышленного производства игрушек, что привело к резкому увеличению их количества, и во-вторых, изменение функции игрушки с подготавливающей к трудовой деятельности на воспитательную и развивающую;

при разработке классификации детской игрушки представители разных наук – психологи, психотерапевты, педагоги – используют разные принципы;

в настоящее время отсутствует психологическая классификация игрушек, появившихся в большом количестве в последние десятилетия, таких как игрушечное оружие, игрушки – герои современных мультфильмов, игрушки-«страшилки».

Примечания

- 1 Алёшина И. Н. Влияние игрушки на психику ребенка: история вопроса // Психолог в детском саду. 2009. № 1. С. 39–45.
- 2 Цит. по: Эльконин Д. Б. Психология игры. 2-е изд. М., 1999. С. 23.
- 3 Приводится по: Менджерцкая Д. В. Воспитателю о детской игре. / под ред. Т. А. Марковой. М., 1982. 130 с.
- 4 См.: Менджерцкая Д. В. Флёрина об игре и игрушке // Дошкольное воспитание. 1969. № 3. С. 15–24.
- 5 См.: Мухина В. С. Дети и куклы: таинство взаимодействия // Народное образование. 1997. № 5. С. 28–33.
- 6 Алёшина И. Н. Место игрушечного оружия в классификациях современной игрушки // X Державинские чтения: материалы науч. конф. преподавателей и аспирантов. Тамбов, 2005. С. 63–70. С. 64.
- 7 Локтионова А. В. Игровая среда современного ребенка // Московский психотерапевтический журн. 2005. № 1. С. 40.
- 8 Лэндрет Г. Л. Игровая терапия: искусство отношений. М., 1994. 365 с.
- 9 Локтионова А. В. Указ. соч. С. 31–57.
- 10 Малахеева-Мирович В. Г. Воспитательное значение игрушки // Игрушка. Ее история и значение. М., 1912. С. 140–197.

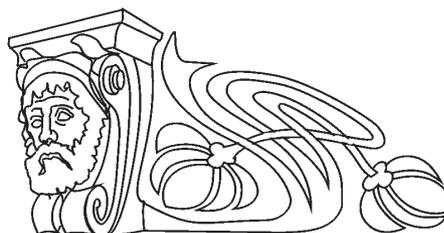

УДК 159.9.072.432

СОЦИАЛЬНАЯ КРЕАТИВНОСТЬ ЛИЧНОСТИ: ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА

А. Е. Ильиных

Новосибирский государственный технический университет
E-mail: banyuhova@gmail.com

В статье сделана попытка изучения социальной креативности как комплексного качества личности, позволяющего находить оригинальные и конструктивные решения в ситуациях межличностного взаимодействия. В структуре взаимосвязанных элементов социальной креативности обнаруживается единство мотивационных, коммуникативных, интеллектуальных и экзистенциальных параметров.

Ключевые слова: типы креативности, социальная креативность, самоактуализация, социальный интеллект, эмпатия.

Social Creativity of Personality: Psychological Structure

A. E. Ilinykh

The research suggests an attempt to study social creativity as complex characteristic of personality. The characteristic fosters finding original and constructive decisions in situations of interpersonal interaction. The unity of motivational, communicative, intellectual and existential parameters can be found out in the structure of interrelated elements of social creativity.

Key words: types of creativity, social creativity, self-actualization, social intelligence, empathy.

В настоящее время большинство исследователей придерживается мнения о существовании различных видов творчества, имеющих свою специфику. Существуют разные критерии для их классификации. Одни авторы предлагают дифференцировать их в зависимости от конкретных видов деятельности, в которых проявляются незаурядные способности человека. В соответствии с этим выделяются математические, музыкальные, научные, технические, литературные, изобретательские, художественные способности. Другие исследователи предлагают анализировать творческие способности в более широком смысле, когда они не связаны с конкретными видами деятельности. Чаще всего такая классификация встречается в литературе, связанной с проблемой одаренности¹.

Несмотря на наличие в литературе теорий и классификации творческих способностей, большинство исследований сконцентрировано на изучении интеллектуальной креативности, в результате чего полученные данные необоснованно распространяются, помимо предметной сферы, и на другие сферы человеческой активности. В связи с этим вопросы проявления творчества в межличностном взаимодействии, которое определено имеет свою специфику, остаются от-

крытыми. На недостаточную разработанность данной проблемы указывает также и тот факт, что в современной психологии творчества отсутствует единый термин, обозначающий социальную разнovidность креативности.

В работах отечественных психологов термин «социальная креативность» присутствует крайне редко, наиболее часто способность к творчеству в социальном контексте определяется в терминах «коммуникативная креативность» (А. А. Голованова, Н. В. Мартышкина, Т. Ю. Осипова), «креативность» в сфере общения (С. Ю. Канн, Н. А. Тюрмина), «лингвистическая креативность» (Г. А. Халюшова), «социальный интеллект» (М. И. Бобнева, Ю. Н. Емельянов, В. Н. Куницына, А. Л. Южанинова), «коммуникативная компетентность» (Н. А. Аминов, А. А. Кидрон, Е. В. Коблянская, М. В. Молоканов, Л. А. Петровская, О. Ф. Остроумова), «социальная компетентность» (А. А. Бодалев, О. К. Тихомиров, Ю. М. Жуков). В рамках зарубежной психологии большая часть работ посвящена исследованиям социального интеллекта (Дж. Гилфорд, Р. Стернберг), реже – коммуникативной компетентности, социальной одаренности (С. Грейс, Р. Томассони).

К сожалению, фундаментальных исследований, посвященных изучению социальной креативности, крайне мало. Большая значимость данной проблемы и недостаточное количество исследований позволили нам определить данную тему как актуальную и требующую дальнейшего изучения. В контексте данной работы мы предлагаем рассмотреть понятие и уточнить структуру социальной креативности.

По мнению С. Ю. Канн, креативность общения и креативность мышления являются взаимосвязанными и взаимозависимыми понятиями и составляют вместе особое свойство личности, которое проявляется в поисково-преобразовательной деятельности, потребности в изменении и развитии как самой личности, так и окружающего мира². Н. А. Тюрмина выделяет в качестве механизмов креативности в сфере общения децентрацию, рефлексивность, идентификацию, эмпатию, существование которых практически невозможно в условиях предметной деятельности³.

Наиболее целостной, на наш взгляд, является психологическая структура социальной креатив-

ности, предложенная А. А. Попелем, включающая следующие компоненты: общую способность к самоактуализации; социальную мотивацию, которая выражает потребность индивида в постоянных социальных контактах и мотивационные установки на общение с другими людьми; коммуникативную чувствительность; социальное воображение, позволяющее моделировать дальнейшее развитие социальной ситуации на основе обратной связи⁴.

Рассмотрев существующие эмпирические исследования по данной проблеме, мы определяем социальную креативность как комплексное качество личности, позволяющее понимать и анализировать причины и динамику различных социальных ситуаций, а также принимать эффективные творческие, нестандартные решения в ситуациях межличностного взаимодействия. Целью нашего исследования является обнаружение личностных коррелятов социальной креативности. В соответствии с принципом системности любое психологическое явление целесообразно рассматривать в комплексе с другими психологическими свойствами. Таким образом, в результате анализа существующих концепций психологическая структура социальной креативности была дополнена. На наш взгляд, в нее входят:

– *мотивационные параметры*: творческая позиция, стремление к самосовершенствованию, личностному росту, самоактуализации, стремление к творческому характеру взаимодействия;

– *когнитивные параметры*: вербальная оригинальность как нестандартность использования вербальных средств, речи, проявляющаяся в поиске новых речевых конструкций в повседневных коммуникативных ситуациях;

– *коммуникативные параметры*: вербальная чувствительность как способность использовать языковые средства адекватно ситуации общения и воспринимать информацию без смысловых искажений; невербальная чувствительность как способность адекватно использовать в общении различные виды невербальной коммуникации; поведенческая чувствительность, проявляющаяся в способности адекватно интерпретировать поведение других людей, а также использовать различные поведенческие стили во взаимодействии с другими людьми в соответствии с социальной ситуацией;

– *эмоциональные параметры*: продуктивное взаимодействие, невозможное без способности понять и почувствовать эмоциональное состояние партнера; эмпатия как важный компонент в структуре, поскольку сопровождает процесс общения и способствует поддержанию эмоционального фона в условиях проявления социального творчества;

– *экзистенциальные параметры*: аутентичность личности, наличие цели в жизни, осмысленность, ощущение временной перспективы.

Для проверки предложенной структуры социальной креативности был подобран ком-

плекс методик, направленный на выявление того или иного ее параметра. Среди них опросник «САМОАЛ» Н. Ф. Калиной для определения показателей самоактуализации, тест социального интеллекта Гилфорда – Салливена, ассоциативный тест С. Медника, выявляющий вербальную креативность, опросник В. В. Бойко на определение уровня эмпатии; тест смысложизненных ориентаций.

Дополнительно к этим методикам нами было разработано и предложено задание творческого характера, которое позволило оценить содержательный аспект проявления изучаемого феномена. В нем надо было в свободной форме ответить на три вопроса, касающихся проявления одного из свойств личности. Необходимо было перечислить признаки, по которым можно распознать человека, обладающего данным личностным качеством, а также перечислить ситуации, в которых оно будет полезно или может навредить. Ответы оценивались экспертами по десятибалльной шкале по выраженности следующих параметров: беглость; оригинальность; разработанность ответов; узкое/широкое понимание проблемы. Данные свойства были условно сгруппированы в общий параметр «социальная проницательность», который также учитывался при анализе результатов. Результаты, полученные после психологического тестирования, были обработаны с помощью методов математической статистики; был использован коэффициент корреляции Пирсона.

В исследовании приняли участие студенты технических специальностей 1-го курса Новосибирского государственного технического университета в возрасте 16–20 лет, общий объем выборки – 160 человек.

Было установлено, что параметр «социальная проницательность» имеет взаимосвязь с показателями социального интеллекта, а именно общий показатель социального интеллекта взаимосвязан с такими свойствами, как беглость ($r = 0,16$; $p < 0,05$), оригинальность ($r = 0,21$; $p < 0,05$), разработанность ($r = 0,26$; $p < 0,005$) и с параметром «узкое/широкое понимание проблемы» ($r = 0,28$; $p < 0,05$).

Лица с высоким социальным интеллектом способны предугадывать поступки других на основе анализа и оценки реальных ситуаций общения, состояний, чувств, намерений их, а также могут анализировать межличностные ситуации в динамике, понимать логику их развития. Кроме того, высокий социальный интеллект предполагает чувствительность к характеру и оттенкам человеческих взаимоотношений, что способствует быстрому и правильному пониманию того, что люди говорят друг другу (речевая экспрессия) в контексте определенной ситуации. Таким образом, все вышеперечисленные особенности лиц с высоким социальным интеллектом можно отнести к блоку *коммуникативных* параметров

предложенной нами структуры социальной креативности. Полученная связь показывает, что наличие социального опыта, отражающегося в уровне социального интеллекта, дает основу для проявления новых оригинальных способов действий и суждений, а также позволяет в конкретной социальной ситуации принимать достаточно большое количество разнообразных подходящих, эффективных и нестандартных решений. Социальная проницательность выражается в умении гибко и оригинально оценивать различные аспекты социального взаимодействия. По нашему мнению, данные способности также можно отнести к блоку *интеллектуальных* параметров социальной креативности. Кроме того, существует связь социальной проницательности с вербальной креативностью по тесту С. Медника (с параметром «беглость»: $r = 0,20$; $p < 0,05$; с параметром «оригинальность»: $r = 0,25$; $p < 0,05$; с параметром «узкое/широкое понимание»: $r = 0,17$; $p < 0,05$), которая показывает характеристики оригинальности в интеллектуальной деятельности. Таким образом, можно констатировать взаимосвязь интеллектуальных и коммуникативных параметров в структуре социальной креативности.

Следующий результат, на котором хотелось бы остановиться, – наличие прямой связи социального интеллекта с уровнем самоактуализации личности и эмпатией ($r = 0,20$; $p < 0,05$). Получается, что успех в ситуациях межличностного взаимодействия, наряду с другими факторами, является непременным условием самоактуализации. Умение поставить себя на место другого человека, понять его эмоциональное состояние позволяет создавать атмосферу открытости и доверительности, способствующей проявлению социального творчества. Таким образом, можно проследить, что *коммуникативные* параметры в структуре социальной креативности взаимосвязаны не только с интеллектуальными, но и с *мотивационными*, проявляющимися в стремлении к творческой реализации собственного потенциала, а также с *эмоциональными*, характеризующими способность понимать в процессе взаимодействия эмоциональное состояние как свое собственное, так и другого человека.

После статистической обработки данных также была обнаружена связь между самоактуализацией и показателями осмысленности жизни по тесту смысловых ориентаций ($r = 0,18$; $p < 0,05$). Движение человека на пути реализации собственного потенциала так или иначе сопровождается постоянным осмыслением событий собственной жизни и поиском смысла как прошлых событий, так и будущих намерений и целей. В связи с этим *экзистенциальные* параметры в структуре социальной креативности составляют особую группу качеств. Чем богаче экзистенциальный мир человека и чем выше уровень осмысленности жизни, тем больше возможностей для творческой самореализации.

Результаты, представленные в данной работе, дают основание полагать, что феномен социальной креативности связан со многими психологическими структурами личности: это доказывает правомерность комплексного изучения и построения системной модели социальной креативности.

Анализируя теоретические концепции по проблеме коммуникативной креативности, мы обнаружили, что значительное количество исследований посвящено изучению такого параметра, как социальный интеллект. Несмотря на тесную связь социального интеллекта и креативности, необходимо отметить их принципиальное различие. По нашему мнению, социальные разновидности интеллекта и креативности находятся в функциональном единстве, благодаря чему может обеспечиваться эффективность человека в сфере коммуникаций. При этом интеллект можно рассматривать как содержательную, а креативность – как процессуальную характеристику межличностного взаимодействия, то есть знания человека о самом себе, о других людях, о способах поведения в различных ситуациях (являющихся проявлением социального интеллекта), гибко и созидательно преобразуются адекватно коммуникативной ситуации.

На наш взгляд, применение результатов исследования особенно актуально в процессе вузовской подготовки студентов гуманитарных специальностей, поскольку их будущая профессиональная деятельность относится к типу «человек – человек». И в этом случае социальную креативность можно считать одной из необходимых профессиональных компетенций. Формирование ключевых и предметных компетенций является актуальной задачей современного вузовского образования⁵.

В результате проведенного исследования можно сделать вывод о том, что социальная креативность представляет собой комплексное качество личности, позволяющее находить оригинальные и конструктивные решения в ситуациях межличностного взаимодействия. В структуре взаимосвязанных элементов социальной креативности обнаруживается единство мотивационных, коммуникативных, интеллектуальных, эмоциональных и экзистенциальных параметров, каждый из которых представляет собой отдельный блок личностных характеристик и проявлений, имеющих определенное значение в процессе межличностного взаимодействия. В связи с этим можно предположить, что общий уровень развития социальной креативности субъекта определяется уровнем развития каждого из названных компонентов ее структуры.

Работа выполнена при финансовой поддержке Департамента образования, культуры, спорта и молодежной политики мэрии г. Новосибирска.

Примечания

- 1 См.: Матюшкин А. М. Концепция творческой одаренности // *Вопр. психологии*. 1989. № 6. С. 29–33.
- 2 См.: Канн С. Ю. Изучение взаимосвязи креативности общения и креативности мышления студентов : дис. ... канд. психол. наук. Рязань, 1997. 22 с.
- 3 См.: Тюрьмина Н. А. Креативность в сфере общения: психологические особенности, условия формирования в подростковом возрасте : дис. ... канд. психол. наук. Казань, 2004. 18 с.
- 4 См.: Попель А. А. Психологические условия развития социальной креативности студентов в процессе профессиональной подготовки : дис. ... канд. психол. наук. Нижний Новгород, 2005. 24 с.
- 5 Ширяева В. А. Развитие мышления субъектов образования в процессе изучения теории решения изобретательских задач. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. : Философия. Психология. Педагогика*. 2009. Т. 9, вып. 3. С. 89–94.

УДК 316.624.3

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К ПРОГНОЗИРОВАНИЮ РИСКА И ПРЕВЕНЦИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ДЕЛИНКВЕНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

А. С. Краснощёков

Саратовский государственный социально-экономический университет
E-mail: akrasnoshchekoff@yandex.ru

Статья посвящена системному подходу в прогнозировании риска делинквентного поведения. Выявлена специфика социально-психологических и индивидуально-личностных особенностей и их связей у лиц с делинквентным поведением. На основе параметров, имеющих прогностическую значимость в отношении возможности криминализации личности, разработан алгоритм выявления групп риска возникновения делинквентного поведения. Представлены социально-психологические и индивидуально-личностные маркеры риска развития криминального поведения у мужчин, что делает возможным выделение групп риска с их мониторингом и фокусированием профилактических программ.

Ключевые слова: делинквентное поведение, прогноз, профилактика.

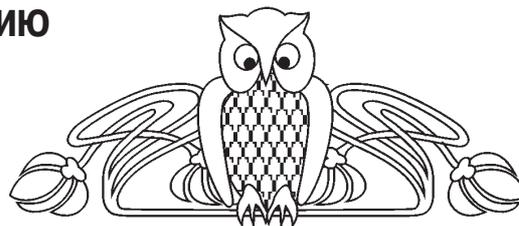
System Approach to Risk Prognosis and Prevention of Delinquent Behavior

A. S. Krasnoshchekov

The present article is devoted to system approach to delinquent behavior prognosis. Specific character of socio-psychological features and personal features and their interconnection with people, exhibiting delinquent behavior, has been revealed. The algorithm of revealing risk groups of delinquent behavior development has been worked out on the basis of the parameters that have prognostic importance regarding personality criminalization. Socio-psychological and personal risk markers of development of criminal behavior in men have been found. This makes it possible to single out risk groups with their subsequent monitoring and focusing of preventive programs.

Key words: delinquent behavior, prognosis, prevention.

Профилактика делинквентного поведения молодых людей и приведение его в соответствие

с требованиями социальных систем всегда были в центре внимания государства. Несмотря на то что более десяти лет назад законодательно была поставлена задача реализации комплексного подхода в профилактике безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних, достигнуть ее решения до настоящего времени не удалось¹. Одной из значимых задач, определяющих возможности эффективной профилактической работы, является выявление групп риска возникновения психических и поведенческих отклонений, которые должны являться объектом психолого-педагогического профилактического воздействия². Решение этой задачи возможно лишь при условии комплексного и системного подхода к определению взаимосвязанных факторов риска (маркеров) интра- и интерпсихического уровня, обеспечивающих объективность прогностических мероприятий и эффективность модели психологического обеспечения профилактики правонарушений несовершеннолетних. В этой связи актуальным является изучение всех предпосылок развития делинквентного поведения: с одной стороны, типовых ситуаций жизнедеятельности несовершеннолетних, которые могут являться внешними условиями, предрасполагающими к такому поведению, а с другой – индивидуально-психологических особенностей личности, которые выступают в качестве его внутренних детерминант³.

Это обусловило цель нашего исследования, которая заключается в разработке системы прогностических мероприятий, обеспечивающих выявление факторов риска развития делинквентного поведения у лиц мужского пола. Объектом исследования

явились социально-психологические, индивидуально-личностные и биометрические факторы, системное соотношение которых обуславливает риск возникновения этого поведения у мужчин.

В исследовании приняли участие 200 мужчин $28,46 \pm 0,70$ лет, осужденных за насильственные преступления (исследуемая группа), и 200 мужчин $27,08 \pm 0,37$ лет, не привлекавшихся ранее к уголовной ответственности (контрольная группа). Исследование проведено с использованием комплекса методов, обеспечивающих выявление факторов риска возникновения девиаций в поведении социальной модальности: 1) изучение личных дел осужденных; 2) анкетирование, направленное на выявление социальной ситуации развития исследуемых (анкета М. Г. Дебольского)⁴. Другой комплекс методов использовался нами для выявления факторов риска возникновения девиаций в поведении интрапсихического – в том числе биопсихологического уровня: 1) личностные опросники (пятифакторный личностный опросник «Big 5», опросники А. Баса – М. П. Перри, Г. Шмишека, методика «УСЦД» Е. Б. Фанталовой; 2) биометрические и дерматолифические методы. Статистическая обработка данных, проведенная с помощью стандартного пакета прикладных программ «Statistica-8.0», включала корреляционный, дисперсионный и дискриминантный анализ.

На первом этапе нашего исследования с помощью однофакторного дисперсионного анализа выявлено, что возможность проявления преступного поведения в максимальной степени зависит от факторов «приводы в милицию» ($30,3 \pm 0,2\%$; $p < 0,000$) и «возраст начала употребления алкоголя» ($22,0 \pm 0,6\%$; $p < 0,000$). Значительное влияние оказывает фактор «служба в армии» ($20,4 \pm 0,2\%$; $p < 0,000$), при этом, высоко влияние фактора «нахождение на гауптвахте» ($10,1 \pm 0,2\%$; $p < 0,000$). В значительной степени делинквентное поведение зависело от полноты семьи испытуемых ($12,5 \pm 0,4\%$; $p < 0,000$), в меньшей степени – от факта развода родителей ($2,1 \pm 0,2\%$; $p < 0,003$). Высоко влияние фактора «местность проживания в детстве» ($10,6 \pm 0,5\%$; $p < 0,000$). Влияние оказывают факторы «нереализованность потребностей» ($8,0 \pm 0,5\%$; $p < 0,000$), «алкоголизм родителей» ($6,3 \pm 0,2\%$; $p < 0,000$), «наличие сиблингов» ($5,0 \pm 1,0\%$; $p < 0,000$), «убийство животных» ($3,9 \pm 0,2\%$; $p < 0,000$), «подвергание побоям в детстве» ($3,8 \pm 0,2\%$; $p < 0,000$), «конфликты в семье» ($2,8 \pm 0,2\%$; $p < 0,001$). Делинквентное поведение в большей степени зависит от возраста матери на момент рождения ($8,7 \pm 1,3\%$; $p < 0,000$), чем от возраста отца ($6,3 \pm 1,3\%$; $p < 0,001$). Высоко влияние уровня образования, причем как самих делинквентов ($19,8 \pm 0,4\%$; $p < 0,000$), так и их матери ($10,5 \pm 0,5\%$; $p < 0,000$) и отца ($13,6 \pm 0,6\%$; $p < 0,000$). Делинквентное поведение зависит от фактора «притеснение со стороны одноклассников» ($8,7 \pm 0,2\%$; $p < 0,000$). Оказывают влияние факторы «успеваемость в школе» ($6,7 \pm 0,5\%$; $p < 0,000$), «повторное об-

учение в одном классе» ($6,5 \pm 0,2\%$; $p < 0,000$), «конфликты с учителями» ($6,1 \pm 0,2\%$; $p < 0,000$), а также «прогулы уроков» ($5,6 \pm 0,2\%$; $p < 0,000$). Возможность проявления делинквентного поведения в большей степени зависит от наличия и количества детей ($11,1 \pm 0,7\%$; $p < 0,000$), чем от семейного положения ($6,5 \pm 0,7\%$; $p < 0,000$).

На втором этапе исследования выявлялись корреляционные связи между факторами интрапсихического уровня в генезисе делинквентного поведения. Статистический анализ эмпирических данных, полученных с помощью методики «Big 5», выявляет достоверные различия в степени выраженности свойств личности испытуемых двух групп. В группе осужденных отмечается достоверно более высокая выраженность факторов «открытость опыту» и «нейротизм», тогда как показатели экстраверсии, уживчивости и сознательности имеют достоверно меньшую степень выраженности, чем в контрольной группе (табл. 1).

Таблица 1

Различия в показателях выраженности свойств личности у осужденных за насильственные преступления и исследуемых контрольной группы («Big 5»)

Показатель	Средние арифметические значения и ошибки		Достоверность различий (U, p)
	Осужденные	Контрольная группа	
Нейротизм (N)	$18,7 \pm 0,6$	$12,9 \pm 0,5$	8181,0; $p < 0,000$
Экстраверсия (E)	$27,0 \pm 0,8$	$31,5 \pm 0,5$	9759,0; $p < 0,000$
Открытость опыту (O)	$26,4 \pm 0,6$	$23,8 \pm 0,4$	12088,5; $p < 0,000$
Уживчивость (A)	$28,2 \pm 0,9$	$29,8 \pm 0,5$	13899,0; $p < 0,05$
Сознательность (C)	$34,1 \pm 1,1$	$36,4 \pm 0,4$	14097,0; $p < 0,05$

Анализ результатов выполнения испытуемыми методики Басса – Перри позволяет сделать вывод о том, что у осужденных проявления агрессии более выражены, чем у исследуемых из контрольной группы. У первых достоверно выше уровень выраженности физической агрессии, гнева, враждебности, интегральной шкалы агрессии (см. табл. 2). При этом наиболее существенные различия наблюдаются в когнитивном компоненте агрессии – у осужденных более враждебное восприятие социального окружения, конкретной ситуации взаимодействия.

В группе осужденных достоверно выше показатели всех шкал теста Шмишека – дистимности, циклотимности, возбудимости, застревания, педантичности, тревожности, эмотивности, демонстративности, экзальтированности, исключение составляет шкала гипертимности (табл. 3).

В группе осужденных достоверно выше уровень общей внутренней конфликтности ($20 \pm 0,64$; $17 \pm 0,64$; $U = 16262$; $p = 0,001$) и ниже – запаса уверенности в себе ($-1 \pm 0,37$; $1 \pm 0,34$; $U = 15103$; $p = 0,000$). Высокие значения пока-

Таблица 2

Различия в показателях выраженности свойств личности у осужденных за насильственные преступления и исследуемых контрольной группы (Басса – Перри)

Показатель	Средние арифметические значения и ошибки		Достоверность различий (U, p)
	Осужденные	Контрольная группа	
Физическая агрессия (pha)	24,5 ± 0,6	20,1 ± 0,4	9879,0; p < 0,000
Гнев (ang)	18,0 ± 0,5	14,0 ± 0,4	9339,0; p < 0,000
Враждебность (hst)	21,2 ± 0,6	15,9 ± 0,3	7261,5; p < 0,000
Интегральная шкала агрессии (isa)	63,6 ± 1,4	49,9 ± 0,9	6859,5; p < 0,000

Таблица 3

Различия в показателях выраженности характерологических свойств личности у осужденных за насильственные преступления и исследуемых контрольной группы

Показатель	Средние арифметические значения и ошибки		Достоверность различий (U, p)
	Осужденные	Контрольная группа	
Гипертимность	16,5 ± 0,4	16,8 ± 0,4	33537,0; p > 0,05
Дистимность	7,8 ± 0,3	6,5 ± 0,4	28621,5; p < 0,000
Циклотимность	11,2 ± 0,4	9,3 ± 0,4	26834,0; p < 0,000
Возбудимость	8,0 ± 0,4	5,0 ± 0,4	23853,0; p < 0,000
Застревание	12,5 ± 0,3	11,2 ± 0,3	27481,0; p < 0,000
Педантичность	11,9 ± 0,3	9,3 ± 0,3	23011,5; p < 0,000
Тревожность	5,6 ± 0,3	4,0 ± 0,3	26299,5; p < 0,000
Эмотивность	13,2 ± 0,3	8,9 ± 0,4	17703,0; p < 0,000
Демонстративность	13,4 ± 0,3	11,8 ± 0,3	26687,0; p < 0,000
Экзальтированность	14,3 ± 0,4	11,2 ± 0,4	25840,5; p < 0,000

зателя общей внутренней конфликтности могут означать наличие у осужденных высокой степени эмоциональной напряженности и уровня дезинтеграции ценностно-смысловой сферы личности при низкой уверенности в себе.

Исследование факторов биопсихологического уровня выявляет следующие особенности: в группе осужденных, по сравнению с контрольной группой, ниже частота узоров «дуга» (соответственно $\rho_a = 0,059 \pm 0,006$; $\rho_a = 0,117 \pm 0,008$; $t = 6,0$; $p < 0,001$), «ульнарная петля» ($\rho_{lu} = 0,508 \pm 0,013$; $\rho_{lu} = 0,550 \pm 0,012$; $t = 2,5$; $p < 0,05$) и «радиальная петля» ($\rho_{lr} = 0,036 \pm 0,005$; $\rho_{lr} = 0,106 \pm 0,007$; $t = 8,1$; $p < 0,001$), но чаще встречаются «завитки» ($\rho_w = 0,397 \pm 0,012$; $\rho_w = 0,273 \pm 0,010$; $t = 7,6$; $p < 0,001$). У осужденных ниже средние показатели длины ($176,6 \pm 0,5$; $175,2 \pm 0,8$; $U = 11884,50$; $p < 0,026$) и массы тела ($73,8 \pm 0,9$; $70,0 \pm 1,1$; $U = 10765,50$; $p < 0,002$).

Обнаружено статистически достоверное влияние четырех факторов «Big 5» на возможность проявления делинквентного поведения: нейротизм оказывает влияние в размере $12,1 \pm 0,5\%$, экстраверсия – $15,7 \pm 0,5\%$, открытость опыту – $7,5 \pm 0,5\%$, сознательность – $2,1 \pm 0,5\%$. Агрессия влияет на возможность проявления делинквентного поведения: физическая агрессия в размере $8,9 \pm 0,5\%$ от общего влияния всей суммы факторов, гнев – $9,9 \pm 0,5\%$, враждебность – $20,4 \pm 0,4\%$, интегральная шкала агрессии – $22,1 \pm 0,4\%$. Особенности характера также связаны с возможностью проявления делинквентного поведения: эмотивность имеет наибольшее влияние в размере $15,7 \pm 0,5\%$ от общего влияния всей суммы факторов, педантичность – $7,0 \pm 0,5\%$, возбудимость – $6,5 \pm 0,5\%$, экзальтированность – $5,3 \pm 0,5\%$, демонстративность – $4,5 \pm 0,5\%$, застревание – $3,2 \pm 0,6\%$. Существует связь запаса уверенности в себе ($5,5 \pm 0,7\%$) и общей внутренней конфликтности личности ($4,6 \pm 0,7\%$) с возможностью проявления делинквентного поведения. Обнаружено влияние встречаемости всех узоров – «дуга», «ульнарная петля», «радиальная петля», «завиток» – на левой и правой руке на возможность проявления делинквентного поведения – в размере от $5,6 \pm 1,1\%$ до $16,9 \pm 0,9\%$.

На третьем этапе исследования применение пошагового дискриминантного анализа сделало возможным разделение групп осужденных за насильственные преступления и их сравнение по следующим социально-психологическим, индивидуально-личностным и биометрическим переменным: 1 – наличие приводов в милицию (1); враждебность (hst); нахождение на гауптвахте (2); служба в армии (3); образование матери (4); образование отца (5); возраст матери (6); семейное положение (7); алкоголизм родителей (8); образование (9); местность, в которой прошло детство (10); конфликты с одноклассниками (11); конфликты в семье (12); «радиальная петля», количество на левой руке (LRL); возраст отца (13); интегральная шкала агрессии (isa); эмотивность (Эм); циклотимность (Цик); гипертимность (Гип); прогулы уроков (14); участие в боевых действиях (15); наличие и количество детей в семье (16); возбудимость (Возб); «дуга», количество на правой руке (AR); «завиток», количество на правой руке (WR); конфликты с учителями (17); дистимность (Дис); экзальтированность (Экз); общая внутренняя конфликтность (ОВК); полная/неполная семья (18); развод родителей (19).

Классификационная матрица демонстрирует, что общий уровень достоверности разделения групп по выделенным переменным составляет 95,7% (95,6% для группы осужденных, 95,8% – для контрольной группы). Классификационные функции для каждой группы (y_1 – классифицированное значение для группы осужденных; y_2 – классифицированное значение для контрольной группы):

$$y_1 = 7,309 + 32,067(1) - 4,960(hst) + 27,324(2) + 7,785(3) + 5,985(4) + 4,236(5) + 6,587(6) + 32,446(7) - 1,528(8) + 7,777(9) + 12,720(10) +$$

7,309(11) + 2,931(12) – 33,372(LRL) + 10,111(13) + 1,777(isa) – 1,476(Эм) + 34,347(Цик) + 47,454(Гип) – 442,587(14) + 32,067(15) – 4,960(16) + 27,324(Возб) + 7,785(AR) + 5,985(WR) + 4,236(17) + 6,587(Дис) + 32,446(Экз) – 1,528(ОВК) + 7,777(18) + 12,720(19);
 $y_2 = 6,453 + 23,081(1) - 3,201(hst) + 26,855(2) + 5,306(3) + 5,049(4) + 3,648(5) + 7,193(6) + 38,827(7) - 4,003(8) + 9,578(9) + 11,101(10) + 6,453(11) + 2,368(12) - 35,953(LRL) + 8,829(13) + 3,720(isa) - 2,920(Эм) + 36,255(Цик) + 49,276(Гип) - 393,321(14) + 23,081(15) - 3,201(16) + 26,855(Возб) + 5,306(AR) + 5,049(WR) + 3,648(17) + 7,193(Дис) + 38,827(Экз) - 4,003(ОВК) + 9,578(18) + 11,101(19).$

При практическом применении данных формул в прогностической работе классификационное значение рассчитывается по предложенным функциям путем подстановки в формулы соответствующих значений, полученных при применении психодиагностических методов и анкетирования.

Таким образом, выявлены взаимосвязанные факторы разноуровневой организации личности, имеющие прогностическую значимость в отношении вероятности развития делинквентного поведения. Определено, что лица с делинквентным поведением имели специфические особенности социальной ситуации развития. На уровне индивидуально-личностных особенностей осужденные отличаются повышенным уровнем нейротизма и открытости опыту, пониженной экстраверсией, живчивостью и сознательностью. У лиц с делинквентным поведением выше все компоненты

агрессивности (поведенческий, эмоциональный и когнитивный). У осужденных более выражены характерологические черты: дистимность, циклотимность, возбудимость, застревание, педантичность, тревожность, демонстративность, эмотивность, экзальтированность. В этой группе выше уровень общей внутренней конфликтности ценностных ориентаций и ниже уровень запаса уверенности в себе. На уровне биометрических показателей у лиц с делинквентным поведением ниже частота «дуг», ультрачных и радиальных «петель», чаще встречается узор «завиток», ниже длина и масса тела. Предложен алгоритм определения риска возникновения делинквентного поведения на основе системы детерминант различных уровней организации личности.

Примечания

- 1 См.: Поздняков В. М. Психологическое обеспечение профилактики правонарушений несовершеннолетних: состояние и перспективы // Вестн. Вологод. ин-та права и экономики. 2009. № 7. С. 49–50.
- 2 См.: Гречишкин О. Н., Старков О. В. Предупреждение девиантного и преступного поведения несовершеннолетних. Краснодар, 2004. С. 130.
- 3 См.: Поздняков В. М. Указ. соч.
- 4 Проведение психодиагностического обследования осужденных (находящихся в карантине исправительного учреждения, представляемых к переводу в колонию-поселение, обратившихся в суд с ходатайством об условно-досрочном освобождении) : метод. рекомендации. М., 2008. 99 с.

УДК 316.6

ЛОГИЧЕСКАЯ ПРИРОДА КОММУНИКАЦИИ

Е. А. Лазунина

Саратовский государственный университет
 E-mail: ekaterinalazunina@yandex.ru

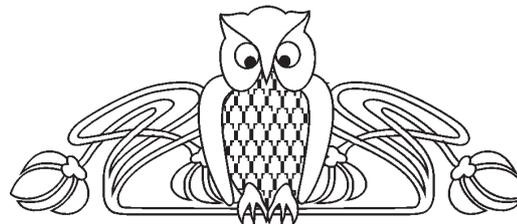
В статье рассматривается логический аспект коммуникации; исследуется взаимосвязь структурных особенностей текста и эффективности его запоминания в связи с изменениями социальной ситуации, в которой протекает этот процесс: материалы статьи подтверждают культурно-историческую теорию Л. С. Выготского. Обосновано предположение о хронотопической природе логики запоминания текста.

Ключевые слова: коммуникация, коммуникативные процессы, логика, логико-психологический анализ текста, хронотоп.

Е. А. Lazunina

Logical Nature of Communication

The article focuses on the logical aspect of communication. The author investigates relationship between some structural features of text and

efficiency of memorizing it due to changes in the social situation in which the process takes place. The data described in the article consistent with L. S. Vygotsky's cultural-historical theory. The assumption about the chronotopic nature of the logic of memorizing text has been proved.

Key words: communication, communication processes, logic, logical and psychological analysis of the text, chronotope.

Коммуникация представляет собой процесс двустороннего обмена продуктами психической деятельности, реализуемый посредством символов и имеющий целью достижение взаимопонимания субъектов. Коммуникация не спонтанна, регулирующим моментом выступает ряд факторов, которые можно разделить на две группы – внешние и внутренние. В качестве внутреннего фактора выступает, в частности, то, что человек хочет ска-

зать, исходный замысел высказывания. Наряду с внутренними существуют и внешние факторы, так как коммуникация – это, прежде всего, процесс социальный, возникший и существующий в ходе социального (культурно-исторического) развития человечества. Эта проблема была поставлена Л. С. Выготским, который выдвинул предположение о знаковой организации психики человека. Знаки вырабатываются в истории народа и фиксируются в культуре, они опосредуют отношения между людьми и отношение человека к самому себе, являются необходимыми в процессах взаимодействия. Кроме того, они выступают в качестве средства организации действия по овладению своей собственной психикой. Коммуникация по своей природе имеет знаковое происхождение: знаковость выступает в качестве основного условия intersubъектного взаимодействия, посредством которого, если следовать концепции Л. С. Выготского, происходит как осознание явлений действительности в целом, так и усвоение знаний в частности. По словам А. Н. Леонтьева, именно жизнь в обществе учит человека «быть человеком»¹.

Усвоенные в конкретной социально-исторической ситуации знания и сформированные понятия облачаются в языковую форму. По мысли Б. М. Гаспарова, коммуникативные фрагменты как основные элементы языковой формы хранения и передачи знаний и концептов раскрываются в конкретном контексте и сами, в свою очередь, задают этот контекст². Процесс передачи мысли в ходе коммуникации осуществляется благодаря следованию определенной логике изложения – именно она делает понятными для других излагаемые мысли. Отнюдь не случаен статус логики как универсального способа передачи информации.

Передача мысли в ходе коммуникации – один из самых трудных процессов, поэтому нередко объяснить (передать другому собственную мысль, добиться понимания) сложнее, чем просто описать что-либо. В связи с этой трудностью возникла проблема адекватности передачи смыслового значения от одного (трансммиттера) к другому (приемнику) участнику коммуникации. Одним из подходов к решению данной проблемы может выступать преимущественная ориентация на логический аппарат как одну из значимых сторон коммуникации. Множественность логик усложняет задачу, но, тем не менее, оставляет возможность для использования логики с целью раскрытия смысловой стороны коммуникации. Конкретным примером этому служит предложенный Л. П. Добраевым логико-психологический подход к пониманию текста.

Основным элементом структуры текста является предложение. Текст имеет сложную смысловую структуру, входящие в него предложения ограничены контекстом – другими предложениями, – поэтому смысл отдельно взятого, вне

текста, предложения не может быть истолкован однозначно. Текст – это связанное целое: различные повторы и смысловое согласование предложений способствуют достижению этой связанности.

Понимание является неотъемлемым и необходимым условием человеческого бытия. С. Л. Рубинштейн говорил: «Мыслить человек начинает, когда у него появляется потребность что-то понять»³.

Процесс понимания связан с раскрытием смысла объекта понимания. Таким образом, смысл есть не только спутник, но и продукт процесса понимания: понять можно только то, что имеет смысл⁴.

В качестве одной из основных черт смысла А. Н. Леонтьев отметил его неустойчивость, подверженность изменениям. Многочисленные факты позволили ему прийти к заключению о том, что динамика смысла обусловлена динамикой деятельности субъекта. Смысл не может связать сознание с внешним миром; эту функцию выполняет деятельность, которая направляется смыслом⁵. По мнению Л. П. Добраева, процесс понимания текста не сводится только к знанию значения употребляемых слов, умению устанавливать их связи в предложении и к запасу определенных представлений и научных понятий, на которых основывается содержание текста. Необходимо также «научиться устанавливать смысловые связи между предложениями и группами предложений»⁶.

Таким образом, коммуникативным результатом работы субъекта с текстом, происходящей в ходе его понимания, является раскрытие системы смысловых связей между составляющими его элементами, его смысловой структуры. Последнее и служит свидетельством адекватности передачи мысли. В качестве аппарата сравнения при этом может служить предложенный Л. П. Добраевым метод анализа логико-психологической структуры текста. Специфика этого анализа заключается в том, что задача экспериментального изучения логической стороны коммуникации, на наш взгляд, доступна для решения лишь в тех случаях, когда коммуникация имеет логический характер. Например, в учебном или научно-популярном тексте развитие мысли (модификация, по Л. П. Добраеву) чаще всего идет от общего к частному. Важно отметить, что подобное строение структуры текста во многом согласуется с принципами семантической организации памяти.

Память не только психологический, но и культурно-исторический и семиотический феномен. По мнению В. М. Розина, даже самый простой тип запоминания «является не только необходимым условием человеческой жизнедеятельности, но и выступает как способ конституирования человека, обустроивающегося и действующего в той или иной реаль-

ности»⁷. Понимание текста служит основой для его успешного запоминания. А. Ф. Пантелеевым было доказано, что раскрытие логико-психологической структуры объяснительного, логически организованного текста способствует его запоминанию. При этом субъект сохраняет в первую очередь те предложения и элементы текста, которые наиболее насыщены в смысловом отношении⁸. Таким образом, существует взаимосвязь логических и коммуникативных характеристик элементов текста. В современной логике выявлено, что логические формы зависят как от специфики языка и области рассуждений, так и от исторического момента и социальных условий их объективации. Логические формы и логические процедуры относительно постоянны.

За последние двадцать лет в российском обществе произошли коренные изменения, обусловленные социально-экономическими трансформациями и идеологическими сдвигами. Стабильные ранее условия и окружение стали динамичными и быстро изменяющимися. Последнее позволило провести сравнительное исследование с целью выявить связанные с переменами вариативные включения в системе логических процедур на относительно консервативном материале понимания и запоминания текстов логического характера. Была выдвинута гипотеза о существовании взаимосвязи между требованиями социума и особенностями психических процессов в целом, и в частности – процессами понимания и запоминания как неотъемлемой стороны коммуникации. В ходе исследования проводилось сравнение результатов запоминания и последующего воспроизведения объяснительного текста современными учащимися и учащимися 80-х гг. прошлого века⁹.

В качестве основной процедуры экспериментов послужила разработанная А. Ф. Пантелеевым совместно Л. С. Цветковой и Ж. М. Глозман методика запоминания и воспроизведения текстов, суть которой заключена в запоминании, устном воспроизведении и последующей реконструкции текста, восстановлении последовательности его изложения с помощью карточек с написанными на них предложениями (раскладка), смысловой «компрессии» текста, составления текста из разрозненных незнакомых предложений на карточках (конструирование).

Испытуемые учащиеся 2, 5, 7, 9, 11-х классов двух школ г. Саратова, причем по условиям эксперимента были взяты наиболее сильные по учебным показателям классы. В экспериментах 80-гг., проведенных с применением той же методики, испытуемыми были учащиеся одной из обычных средних школ. Стимульным материалом служили объяснительные тексты, взятые из школьного учебника «Природоведение» для третьего класса, которые в современных учебниках практически не изменились¹⁰.

**Средний объем воспроизведения
объяснительного текста, в %**

Классы	Средний объем воспроизведения	
	1980-е гг.	2000-е гг.
2	27	24
5	40	28
7	50	41
9	54	54
11	62	51

Анализ результатов исследования в целом позволяет допустить, что по мере возрастного развития наблюдается переход от тенденции описать то, что запомнилось, к тенденции объяснить то, что запомнилось. Сравнение показало, что за истекший период произошло уменьшение объема воспроизведения текста, увеличилось количество логических ошибок, снизился качественный уровень воспроизводимого текста, наиболее выраженные различия выявлены у учащихся выпускного класса.

Причины изменений могут быть различными, однако эти изменения дают возможность выявить степень участия логики в конкретном коммуникационном процессе. Мы считаем, что одной из причин подобного изменения показателей может быть изменение модуса логического: можно допустить, что логика имеет хронотопичную природу¹¹.

Классическая логика не может полностью соответствовать каждому временному периоду развития человеческого общества, она может лишь служить опорой, неким сохраняющимся моментом, тем не менее всегда существует часть логики, которая связана с текущим временным периодом, с социальной ситуацией. Хронотоп М. М. Бахтина является модусом существования культурного смысла, где все события развертываются во временной и пространственной перспективе. Вместе с этим смысл должен иметь в дальнейшем какие-либо последствия. Хронотоп, таким образом, является выражением перспективной точки зрения. В. Я. Ляудис вводит понятие «хронотоп» в контекст психологических исследований памяти. Автор подразумевает под памятью регуляторное образование, центральной функцией которого является пространственно-временная (хронотопическая) организация внутренних схем деятельности личности, их координация с динамикой смыслов, целей, разворачивающихся в актуальном, реальных пространстве и времени. К. А. Павлов отмечает, что в современной логике логические формы зависят как от специфики языка и области рассуждений, так и от исторического момента и социальных условий¹². Логическим формам, а вместе с ними и самой логике, свойственно меняться.

Логика – это не просто существующая вне времени и пространства категория человеческого бытия: она имеет хронотопичную структуру, так как имеет перспективы развития. Логика 1980-х гг. была хронотопичной в отношении своего времени,

в XXI в. произошедшие перемены в общественной жизни создали условия, в которых хронотопичной оказалась другая логика. Логика, реализовавшаяся в советское время, подчиненная общественным целям, сменила логика субъективно направленная, более эгоцентрическая. Если ранее рассуждения были направлены «вглубь», на решение конкретно поставленной проблемы (государством или обществом в целом), то теперь в связи с почти полным отсутствием государственного вмешательства в общественную жизнь от человека требуется ответственное поведение и решение собственных проблем. Современная логика коммуникации имеет тенденцию к «поверхностному скольжению», «поиску», что и отразилось на характере логической обработки запоминаемого материала.

Примечания

- 1 См.: *Леонтьев А. Н.* Проблемы развития психики. М., 1981. 584 с.
- 2 *Гаспаров Б. М.* Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996. 352 с.
- 3 *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. СПб., 2006. С. 311.
- 4 См.: *Коробов Е. Т.* Понимание как дидактическая проблема // Московский психологический журн. 2005. № 11 [Электронный ресурс]. URL: <http://magazine.mospsy.ru/nomer11/s10.html> (дата обращения: 10.03.2011).

- 5 См.: *Леонтьев А. Н.* Философия психологии. Из научного наследия. М., 1994. С. 207–208.
- 6 См.: *Доблаев Л. П.* К вопросу о семантических связях ближайших предложений текста // *Вопр. психологии.* 1982. № 3. С. 101–105.
- 7 *Розин В. М.* Что такое память // *Мир психологии.* 2001. № 1. С. 78–89.
- 8 См.: *Пантелеев А. Ф.* Особенности запоминания текстов с различной логико-психологической структурой : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1988. 28 с.
- 9 См.: *Лазунина Е. А.* Сравнительный анализ возрастных различий в запоминании и воспроизведении учебного текста // *Общество знаний XXI века / сб. ст. молодых ученых.* Саратов, 2010. С. 246–252.
- 10 См.: *Скаткин М. Н.* Природоведение / учеб. пособие для 3 класса. М., 1983. 238 с.
- 11 Хронотоп (от греч. слов *chronos* – время и *topos* – место; буквально – времяпространство) – существенная взаимосвязь временных и пространственных отношений (М. М. Бахтин). Впервые употребил этот термин в своих нейрофизиологических трудах А. А. Ухтомский, широкому его распространению в гуманитарных науках способствовал М. М. Бахтин.
- 12 См.: *Павлов К. А.* На подступах к понятию логики // *Вопр. философии.* 2001. № 8. С. 66–91.

УДК 316.6:159.922.2

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИЧНОСТИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ ПРОФЕССИЙ С ВЫСОКИМ И НИЗКИМ ЭМОЦИОНАЛЬНЫМ ВЫГОРАНИЕМ

И. В. Малышев

Педагогический институт Саратовского государственного университета
E-mail: iv.999@list.ru

В статье рассматривается проблема эмоционального выгорания представителей экстремальных профессий во взаимосвязи с их индивидуальными и социально-психологическими характеристиками личности. Анализируются результаты эмпирического исследования свойств личности испытуемых двух групп, служащих с высоким эмоциональным выгоранием и при его отсутствии.

Ключевые слова: свойства личности, эмоциональное выгорание, экстремальные условия.

Social-psychological and Individual Personality Characteristics of Representatives of Extreme Professions with High and Low Emotional Burnout

I. V. Malyshev

The article discusses the problem of emotional burnout of representatives of extreme professions as connected with their

individual and social-psychological personality characteristics. Two groups of employees (those who suffer from emotional burnout and those who do not experience it) have been tested, with the results of empirical investigation being analyzed.

Key words: personality characteristics, emotional burnout, extreme conditions.

Проблематика эмоционального выгорания неоднократно становилась предметом исследования многих ученых в области организационной, социальной, общей, педагогической психологии. Ряд работ посвящен анализу изучения синдрома выгорания зарубежными исследователями, причинам и последствиям выгорания, методам его психодиагностики и помощи специалистам при его возникновении (В. В. Бойко, В. Е. Орёл,

Т. В. Форманюк и др.)¹. Выявлены многочисленные факторы, влияющие на развитие синдрома, и определены дальнейшие перспективы исследования. Однако проблема выгорания продолжает оставаться актуальной и в наши дни. Нестабильность социальных условий предъявляет повышенные требования к личности, которой необходимо еще более, чем когда-либо, учитывать внешне обусловленные социальные требования, изменяться, быть готовой к предстоящим переменам и сохранять при этом внутренние установки и убеждения, то есть оставаться в относительно устойчивом равновесии, не потеряв своего «Я», приоритетов и прежнего опыта.

Наибольшую значимость в этом контексте приобретает изучение синдрома эмоционального выгорания личности профессионала, действующего в быстро меняющихся условиях социальной среды, под воздействием жестких требований. Данный подход предполагает, в первую очередь, деятельность, сопряженную для служащих с наличием большого числа экстремальных ситуаций, опасных для жизни, негативно влияющих на их психическое здоровье.

Возникновение интереса к феномену выгорания в психологии имеет длительную историю, хотя первые серьезные эмпирические исследования были проведены только в конце XX столетия. Важную роль в формулировке проблемы выгорания сыграло и изучение стрессоустойчивости человека. Так, в классических исследованиях Г. Селье, а позднее – Р. Розенмана, М. Фридмана и Р. Лазаруса было показано, что длительное воздействие стресса приводит к снижению общей психической устойчивости организма, появлению чувства неудовлетворенности результатами своей деятельности, тенденций к отказу от выполнения заданий в ситуациях повышенных требований, неудач и поражений².

При усилении роли личности в обществе, влияния на нее научно-технического прогресса на рубеже XX–XXI вв. исследование этих проблем стало более интенсивным, что нашло свое отражение во многих научных трудах того времени (Т. Кокс, Г. Кук, М. Лейтер, К. Маслач, В. Б. Шауфели). Как следует из их анализа известных работ, преддверием появления на свет феномена является социальная проблема, в рамках которой возникли описания признаков эмоционального выгорания³. Появление термина «выгорание» связано с именем американского психолога Х. Фрейденберга, который использовал его для описания постепенного эмоционального истощения, потери работоспособности и мотивации работников⁴. В то же время социальный психолог К. Маслач, изучая когнитивные стратегии людей, выявила, что многие специалисты (юристы), выступая в качестве испытуемых, называют данный феномен выгоранием⁵.

В отечественной и зарубежной психологии на сегодняшний день сложились определенные пред-

ставления о синдроме выгорания. На наш взгляд, интересны разные точки зрения на эту проблему, которые обогащают понимание феномена и открывают новые пути и аспекты его исследования. Так, по мнению М. Грабе, термин *burn out* (выгорать, перегорать, сгореть дотла) – это метафора, яркое описание вполне определенного состояния: «...выгорание наступает тогда, когда человек на протяжении длительного времени отдает слишком много энергии и практически не восполняет ее»⁶. На основании известных в психологии представлений о выгорании и его связи с социально-психологическими характеристиками личности нами предложено следующее определение: «...синдром эмоционального выгорания – это интегральная характеристика личности, проявляющаяся в виде комплекса негативных для ее жизнедеятельности симптомов и частично исключающая из взаимодействия с окружающими эмоциональной составляющей, возникает вследствие несоответствия ее социально-психологических и индивидуальных характеристик условиям среды в процессе профессиональной социализации. Симптоматика выгорания носит сложный характер, затрудняет адаптацию личности в экстремальных условиях и не позволяет ей развиваться полноценно»⁷.

Актуальность проблемы в первую очередь заключается в том, что жертвой выгорания может стать любой специалист или организация, выгорание опасно в начале развития и «выгорающий» сотрудник чаще всего не осознает его симптомов. Как справедливо отмечает Н. Е. Водопьянова, «выгорание заразно, подобно инфекционной болезни. Иногда можно встретить “выгорающие” отделы и даже целые организации»⁸. В свою очередь «синдром выгорания развивается как следствие комбинации организационных, профессиональных и личностных факторов»⁹.

Исследование эмоционального выгорания представителей экстремальных профессий в процессе их профессиональной социализации позволило нам предположить, что определенные личностные характеристики, особенности ценностной сферы, социальной адаптации существенным образом влияют на проявления синдрома, его формирование и соответствующий характер нарушений. Особенный интерес в свете сказанного вызывает социально-психологический аспект изучения синдрома эмоционального выгорания личности профессионала, чья деятельность связана с экстремальными ситуациями, а именно – типологическая характеристика свойств его личности.

Целью нашего исследования является изучение индивидуальных и социально-психологических характеристик личности представителей экстремальных профессий с признаками эмоционального выгорания и при его отсутствии. В качестве диагностических методов применялись: методика диагностики эмоционального выгорания

В. В. Бойко¹⁰, СМЛ (Собчик)¹¹, Сонди (метод портретных выборов)¹², методика Е. Б. Фанталовой «Уровень соотношения “Ценности” и “Доступности” в различных жизненных сферах»¹³. На основании средних результатов выделены две крайние группы и проведен типологический анализ результатов испытуемых с низким и высоким эмоциональным выгоранием. Для подтверждения значимости и достоверности различий использован t-критерий Стьюдента.

Выборку исследования составили сотрудники служб, реализующие свою профессиональную деятельность в экстремальных условиях, и будущие специалисты правоохранительных структур. Участвовало 270 человек в возрасте от 20 до 44 лет (120 милиционеров отдела вневедомственной охраны, 50 пожарных, 50 милиционеров из разных отделов УВД и 50 курсантов старшего курса юридического института МВД РФ). Все испытуемые служат (обучаются) в учреждениях города Саратова.

При изучении социально-психологических и индивидуальных характеристик личности сотрудников с признаками эмоционального выгорания, имеющих отношение к экстремальным условиям, обнаружено, что большинству испытуемых свойственны следующие характеристики: противоречивая мотивация, направленная на достижение успеха, и стремление к сохранению контактов и своего социального статуса; неустойчивая эмоциональная сфера, гибкость в построении отношений с людьми с тенденцией придавать большое значение своей социальной позиции. Кроме этого, умение легко вживаться в разные социальные роли, не всегда целенаправленная активность, сниженная выносливость к стрессу, стремление находить причины неудач в действиях других людей, черты демонстративности; при перенапряжении – функциональные нарушения, трудности профессиональной и социальной адаптации и т.д. (табл. 1). В целом отмечен неблагоприятный прогноз в виде невротического развития: усиление проявления акцентуированных черт характера, общее снижение адаптационных возможностей, дезадаптация, психосоматические нарушения.

Для служащих характерна потребность в признании своих лучших качеств окружающими людьми. Оптимальным условием профессиональной и социальной адаптации испытуемых является работа, дающая возможность широких контактов, эмоциональной вовлеченности, двигательной или общественной активности. Необходимо отсутствие жесткого режима, мер, направленных на ограничение и подавление личности, то есть занижающих самооценку. Активности обследуемых целесообразно придать нужное направление, в качестве рычага использовать тщеславие и личность, пользующуюся уважением, авторитетом, также необходимо сблизить личностные интересы с социально желательными целями.

Таблица 1

Профили личности в группах испытуемых с низким и высоким уровнем эмоционального выгорания

Шкалы	Группы испытуемых		
	Низкое выгорание, Т-баллы	Высокое выгорание, Т-баллы	t-критерий Стьюдента
Искренность (L)	42	46	-
Достоверность (F)	45	48	-
Коррекция (K)	38	56	-
Сверхконтроль	46	48	2,1
Пессимистичность	45	41	3
Эмоциональная лабильность	48	48	0,2
Импульсивность	51	51	0
Мужественность	41	39	0,1
Ригидность	43	39	2,1
Тревожность	42	46	2,4
Индивидуалистичность	41	44	2,4
Оптимистичность	57	60	1,3
Интроверсия	36	39	1,5

Как следует из результатов, личностные особенности испытуемых по некоторым параметрам не соответствуют предъявляемым им профессиональным требованиям, затрудняют или исключают возможность быстрой социальной и профессиональной адаптации, а значит, риск возникновения синдрома эмоционального выгорания здесь, несомненно, высокий. С учетом повышения внешних требований со стороны руководства, особенностей организации (условий работы) и коллектива (взаимоотношений) он будет только возрастать.

Для сотрудников с отсутствием синдрома выгорания характерно наличие стенических черт, снижение тревожности. Сотрудники, обладающие подобным профилем личности, более активны, уверены в себе, стрессо- и эмоционально устойчивы, настойчивы в достижении цели, менее внушаемы, тревожны, самокритичны. При возникновении конфликта они лучше осознают свою роль в нем, меньше всего перекладывают ответственность на других; стиль реагирования на стрессовую ситуацию более позитивный.

Типологический анализ результатов изучения свойств личности у испытуемых двух групп (см. табл. 1) с высоким эмоциональным выгоранием и при его отсутствии показывает статистически значимые различия по следующим шкалам: «Сверхконтроль», «Пессимистичность», «Ригидность», «Тревожность» и «Индивидуалистичность». Выявленные различия указывают на многие черты личности, которые способствуют возникновению синдрома и свойственны выгорающим служащим: внутреннее эмоциональное напряжение, социальная пассивность, сдержан-

вание активной самореализации, инертность в принятии решений, неудовлетворенность и пессимистическая оценка своих перспектив, трудности в отстаивании собственного мнения, тревожность, ограничительный стиль поведения, субъективизм суждений и оценок, эгоцентризм, психосоматические тенденции и т.д.

Полученные данные были подкреплены исследованием с помощью проективных методов (тест Сонди). В частности, анализ результатов исследования личностных особенностей «выгорающих» представителей экстремальных профессий показывает, что общими для них являются тенденция к накоплению напряженности ($h+s0$); невротические изменения личности с выраженным механизмом переноса ($k-p0$), в виде отторгивания собственных влечений ($k-p+$). Для большинства специалистов характерно проявление таких свойств личности, как пассивность, повышенное чувство вины, женственность, мазохистические тенденции ($h+!s-$), ($h0s-$), ($h+s+-$). Также у служащих в экстремальных условиях выявлены аффективно-лабильные проявления с трудностями при контакте с окружающими ($e0hy-$) в виде агрессивной разрядки ($e0hy0$) или с низким самоконтролем ($e-hy0$) и т.д. Обнаружено

присутствие фактора ($d-m+$!), отражающего психосоматические нарушения.

Из приведенного анализа следует, что практически все отмеченные факторы теста Сонди предполагают неблагоприятные для личности изменения, снижающие ее адаптационный потенциал в социальных отношениях, деятельности, нарушающие взаимодействие с окружающими в сложных экстремальных ситуациях. В конечном итоге это приводит к возникновению симптомов выгорания или других нарушений.

Для сотрудников с отсутствием синдрома выгорания характерны: нормальное состояние в отношении любви, сексуальной жизни ($h+s+$), готовность к самопожертвованию ($h+s-$), добродушие, совестливость, высокая моральность ($e+hy-$), демонстрация «авелевых» тенденций ($e+hy+-!$). Личность данных специалистов преимущественно социально адаптированная, с развитым самоконтролем ($k-p-$), это сверхответственно относящиеся к работе служащие, не способные бросить свою профессиональную деятельность ни при каких обстоятельствах ($k+-!p+$), ($k+-p+$). Также среди характеристик личности отмечаются преданность как черта характера, приверженность однажды взятой на вооружение

Таблица 2

Показатели ценностной сферы в группах испытуемых с низким и высоким уровнем эмоционального выгорания

Ценности	Группы испытуемых по уровню выгорания				<i>t</i> -критерий Стьюдента	
	Низкий		Высокий			
	Ценности					
	Привлекательные	Доступные	Привлекательные	Доступные	Привлекательные	Доступные
Активная, деятельная жизнь	4,3	5,6	3,2	7	2,1	2,4
Здоровье	8,6	6,5	9,2	3,4	1,3	4,1
Интересная работа	4,8	3,9	5	4,6	0,4	1
Красота природы и искусства	2,7	4,1	1,6	5,8	2,5	2,6
Любовь	6,8	7	7,3	5,3	0,7	2,3
Материально обеспеченная жизнь	6,2	3,3	6,2	2,8	0,06	0,6
Наличие хороших и верных друзей	8,2	7,8	6,8	6,5	2,5	1,7
Уверенность в себе	5,3	7,1	6	7,1	1,4	0
Познание	4,3	6,1	4,5	7,3	0,05	1,9
Свобода как независимость	4,3	4,8	4,1	6,6	0,3	2,4
Счастливая семейная жизнь	8,9	6,4	9,7	3,6	2,5	3,6
Творчество	1,4	2,6	1,8	5,1	0,7	3,3

идеи, гуманистическая направленность (d-m+), при этом нет нужды в поисках нового объекта привязанности, так как есть доброжелательность и приятие со стороны прежнего объекта взаимоотношений (d0m+).

Из результатов типологического анализа изучения ценностной сферы (табл. 2) следует, что наибольшую актуальность для личности специалистов с высоким уровнем выгорания имеют ценности «счастливая семейная жизнь» и «здоровье», которые свидетельствуют о возникающих проблемах в связи с нарастающим синдромом. Такие ценности, как «наличие хороших и верных друзей», «красота природы и искусства», «творчество», которые компенсируют, снижают негативное воздействие выгорания, имеют наименьшую значимость у выгорающих специалистов. В свою очередь, данные ценности имеют среднюю значимость или актуальны для сотрудников с низкими характеристиками выгорания.

Развитие синдрома эмоционального выгорания во многом связано с комплексом социально-психологических и индивидуальных особенностей личности, которые отражаются в ее низкой стрессоустойчивости, снижении адаптационных возможностей при психоэмоциональных нагрузках, в трудностях социальной и профессиональной адаптации. Личностные особенности сотрудников с признаками выгорания, служащих в экстремальных условиях, имеют различия по сравнению с теми, у кого этого синдрома нет: выявлены черты личности (социальная пассивность, сдерживание активной самореализации, инертность в принятии решений, неудовлетворенность и пессимистическая оценка своих перспектив, эгоцентризм и т.д.), которые способствуют возникновению синдрома. В характеристиках личности специалистов с признаками эмоционального выгорания отмечены неумение быстро включаться в социальную среду и деятельность, неспособность решать конфликты конструктивным образом и др.

Ценностные ориентации «выгорающих» служащих имеют отличия по сравнению с ценностями сотрудников без признаков выгорания. Так, наибольшую актуальность для личности с высоким уровнем выгорания имеют ценности «счастливая семейная жизнь» и «здоровье», а такие как «красота природы и искусства», «творчество», которые компенсируют, снижают негативное воздействие выгорания, имеют у выгорающих наименьшую значимость.

Среди общих тенденций выявлено, что социально-психологические факторы являются одними из ведущих при формировании синдрома эмоционального выгорания и важную роль в этом сложном процессе играет положение некоторых ценностей в иерархии ценностно-мотивационной сферы личности.

Примечания

- 1 См.: *Бойко В. В.* Энергия эмоций. СПб., 2004. 474 с.; *Орёл В. Е.* Синдром психического выгорания личности. М., 2005. 330 с.; *Форманюк Т. В.* Синдром «Эмоционального сгорания» как показатель профессиональной дезадаптации учителя // *Вопр. психологии.* 1994. № 6. С. 57–73.
- 2 См.: *Ронгинская Т. И.* Синдром выгорания в социальных профессиях // *Психол. журнал.* 2002. Т. 23, № 3. С. 85–95.
- 3 См.: *Cox T., Kuk G. & Leiter M. P.* Burnout, health, work stress and organizational healthiness // *Professional burnout: recent developments in the theory and research / eds. W.B. Schaufeli, Cr. Maslach, T. Marek. Washington, 1993. P. 177–193; Maslach C., Schaufeli W. B.* Historical and conceptual development of burnout // *Professional burnout: Recent developments in the theory and research / ds. W. B. Schaufeli, Cr. Maslach, T. Marek. Washington, 1993. P. 1–16.*
- 4 См.: *Freudenberger H. J.* Staff burn-out // *J. of Social Issues.* 1974. Vol. 30. P. 159–165.
- 5 См.: *Maslach C.* Burned-out // *Human Behavior.* 1976. Vol. 5(9). P. 16–22.
- 6 *Грабе М.* Синдром выгорания – болезнь нашего времени / пер. с нем. СПб., 2008. С. 6.
- 7 *Малышев И. В.* Взаимосвязь синдрома эмоционального выгорания и социально-психологических характеристик личности в экстремальных условиях профессиональной социализации: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Саратов, 2009. С. 23.
- 8 *Водопьянова Н. Е., Старченкова Е. С.* Синдром выгорания: диагностика и профилактика. СПб., 2008. С. 48.
- 9 Там же. С. 47.
- 10 См.: *Райгородский Д. Я.* Практическая психодиагностика: методики и тесты. Самара, 1998. 72 с.
- 11 См.: *Собчик Л. Н.* Стандартизированный многофакторный метод исследования личности: методическое руководство. М., 1990. 72 с.
- 12 См.: *Собчик Л. Н.* Метод портретных выборов: практическое руководство. М., 1993. 133 с.
- 13 См.: *Фанталова Е. Б.* Методика «Уровень соотношения “ценности” и “доступности” в различных жизненных сферах» // *Журн. практического психолога.* 1996. № 2. С. 32–37.

УДК 159.923:316.66

АКТЫ САМОПОВРЕЖДЕНИЯ В РИТУАЛЬНЫХ ПРАКТИКАХ

Н. А. Польская

Педагогический институт Саратовского государственного университета
E-mail: polskayana@yandex.ru

В статье обсуждаются мотивы и функции актов самоповреждения на примере ритуальных практик примитивных племен, религиозных ритуалов и современных практик модификации тела.

Ключевые слова: самоповреждение, ритуал, модификации тела, мотив.

Self-injurious Acts in Ritual Practices

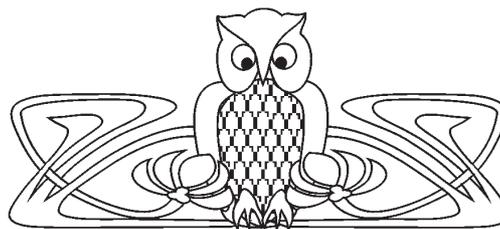
N. A. Polskaya

The article discusses the motives and functions of self-injurious acts in ritual practices of primitive tribes, religious rituals and modern practices of body modification.

Key words: self-injury, ritual, body modification, motive.

Акты самоповреждения в ритуальных практиках выполняют ряд функций психологического, социального, религиозного характера. Эти функции управляются мотивами, связанными с физическими, духовно-нравственными и социальными трансформациями индивида. Характер самоповреждений определяется содержанием и направленностью той ритуальной практики, в которую эти акты самоповреждения включены. Наиболее часто действия самоповреждающего характера используются в обрядах перехода, к которым можно отнести «посвящение по достижению половой зрелости, переход от одной возрастной категории в другую (от детства или юношества к зрелости)», обряды, которые «совершаются при рождении, бракосочетании, смерти»¹. В обрядах перехода закрепляется факт необратимости трансформации индивида (физической, биологической, социальной). Следует отметить, что однотипные самоповреждения могут быть наделены разным символическим смыслом. Так, отрезание фаланг пальцев у одних племен включено в обряды оплакивания умерших членов семьи, тогда как у других является признаком замужней женщины². В Полинезии палец может стать жертвой в знак исцеления заболевшего члена семьи.

В ритуалах инициации, знаменующих переход из детства во взрослый мир, акты самоповреждения символизируют отказ подростка от автономности ребенка, помогают установить контроль над новыми взрослыми членами племени и сохранить социальный порядок. Из этнографических источников мы получаем сведения о подобных ритуалах, в которых физическое насилие

сочетается с действиями самоповреждающего характера. Так, обряды инициации подростков на островах Меланезии, символизирующие смерть и перерождение инициантов, сопровождаются физическими мучениями, кровопусканием и завершаются ритуальным «убиением»³.

В разных культурах акты самоповреждения включены в ритуал оплакивания и горевания об умерших. У многих кочевых народов Азии существовал обычай нанесения ран на лице в знак публичного выражения траура по усопшему⁴. Подобные саморанения отмечаются исследователями и у славянских, и у кавказских народов. Так, горевание об умерших в древнеславянских племенах (IX в.) сопровождалось у женщин самоповреждением ножом рук и лица⁵, а осетинки били себя по лицу, расцарапывая его до крови⁶.

Известен азиатский обычай членовредительства вдов, первое сообщение о котором относят к I в. до н. э., когда вдова отрезала себе нос, чтобы воспрепятствовать повторному замужеству. В Китае случаи подобного членовредительства описаны в изданных в VII в. «Биографиях добродетельных жен». Столь радикальные действия вдов определялись не только фактом смерти мужа, но и социальными последствиями этой смерти, а именно утратой прежнего социального статуса и угрозой насильственного повторного замужества. Исторически зафиксировано, что императрица Шулюй, жена создателя государства киданей Абаоцзи, избежала самоубийства и утвердила свой авторитет путем прямого членовредительства. Потеряв супруга, она несколько раз хотела лишиться себя жизни, чтобы последовать за ним в могилу. Но ее сыновья так горько плакали, что она отрубила себе только кисть правой руки и положила ее в гроб мужа. После этого императрицу прозвали «вдовствующая императрица с отрубленной кистью»⁷.

«Исцеляющее» самоповреждение, связанное с избавлением от болезней или их предотвращением, широко распространено в разных культурах. Мужчины одного племени Папуа – Новой Гвинеи с помощью самоповреждения носовой перегородки иницируют носовые кровотечения, которые, согласно традициям данного племени, играют точно такую же роль, как менструация у женщин, функция которой – освобождение от «дурной», болезнетворной крови. По тем же причинам мужчи-

ны другого племени повреждают язык с помощью грубых листьев с целью вызвать кровотечение⁸. Члены религиозного братства хамадша в ходе религиозных ритуалов рассекают себе голову, так как считается, что их кровь обладает целительной силой: больные люди окунают кусочки хлеба или сахара в кровь и съедают их.

Самоповреждение религиозного характера инициировано стремлением к духовно-нравственной трансформации и включено в различные религиозные ритуалы. В индуизме известен ритуал тайпусам (Thaipusam), в котором участники в знак поклонения богине Тайпусам повреждают собственное тело, используя для этого ножи, иглы, крючья и пики. Исполнение ритуала начинается с того, что жрецы и рядовые участники вонзают в свои тела крючья, а затем везут прицепленную за эти крючья колесницу с установленной на ней фигурой богини. Акт самоповреждения приобретает здесь особый смысл благодарения за уже имеющийся достаток и молитвы о желаемом физическом, духовном или материальном благополучии. Участники ритуала, пребывающие длительное время в экстатическом состоянии, не чувствуют боли или каких-либо отрицательных эмоций.

Североамериканские шаманы прибегают к актам самоповреждения в период обретения духов-хранителей и духов-помощников. Уединяясь и предаваясь суровому самоистязанию, неопит ожидает духов, которые являются ему в теле животных. Смысл самоистязания заключается в подготовке тела для «съедения» явившимися животными. М. Элиаде приводит следующее описание ритуала посвящения в шаманы: «Во время праздника посвящения арауканского шамана мастера и неопиты ходят босыми стопами по огню и не обжигаются, а их наряды не загораются. Видели также, как они вырывают себе нос и глаза. Посвящающий втолковывал простым смертным, что он вырвал себе язык и глаза, чтобы обменять их на язык и глаза посвящаемого»⁹.

К. Меннингер подробно описывает самоповреждения, осуществляемые в рамках религиозных ритуалов. В качестве примера самоповреждения в среде радикально мыслящих христиан Меннингер приводит историю Оригена, который, «желая целиком посвятить свою жизнь ревностному служению Богу и быть свободным от искушения при наставлении женщин, оскотил себя»¹⁰.

Оскопление, или самокастрация, было свойственно адептам различных религиозных культов начиная с древнегреческих мистерий. Религиозный смысл самокастрации связывался с идеями искушения, жертвоприношения, покаяния. Секта скопцов, действовавшая в России с 1772 г., проповедовала идею искушения первородного греха через самокастрацию, что символизировало избавление от «соблазняющих» органов. «Оскопление есть огненное крещение, убеление, принятие чистоты; оно – Божие знамя, с которым скопцы

пойдут на суд. Только при оскотлении можно предохранить себя от “лепости” и достигнуть полной чистоты»¹¹.

В старообрядческой церкви исторически зафиксированы факты самосожжения, самозакапывания, самоутопления, самоморения, самозаклания, самозамерзания. В секте хлыстов самоизбиение, заключающееся в ударах плетью по собственному телу во время «радений», сопровождалось экстатическими эмоциями, сексуальным возбуждением и заканчивалось «свальным грехом».

В секте флагеллантов (дословно – «бичующихся»), возникшей в Италии в начале XIII в., активно использовались такие практики самоповреждения, как самобичевание и «крещение кровью». Согласно историческим источникам, в 1249 г. большая часть населения Перузы под влиянием проповедей флагеллантов была охвачена манией покаяния. Кающиеся представляли собой большие процессии босых полураздетых людей, бичующих себя плетью¹².

Мотив посвящения определяет, по мнению Меннингера и А. Фаваззы, самоповреждения как религиозного, так и социокультурного характера. Участие в церемониях посвящения для многих первобытных культур или радикальных религиозных сообществ является важным этапом в достижении нового, более высокого, по сравнению с прежним, социального статуса. Членовредительство осуществляется как по типу самоповреждения, так и с привлечением других лиц, однако при добровольном согласии и желании неопита. Психологические функции инициационного членовредительства основаны на идее искупительной жертвы и связаны с подавлением сексуальных и агрессивных импульсов, а также с изменением социального статуса и роли неопита.

Но следует указать и другой важный мотив, определяющий акт самоповреждения, – это мотив украшения, декорирования своего тела. Как отмечает А. Фавазза, поддерживаемая в современной культуре специфическая мода на различные способы модификаций тела (body modification), в частности татуирование и «пускание» крови, связана с практиками «современного примитивизма». Изменение своего внешнего облика через искусственное изменение поверхности тела рассматривается современными исследователями и как скрытая форма самоповреждения¹³, и как особая практика ухода за «поверхностью тела»¹⁴, способ его украшения.

Несмотря на близость современных и первобытных практик самоповреждения, между ними существует принципиальная разница, обусловленная как мотивацией, так и целями самоповреждения. В современной культуре на первое место выходит эмоциональная и личностная обусловленность акта самоповреждения, тогда как в примитивных племенах он санкционирован не отдельно взятой личностью, а культурной тради-

цией. По сути, речь идет о двух разных функциях самоповреждающего поведения – социальной регуляции и психологической саморегуляции. Л. Кларк (L. Clarke) и М. Виттакер (M. Whittaker) замечают, что в западной культуре «самоповреждающее поведение в большей степени терпимо, чем принято, и часто рассматривается и как способ самовыражения, и как ритуал, дающий молодежи чувство принадлежности к группе ровесников»¹⁵. Модификации тела выступают в качестве свойственного молодежи способа самовыражения, помогающего молодым людям в определении собственной идентичности и позволяющего ощущать контроль над своей жизнью.

Существует точка зрения, согласно которой модификации тела выступают как практические приемы и способы преодоления границ тела, трансцендирования, нацеленные на раскрытие новых измерений духовности. Модификации тела позиционируются как некий утонченный способ личностного роста для избранных. Это мнение достаточно распространено в среде художников-экстремалов, практикующих различные способы самоповреждения в проектах по модификации собственного тела с использованием высокотехнологических приемов.

С. Джеффрис (S. Jeffreys) выступает с критикой подобных воззрений, подчеркивая, что по своей сути модификации тела представляют собой самоповреждение, нередко практикуемое в маргинальных слоях общества (прежде всего среди гомосексуалистов, инвалидов, жертв насилия). Использование новых определений («декорирование тела», «боди-арт») и новых объяснительных принципов в духе постмодернизма («переписывание» истории тела, «трансгрессирование» за пределы границ тела) никоим образом не меняет факта отчужденности группы маргиналов, для которых самоповреждение является реальной, повседневной и интенсивно реализуемой практикой решения жизненных проблем¹⁶. Модификации тела являются специфическим способом коммуникации, особым языком, который существует в строго ограниченном пространстве конкретной субкультуры.

В этом же русле рассуждает и В. Питс (V. Pitts), отмечая, что разговоры о культурной политике модификаций человеческого тела были инициированы целым рядом современных субкультур, ассимилировавших ритуалы и эстетические каноны коренных народов Африки, Индии, Америки и Полинезии. В эту группу исследовательница включает техно-кожано-латексную субкультуру садомазохизма и фетишизма, представителей перформанса, панков, сексуально ориентированных феминисток, спиритуалистов Новой Эпохи, любителей западных татуировок и просто психически больных¹⁷.

В формулировке идеи радикальных манипуляций с собственным телом, изложенной Ф. Мусафаром, основателем и ярким представи-

телем движения современного примитивизма, можно выделить два принципиальных момента, раскрывающих суть подобных самоповреждений. Во-первых, это физическая, телесная самоидентификация индивида: «...неважно, коренные ли мы американцы, возвращающиеся на свои пути, или городские аборигены, отвечающие некоему внутреннему универсальному архетипу, ясно одно: мы ниспровергли основы западной культуры относительно собственности и использования тела». Во-вторых, подчеркивается независимость индивида от доминирующей культуры и любых социальных институтов: «...наше тело принадлежит нам, не отцу, матери или супругу; или государству или его монарху, правителю или диктатору; или общественным институтам военных, образовательных, воспитательных, исправительных или медицинских учреждений»¹⁸. В этих словах раскрывается психологический смысл самоповреждающих манипуляций: тело принадлежит мне, я воздействую на него, я волен менять его, как решу сам, через боль я приручаю свое тело и таким образом овладеваю им и, оставляя на нем искусственные знаки, делаю его уникальным и только своим собственным. Лишь таким образом становится возможным обретение психологической идентичности, поддерживающей равновесие (или иллюзию равновесия) с самим собой и обществом. Хотя очевидным парадоксом выглядит то, что стремление обрести некую законченную и глубоко индивидуальную идентичность (когда автономия достигается путем физической трансформации внешнего облика) сопровождается отчуждением от своего тела, которое превращается в объект манипуляций, подручный материал, используемый для создания формы. Создание себя оборачивается мучительной маскировкой, грозящей утратой глубинной содержательности собственного «Я», путь идентификации оказывается путем самоотчуждения. «Переписывание истории» оборачивается подделкой, копией (в духе Делёза и Бодрийера), неким симулякром, который подменяет реальное тело и реальную личность.

Итак, культурно-исторические корни самоповреждения имеют прямую связь с ритуальными практиками примитивных обществ и религиозными убеждениями. Ритуалы с включенными в них актами самоповреждения регламентируют не только социальную и культурную, но и физиологическую, психологическую и духовную жизнь индивида. Самоповреждение в ритуальных практиках управляется мотивами изменения социального статуса, искупления и покаяния, исцеления и благодарения, украшения и изменения границ тела, мотивами его персонализации. Важным мотивом являются социализация сексуальности, ее «легализация» и определение границ дозволенного.

Приведенные выше примеры иллюстрируют тот факт, что модификации и трансформации тела позволяют достичь конкретных социальных

целей – например, перейти в другую социальную группу и быть ею принятым, снять запрет на сексуальные чувства и проявление сексуальности, определить или изменить идентичность. Этот широкий диапазон культурных практик самоповреждения, включенных в различные ритуальные программы, вынуждает нас задать вопрос относительно того, не являются ли социальные мотивы самоповреждения определяющими в формировании модели самоповреждающего поведения. Или все же именно сочетание психологических черт и характеристик индивида определяет его готовность к участию в ритуальных действиях самоповреждающего характера? Эту проблему мы обсудим в наших следующих работах.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 10-06-00511а).

Примечания

- ¹ Элиаде М. Священное и мирское. М., 1994. С. 115.
- ² См.: Favazza A. R. Bodies under siege: Self-mutilation in Culture and Psychiatry. Second Edition. Baltimore ; L., 1996. P. 133, 135.
- ³ См.: Бутинов Н. А. Общинное, семейное и клановое родство (по материалам Меланезии) // Проблемы этнографии и истории культуры народов Азиатско-Тихоокеанского региона. СПб., 2004, С. 76.
- ⁴ См.: Головачёв В. Ц. Самоубийство как родовой обычай и сакральный ритуал в традиционном Китае. [Электронный ресурс]. URL: <http://abirus.ru/content/564/623/625/644/649/848.html#11> (дата обращения: 20.06.2011).
- ⁵ См.: Кузьмин А. Г. Откуда есть пошла русская земля. М., 1986. Т. 2. С. 565–566.
- ⁶ См.: Емельянова Н. М. Мусульмане Осетии на перекрестке цивилизаций. М., 2003. С. 43.
- ⁷ См.: Головачёв В. Ц. Указ. соч.
- ⁸ См.: Favazza A. R. Op. cit. P. 120, 121.
- ⁹ Элиаде М. Шаманизм: Архаические техники экстаза. Киев, 2000. С. 35.
- ¹⁰ Меннингер К. Война с самим собой / пер. с англ. Ю. Бондарева. М., 2000. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fide-rfstrara/psihologa/suicide/menninger.html> (дата обращения: 20.06.2011).
- ¹¹ Булгаков С. В. Православие. Расколы. Ереси. Секты. Противные христианству и православию учения. Западные христианские вероисповедания. Соборы Западной Церкви. М., 1994. [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.eparhia-saratov.ru/books/026/bulgakov/handbook/contents.html> (дата обращения: 20.06.2011).
- ¹² См.: Медникова М. Б. Неизгладимые знаки: татуировка как исторический источник. М., 2007. С. 191.
- ¹³ См.: Jeffreys S. Body Art and Social Status: Cutting, Tattooing and Piercing from a Feminist Perspective // Feminism and Psychology. 2000. Vol. 10, iss. 4. P. 409–430.
- ¹⁴ Gardner A. R., Gardner A. J. Self-mutilation, obsessiveness and narcissism // British. J. Psychiatry. 1975. Vol. 127. P. 127–132.
- ¹⁵ Clarke L., Whittaker M. Self-mutilation : culture, contexts and nursing responses // J. of Clinical Nursing. 1998. Vol. 7. P. 129–137.
- ¹⁶ Jeffreys S. Op.cit.
- ¹⁷ См.: Pitts V. The Flesh : The Cultural Politics of Body Modification. Basingstoke, 2003. 239 p.
- ¹⁸ Медникова М. Б. Неизгладимые знаки : татуировка как исторический источник. М., 2007. С. 187.

УДК 316.614

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ И ОТНОШЕНИЙ В РАЗЛИЧНЫХ УСЛОВИЯХ ПЕРВИЧНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ

А. Е. Сотников

Саратовский государственный университет
E-mail: Alexey176@yandex.ru

В статье представлены результаты эмпирических исследований специфики отношения к закону и государству в разных условиях профессиональной социализации. Автором выявлены стойкие и значимые отличия в восприятии студентами государства и закона, что является следствием разных условий первичной профессиональной социализации.

Ключевые слова: первичная профессиональная социализация, отношение личности, социальные представления, отношение юристов, личность.

Features of Social Representations and Attitudes in Various Conditions of Professional Socialization

A. E. Sotnikov

The article covers the results of empirical research specific character of attitudes to law, and state in different conditions of professional socialization. The author has revealed stable and significant differences in students' perception of law and state that results

from different conditions of primary professional socialization.

Key words: primary professional socialization, attitudes of person, social representations, attitude of lawyers, person.

Бесспорно, первичная профессиональная социализация студентов вузов оказывает свое влияние на мировоззрение будущих специалистов, тем самым детерминируя их отношение к разным аспектам жизни. Интересен тот факт, что студенты, обучающиеся по юридической специальности, воспринимают окружающую действительность через призму полученных юридических знаний, что, в свою очередь, трансформирует отношение личности в направлении некоего прагматизма, что не характерно, например, для студентов, обучающихся по педагогическим и психологическим специальностям. Актуальность исследований в этой области обусловливается необходимостью тщательного изучения и систематизации факторов, влияющих на образование специфического представления о праве и государстве. В современной социальной психологии все отчетливее проводится мысль о необходимости изучения особенностей становления личности на всех основных этапах ее онтогенеза, что неизбежно влечет за собой необходимость обращения к категории «социализация».

Социализация, в том числе и профессиональная, может рассматриваться, с одной стороны, как процесс усвоения индивидуумом внешнего социального опыта, обеспечивающего его интеграцию в общество и выбранную профессию. С другой стороны, это процесс внутреннего социального развития человека, его индивидуальности¹. В ходе социализации человек не просто обретает качества, нужные ему для самореализации и профессии, но и формируется как личность с ее отношениями и представлениями. Особый интерес представляет выявление специфики влияния процесса социализации на отношения, проявляющиеся в юношеском возрасте, когда идет становление целостной Я-концепции личности, ее мировоззрения, гражданской и профессиональной позиции².

До последнего времени в науке не было четких попыток более глубоко проследить, как первичная профессиональная социализация влияет на формирование и трансформирует уже сложившееся отношение студентов к закону, государству и т.д. Безусловно, имеются исследования многих отечественных ученых относительно отношения вообще, а также достаточно хорошо изучена проблема социализации, в том числе и профессиональной. С. Л. Рубинштейн писал: «Отношение к другому человеку, к людям составляет основную ткань человеческой жизни, ее сердцевину»³. «Сердце человека соткано из его человеческих отношений к другим людям, то, чего оно стоит, целиком определяется тем, к каким человеческим отношениям человек стремится,

какие отношения к людям, к другому человеку он способен устанавливать. Психологический анализ человеческой жизни, направленный на раскрытие отношений к другим людям, составляет ядро подлинно жизненной психологии»⁴.

Самоотношение выражается в приятии или неприятии себя как целого, в уровне самоутверждения и чувстве собственного достоинства, определяет в значительной степени характер взаимоотношений и взаимодействия, способность к установлению близких доверительных отношений с людьми. Проблема отношений занимает в психологии большое место: в отечественной психологии она в значительной степени получила развитие в трудах В. Н. Мясищева. Фиксация отношений означает реализацию более общего методологического принципа – изучения объектов природы в их связи с окружающей средой. Для человека эта связь становится отношением, поскольку он представлен в ней как субъект, как деятель, и, следовательно, в его связи с миром роли объектов, по словам Н. В. Мясищева, строго распределены. Ученый ввел понятие «психологическое отношение» и определил его как «целостную систему индивидуальных, избирательных, сознательных связей личности с различными сторонами объективной действительности, как систему, которая складывается в ходе истории развития человека, выражает его личный опыт, определяет действия и переживания»⁵. Ученый отмечал, что столкновение наиболее значимых для личности отношений, сформировавшихся в индивидуальном опыте общения, приводит к невротическому конфликту. В дальнейшем психологию отношений человека В. Н. Мясищев разрабатывал не только в теории, но в большей мере в практической работе, в психотерапевтическом общении врача с больным.

Эти идеи были развиты позже Б. Г. Ананьевым, ставшим впоследствии одним из общепризнанных лидеров советской психологии. Если у В. Н. Мясищева различные отношения человека – к обществу в целом, природе, другим людям, к самому себе – были как бы рядоположены, то Ананьев показал, что существует определенная последовательность в их переходе в свойства характера. Так, отношение к людям превращается в устойчивые образования характера (коммуникативные черты) в первую очередь. Затем из отношения к другим у человека формируются так называемые рефлексивные черты характера – Я как целая система сознательных отношений к самому себе⁶.

Целью данного исследования является выявление особенностей формирования представлений о государстве, законе, а также выявление отношения к ним в различных условиях первичной профессиональной социализации. В качестве *методического инструментария* мы выбрали для определения мотивационной структуры личности

«Морфологический тест жизненных ценностей» (В. Ф. Сопов, Л. В. Карпушина), для выяснения степени удовлетворенности различными сторонами жизни использовалась методика Л. И. Вассермана «Уровень социальной фрустрированности», для выявления интересующих нас отношений была разработана анкета. Выборку составили две группы – студенты-юристы и студенты-психологи, общий объем выборки – 105 человек. Для выявления связей между различными параметрами использовался метод корреляционного анализа по Пирсону, выявление значимости различий осуществлялось с помощью *t*-критерия Стьюдента.

При анализе данных, отражающих представление о России как неправом государстве, становится возможным сделать вывод, что большинством студентов-юристов оно воспринимается как такое, в котором деньги превыше закона и морали. Так, 74% студентов-юристов убеждены, что деньги способны решить любые проблемы; 18% выразили определенное сомнение по этому поводу и только 5% опрошенных считают, что это не так. Студенты-психологи в своей основной массе придерживаются примерно тех же позиций (84% считают, что наше государство чрезмерно коррумпировано, 11% отчасти сомневаются в этом и только 4% категорично это отрицают). Наблюдается тенденция: юристы менее склонны поддаваться всеобщему мнению о массовой коррумпированности государства.

Дальнейший анализ касался отношения студентов-юристов к закону: значительная их часть (47%) считает, что следовать закону нужно только в тех случаях, когда он не противоречит собственным убеждениям или в сложившейся ситуации невозможно поступить иначе. Другими словами, уже на этапе первичной профессиональной социализации студенты-юристы готовы пренебречь законом, если он противоречит их убеждениям. Кроме того, 25% этих студентов считают возможным не следовать закону, если он не справедлив. Не лишне заметить, что представление о справедливости может меняться в зависимости от степени социализации индивида. Другими словами, факторы воспитания, подражание авторитетам, примирение социальных ролей могут в известной степени серьезно трансформировать само представление о справедливости. В таком случае пренебрежение законом в пользу определенного представления о справедливости будет, с точки зрения юристов, более социально оправданным, нежели исполнение самого закона. Таким образом, среди будущих юристов можно наблюдать тенденцию формирования правового нигилизма.

Анализируя отношение к закону студентов-психологов, можно заметить, что половина испытуемых готова не исполнять закон, в случае если он, по их мнению, несправедлив, и четверть готова ему следовать, если он не противоречит их собственным убеждениям. Сопоставляя мнения

юристов и психологов, мы видим, что практически одинаковое количество испытуемых из разных выборок (47 и 48%) готово пренебречь законом, только юристы следуя собственным убеждениям, а психологи – добиваясь справедливости. Одновременно с этим можно предположить, что будущие юристы понимают опасность такого отношения к закону, на что указывает связь между этим отношением и представлением о России как неправом государстве ($r = 0,316$; $p < 0,05$). Понятно, что они осознают негативный характер понятия «неправом государство», противоречащий конституционным принципам строения. Такой парадокс детерминирован, скорее всего, диссонансом между формальными конституционными нормами, в которых закреплено положение о государстве как о правовом, и социальными представлениями, бытующими в обществе. У психологов такая связь отсутствует, но имеется зависимость между отношением к государству как неправому и отношением к закону, который нужно исполнять только в том случае, если он справедлив ($r = 0,316$; $p < 0,05$). Это также говорит о достаточно четком представлении о государстве как неправом.

Продолжая анализировать представления студентов-юристов о России как неправом государстве, можно рассмотреть его связь с представлением о том, что главное в юридической профессии – это помощь людям ($r = 0,402$; $p < 0,01$). Видимо, чем больше студенты убеждены в том, что Россия находится вне правового поля, тем сильнее представление о том, что помощь людям в отстаивании их нарушенных неадекватной политикой государства прав и интересов – первостепенная прерогатива именно юристов. Несомненно, получая юридическое образование, студенты уже к 4-му курсу осознают некую способность пресекать неправомерное поведение субъектов правоотношений как по отношению к себе, так и к другим.

Чтобы глубже понять структуру социальных представлений студентов-юристов о государстве, рассмотрим взаимосвязь представления о себе как об ответственных людях и коррумпированности государства. Так, ответственность, выступающая категорией самоотношения, связана с представлением о том, что в стране деньги не всегда решают любые вопросы ($r = 0,273$); наряду с этим существует обратная связь между категорией ответственности, которую 75% опрошенных студентов-юристов приписывают себе, и представлением о том, что деньги могут решить исход любого дела ($r = -0,257$). Можно констатировать, что, несмотря на общую проблему коррупции в стране, студенты-юристы в основной своей массе на этапе первичной профессиональной социализации менее склонны поддаваться общему мнению о том, «что, имея деньги можно решить любой вопрос», в том числе и избежать любых

видов ответственности. У психологов есть связь между ответственностью и убежденностью в том, что деньги могут избавить от любых проблем ($r = 0,396$). Другими словами, чем больше студенты характеризуют себя как безответственных, тем более преобладает мнение о том, что, располагая финансовыми ресурсами, можно решить проблемы, в том числе, связанные с исполнением закона.

Обратимся к результатам корреляционного анализа: у студентов-юристов выявлена связь между отношением к Российскому государству как к коррумпированному и негативным отношением к богатым людям ($r = 0,369$; $p < 0,01$). Возможно, происхождение такой корреляции связано в первую очередь с представлением о двойных стандартах применения норм права в отношении людей, обладающих большими финансовыми возможностями. Естественно, в связи с этим студенты-юристы считают, что все проблемы можно уладить с помощью денег порой вопреки сложившимся моральным ценностям, и вместе с тем выражают свое негативное отношение к тем, кто имеет эти деньги, приписывая им изначально негативные качества как потенциальным нарушителям морали или закона. Психологи же, видя коррумпированность государства, винят во всем сотрудников правоохранительных органов, в частности сотрудников прокуратуры. Этот вывод сделан исходя из отрицательной корреляционной связи между представлением о государстве, в котором деньги решают все, и представлением о том, что для прокурорских работников наиболее важным качеством является честность ($r = -0,327$; $p < 0,05$), то есть чем более коррумпировано государство, тем менее честны сотрудники прокуратуры. По мнению психологов, если коррумпировано государство, то и сотрудники прокуратуры коррумпированы.

Некоторые студенты-юристы убеждены в том, что только в неправовом государстве представители власти пользуются привилегиями. В частности, была обнаружена связь между отношением к государству как к неправовому и представлением о власти, обладатели которой злоупотребляют привилегиями ($r = 0,322$; $p < 0,05$). Можно предположить, что отношение к государству как к неправовому детерминировано прежде всего привилегиями, которыми обладают представители власти. Студенты, обучающиеся юриспруденции, порой в большей степени чувствительны к явлениям попрания закона, что обусловлено полученными ими правовыми знаниями.

Весьма интересно представление, возникающее у респондентов обеих выборок, относительно категории «власть». Так, некоторое количество студентов-юристов (23%) ассоциирует власть с управлением, у 18% респондентов власть ассоциируется с беззаконием и вседозволенностью, у 13% – с чиновниками. Значительное число студентов-психологов (35,5%) ассоциирует власть с беззаконием и вседозволенностью.

Как мы видим, доминирующее представление, касающееся власти, отличается в зависимости от выборки. Осмыслив эти результаты, можно прийти к выводу, что студенты-юристы более лояльно относятся к власти, чем студенты-психологи. Возможно, это объясняется тем, что юристы чаще занимают руководящие посты и в большей степени наделены властью, чем психологи. Соответственно, позиционируя себя как будущих ее представителей, студенты-юристы менее негативно настроены по отношению к ней.

Характеризуя общую картину результатов, полученных в ходе исследования, возможно сделать вывод о том, что студенты-юристы считают обладающими привилегиями и пользующихся безнаказанностью людей, которые обладают властью и деньгами: это является предпосылкой для отношения к государству как к неправовому и коррумпированному. Возможно, на этом фоне формируются некое неуважение к закону и государству и задатки правового нигилизма. Такое отношение детерминирует представление о том, что главное в профессии юриста – помощь людям. Чем больше студенты осознают правовую ущербность современного государства, тем больше проявляются альтруистические и гуманистические начала в отношении к людям. Студенты-психологи, наблюдая привилегированность некоторых слоев населения, стремятся обвинить в этом правоохранительные органы, что определяет негативное отношение к последним. Несомненно, формирование таких представлений и отношений обусловлено факторами не только профессиональной социализации в вузе, но и общей социализации на фоне имеющегося представления о процессах, происходящих в стране.

Профессиональная социализация обеспечивает становление личности профессионала. Это процесс, в недрах которого происходит значительное изменение характеристик человека как личности, как субъекта труда и отношений, поэтому изучение ее характеристик позволит определить некоторые особенности профессиональных установок личности.

Примечания

- 1 См.: *Андреева Г. М.* Социальная психология : учебник для вузов. М., 2004. 126 с.
- 2 См.: *Акимова М. К., Гуревич К. М.* Психологическая диагностика : учебник для вузов. СПб., 2008. 32 с.
- 3 *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. СПб., 2002. С. 92.
- 4 Там же. С. 142.
- 5 *Мясищев В. Н.* Основные проблемы и современные состояния психологии отношений человека // Психологическая наука в СССР : в 2 т. М., 1960. С. 47.
- 6 Цит. по: *Немов Р. С.* Психология : учеб. пособие для студентов высших учебных заведений : в 3 кн. 4-е изд. М., 2002. Кн. 1. С. 113.

УДК 159. 928. 234

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ВИНЫ У ОСУЖДЕННЫХ

П. Ю. Калистратов

Саратовский государственный университет
E-mail: kru76@yandex.ru

Статья посвящена исследованию проблемы переживания чувства вины осужденными – мужчинами и женщинами; ее результаты важны для практической деятельности психологов пенитенциарных учреждений при построении программ ресоциализации по работе с осужденными.

Ключевые слова: вина, переживание вины, гендерные особенности.

Gender Characteristics of Guilt EXperienced by Convicted People

P. Yu. Kalistratov

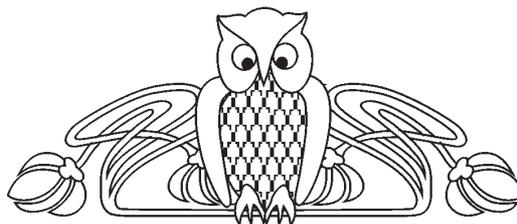
The article deals with the problem of experiencing feelings of guilt of convicted men and women. The results of this study are important for psychological practices in penal institutions when building a program of resocialization for work with prisoners.

Key words: guilt, experience of guilt, gender characteristics.

Чувство вины изучалось и активно изучается как зарубежными, так и отечественными психологами. Значение и роль этого психологического явления в моральном развитии личности признаются многими специалистами. Вместе с тем следует отметить, что в рамках пенитенциарной психологии исследованию чувства вины уделяется мало внимания, а определение его места и значения в профессиональном контексте ресоциализации осужденных остается недостаточно изученным.

Анализ существующих подходов к исследованию чувства вины в различных психологических школах позволил предположить, что имеется содержательная специфика проявления чувства вины у осужденных мужчин и женщин. В данном случае имеется в виду вина в ее наиболее распространенном значении, т. е. эмоция, вызванная отклонением от общепринятых стандартов поведения, которая создает у индивида мотивацию возвращения к принятым в обществе нормам поведения. Целью проведенного исследования является сравнение специфики проявления чувства вины у осужденных мужчин и женщин.

Работа проводилась в ГУФСИН России по Саратовской области в г. Саратове. Основную группу составили мужчины и женщины – подозреваемые и осужденные за различные виды насильственных и корыстных преступлений: кражи и мошенничество (ст.158, ст.159 УК РФ), убийства

и нанесение тяжких телесных повреждений, приведших к смерти (ст.105, ст.111 ч. 4 УК РФ), изнасилования (ст.131, ст.132 УК РФ).

Все испытуемые, как мужчины, так и женщины, были разделены на четыре подгруппы в зависимости от вида совершенного преступления: первую составили женщины, обвиняемые в насильственных преступлениях (21 человек), вторую – мужчины, обвиняемые в насильственных преступлениях (34 человека), третью – женщины, обвиняемые в корыстных преступлениях (19 человек), четвертую – мужчины, обвиняемые в корыстных преступлениях (38 человек). В качестве участников контрольной группы в исследовании приняли участие мужчины (25 человек) и женщины (25 человек), ранее никогда не судимые, имеющие тот же социальный и образовательный статус. Всего в нашей работе приняло участие 162 человека.

В ходе проведенного исследования использовались следующие диагностические процедуры: социально-психологическая анкета, которая позволила взглянуть на ситуацию преступления глазами осужденных, а также получить ответы на вопросы, касающиеся совершенного преступления и переживания вины в связи с этим поступком; шестнадцатифакторный личностный опросник Р. Б. Кеттелла (форма С);

метод исследования уровня субъективного контроля (УСК) Д. Роттера (вариант В), с помощью которого возможно эффективно оценить сформированный уровень субъективного контроля над различными жизненными ситуациями. Этот уровень контроля связан с ощущением человеком ответственности за происходящее, социальной зрелостью и самостоятельностью личности; дифференциальная шкала эмоций, разработанная К. Изардом, которая предъявлялась с целью определения интенсивности переживания вины по сравнению с другими эмоциями¹;

методы математической обработки данных.

Результаты, полученные с помощью опросника Кеттелла, позволили выявить различия и отклонения от нормы по шкалам А, В, С, Н, L, О, Q₄ у испытуемых в 1 и 3-й подгруппах (осужденные женщины и мужчины, совершившие насильственные преступления) и 2 и 4-й подгруппах (осужденные женщины и мужчины, совершившие корыстные преступления).

По фактору А (замкнутость – общительность) усредненные данные в 1-й подгруппе (5,4 балла) и в 3-й подгруппе (5 баллов) находятся в пределах нормы, в то время как во 2 и 4-й подгруппах этот фактор имеет низкие значения (3 и 3,3 балла соответственно). Таким образом, испытуемые во 2 и 4-й подгруппах более склонны к скрытности, обособленности, недоверчивости, не готовы к сотрудничеству, им трудно устанавливать межличностные контакты.

У испытуемых 1 и 3-й подгрупп низкие значения фактора В (интеллект), находящиеся в пределах нормы (4,7 и 4,4 балла соответственно), а значения по данной шкале во 2 и 4-й подгруппах выходят за пределы нормы (3,3 и 3,2 балла соответственно), что может отражать низкий интеллект или являться следствием снижения функций в результате психопатологии.

По шкале С (эмоциональная нестабильность – эмоциональная стабильность) были получены высокие результаты в 1 и 3-й подгруппах (6,3 и 6,6 балла соответственно), что говорит об эмоциональной устойчивости, зрелости, спокойствии. Люди с высокой оценкой чаще являются лидерами. Во 2-й подгруппе показатели ниже нормы, такие люди эмоционально неустойчивы, импульсивны, раздражительны. Испытуемые 4-й подгруппы показывают результат, находящийся в пределах нормы (4,5 балла).

По шкале Н (робость – смелость) были отмечены высокие показатели в 1 и 3-й подгруппах (6,4 и 6,5 балла соответственно). Фактор характеризует степень активности в социальных контактах: такие люди отличаются смелостью, предприимчивостью, готовы к риску и сотрудничеству с незнакомыми людьми в незнакомых обстоятельствах, склонны к авантюризму и проявлению лидерских качеств. Во 2 и 4-й подгруппах данный показатель находится в пределах нормы (по 5 баллов).

Высокие показатели во 2 и 4-й подгруппах (6,8 и 7,3 балла соответственно) по шкале L (доверчивость – подозрительность) характеризуют личности испытуемых как эгоцентричных, осторожных, настороженных по отношению к людям, раздражительных; они стремятся возложить ответственность за ошибки на окружающих. В 1 и 3-й подгруппах данный показатель находится в пределах нормы (5,4 и 5,6 балла соответственно).

По фактору О (спокойствие – тревожность) во всех четырех подгруппах были отмечены показатели выше нормы (6,5; 6,3; 6,4; 6,4 балла соответственно), что свидетельствует о склонности к беспечности, ранимости, неуверенности в себе. Испытуемые чувствительны к одобрению окружающих, часто недовольны собой, остро испытывают чувство вины.

По фактору Q₄ (расслабленность – напряженность) показатели во всех подгруппах находятся в пределах нормы, но в группе осужденных мужчин усредненные данные выше, чем в группе осуж-

денных женщин. Таким образом, испытуемые-мужчины отличаются большей собранностью, напряженностью, беспокойством, раздражительностью, фрустрированностью.

Важно отметить, что усредненный профиль женщин и мужчин, ранее не судимых (5 и 6-я контрольные подгруппы), заметно отличается от профилей осужденных и показатели по всем шкалам находятся в пределах нормы.

Результаты, которые были получены с помощью опросника «Уровень субъективного контроля», позволяют утверждать, что по шкалам общей интернальности (Ио) и интернальности в области неудач (Ин) для испытуемых 1, 3 и 5-й подгрупп усредненные показатели находятся в пределах нормы и примерно одинаковы. Данные показатели соответствуют высокому уровню субъективного контроля над любыми значимыми ситуациями: такие люди считают, что большинство важных событий в их жизни было результатом их собственных действий, что они могут ими управлять и, следовательно, чувствуют ответственность за эти события и за то, как складывается их жизнь в целом. Испытуемые склонны обвинять себя в разнообразных неудачах, страданиях (одним из таких событий может быть, например, нахождение в местах лишения свободы).

Низкие показатели по данным шкалам во 2, 4 и 6-й подгруппах говорят о том, что у испытуемых отмечается низкий уровень субъективного контроля: они не склонны связывать свои действия и значимые для них события, не считают себя способными контролировать их развитие и полагают, что большинство из них является результатом случая или действий других людей. Представителям этих подгрупп свойственно перекладывать ответственность за негативные события на других людей. Низкие результаты в контрольной группе у мужчин, ранее не судимых, возможно связаны с тем, что в силу возраста у испытуемых еще не сформировалось ответственное поведение.

Для всех групп испытуемых характерны примерно одинаковые показатели, находящиеся в пределах нормы, по шкалам интернальности в области достижений (Ид) и интернальности в отношении здоровья (Из). Однако усредненные данные в 1, 3 и 5-й подгруппах чуть выше усредненных данных 2, 4 и 6-й групп, что соответствует более высокому уровню субъективного контроля над эмоционально положительными событиями и ситуациями и указывает на более ответственное отношение к своему здоровью.

По шкале интернальности в семейных отношениях (Ис) высокий показатель был отмечен в 1-й подгруппе; во 2, 3, 4 и 5-й значения примерно одинаковые и находятся в пределах нормы. Это указывает на то, что испытуемые считают себя ответственными за события в семейной жизни.

По шкале интернальности в области производственных отношений (Ип) усредненные

данные в 1 и 3-й подгруппах находятся в пределах нормы: испытуемые считают свои действия важным фактором в организации собственной производственной деятельности, в складывающихся отношениях в коллективе, в своем продвижении и т. д. Низкие значения во 2 и 4-й подгруппах свидетельствуют о том, что испытуемые склонны перекладывать ответственность на руководителей и не считают свои действия важным фактором в организации собственной производственной деятельности, в складывающихся отношениях в коллективе, в своем продвижении и т. д. Такие же низкие показатели были отмечены и в контрольных 5 и 6-й подгруппах. Этот факт можно объяснить тем, что большинство представителей этих групп никогда не работало и не вступало в производственные отношения.

Анализ результатов, которые были полученные с помощью методики «Дифференциальные шкалы эмоций» К. Изарда позволяет утверждать, что явных различий по усредненным показателям у мужчин и женщин, ранее не судимых, выявлено не было и ранговое расположение эмоций характеризует испытуемых как «социально здоровых» личностей.

По данным нашего исследования, испытуемые из 2, 3 и 4-й подгрупп одной из преобладающих у себя эмоций считают именно «вину» (2, 1, 1-е места соответственно), однако у женщин, совершивших насильственные преступления, эта эмоция расположена на 4-й позиции. Возможно, это связано с тем, что чаще всего насильственные преступления женщины совершают на почве длительного конфликта с близкими людьми по принципу «последней капли».

У всех групп испытуемых были отмечены достаточно высокие показатели по шкале «интерес» (любопытство проявляется в новых ситуациях), (1, 1, 2, 2-е места соответственно). Заметим, что К. Изард указывал на наличие данной эмоции при выраженности эмоции «вины»¹.

Эмоция «стыда или застенчивости» также связана с переживанием чувства вины. Считается, что человеку стыдно, когда он совершает плохой, с точки зрения общества, поступок, особенно если о нем становится известно другим. К. Изард отводит эмоции «стыда» 5-е место. По данным нашего исследования, эта эмоция расположена на 6, 6, 6, 5-м местах соответственно.

Одна из ведущих эмоций при переживании чувства вины – «горе или страдание» – в 1 и 3-й подгруппах (осужденные женщины) находится на 3-й позиции, что подтверждает наличие чувства вины, однако во 2 и 4-й подгруппах (осужденные мужчины) она занимает низкие позиции (7 и 10-ю соответственно). Показатели эмоции «страха» за-

метно снижены во всех подгруппах испытуемых (9, 10, 10, 9-е места соответственно).

Таким образом, проведенное нами исследование дает возможность не только утверждать, что мужская и женская преступность обусловлена различными качественными (например, характер преступления, орудие и т. д.) и количественными характеристиками, но и сделать вывод о том, что проявление чувства вины у мужчин и женщин, совершивших преступления, различно.

Женщины, обвиненные в преступном деянии, более склонны приписывать ответственность и контроль над своими поступками и отношениями с другими людьми самим себе: всего, что было и есть хорошего (эмоционально положительного) в их жизни, они добились сами. Большинство мужчин нашей выборки причиной всех негативных и позитивных событий считает внешние обстоятельства или действия других людей.

Женщины, обвиненные в насильственных преступлениях, в сравнении с другими подгруппами, имеют высокие показатели по шкале интернальности в семейных отношениях: это обстоятельство указывает на то, что испытуемые считают себя ответственными за события в семейной жизни. Данный факт можно объяснить ещё и тем, что чаще всего объектом насилия выступают мужья, дети и другие близкие люди.

Необходимо отметить, что женщины и мужчины, находящиеся в условиях СИЗО, вне зависимости от совершенного ими деяния, описывали эмоции более остро, чем испытуемые, которым уже вынесен приговор, и отбывающие наказание в местах лишения свободы.

Гипотеза исследования подтвердилась: проявление чувства вины у мужчин и женщин, совершивших преступные деяния, имеет свою специфику в сравнении с людьми, ранее не судимыми. Кроме того, были выявлены различия в проявлении чувства вины у мужчин и женщин, совершивших преступления.

Чувство вины играет важную роль в исправлении осужденных, поскольку лишь у человека, способного признать свою вину и взять на себя ответственность за совершенное им преступление, может успешно протекать процесс ресоциализации. Если же человек вообще не испытывает чувства вины при совершении антисоциального поступка, это создает основу для дальнейших противоправных действий.

Примечания

¹ Изард К. Дифференциальные шкалы эмоций. Модификация: О. П. Елисеева, СПб., 1994. [Электронный ресурс]. URL: <http://vsetesti.ru/371/> (дата обращения: 25.05.2010).

УДК 316.6+159.947.5

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ КРИМИНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Н. М. Романова

Саратовский государственный университет
E-mail: RomanovaNM@info.sgu.ru

Представлены результаты теоретического психологического анализа криминального поведения и криминальной деятельности с позиций деятельностного подхода; описана модель криминального действия.

Ключевые слова: криминальная деятельность, мотивы, криминальное действие, правовые нормы, модель.

Psychological Description of the Criminal Activity

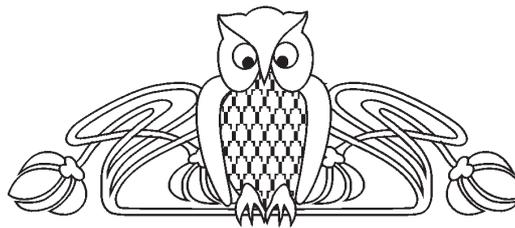
N. M. Romanova

The result of theoretical psychological analysis of the criminal activity are pleaded with the sidelines of career approach; the model of criminal action is described.

Key words: criminal activity, motives, criminal action, justice norms, model.

Современная преступность – социальное явление, опасность которого невозможно преувеличить. Это объясняется масштабами криминальных явлений, наблюдаемых в современном российском обществе, таких как нарастание процессов криминализации, интенсивное вовлечение молодежи и подростков в антисоциальные действия, рост правового нигилизма, увеличение числа преступников и возрастание степени их общественной опасности. Особую актуальность приобретает проблема изучения преступного поведения и преступной деятельности во время интенсивных социальных изменений, сопряженных с ростом различных форм и видов социального неблагополучия. Преступность – глобальная проблема, стоящая перед мировым и российским сообществом: за последние 30–40 лет преступность в мире увеличилась в среднем в 3–4 раза, а темпы ее роста ежегодно составляют около 5%, опережая темпы роста народонаселения¹.

Психологическое исследование криминальных проявлений возможно только в процессе непосредственного изучения преступных деликтов, через анализ «дел практических» (С. Л. Рубинштейн). Таким образом, в настоящее время назрела объективная научная потребность и социальная необходимость разработки целостной концепции криминального поведения и криминальной деятельности, способной раскрыть их структуру и модель, факторы детерминации и закономерности реализации. Следует учесть, однако, что проблемы личности преступника и преступного

поведения являются недостаточно разработанными как в мировой, так и в отечественной науке; различные подходы и данные не интегрированы с целью создания единой психологической теории преступного поведения. Недостаток объяснительных моделей криминального поведения и криминальной деятельности не позволяет создать эффективную систему профилактики, психологической коррекции и социально-психологической реабилитации преступников, адекватную специфике индивидуальной социально-психологической девиации правонарушителя.

До настоящего времени дискуссионной остается проблема возможности создания универсальной концепции, объясняющей криминальное поведение. Так, М. Раггер считает, что невозможно принять единственное толкование преступного поведения². Между тем А. И. Гуров указывает на наличие большого числа работ, в которых делаются попытки понять основную, стержневую причину преступного поведения³. В середине прошлого века актуальным направлением исследований был поиск так называемый преступной черты: предполагалось, что преступники имеют характерную особенность, отличающую их от неправоверных. Но результаты исследований, обобщенных А. Кресси, показали, что преступники обладают теми же свойствами личности, что и законопослушные граждане⁴. Ю. М. Антонян считает, что первые отличаются от вторых негативным содержанием ценностно-нормативной системы и спецификой нравственно-психологического облика⁵.

Очевидно, что понимание сущности преступного поведения невозможно без обращения к его генезису, причинам и особенностям субъективного отношения личности к совершенному деянию. Для описания криминальных проявлений личности в современной науке наиболее употребительным является термин «поведение», при этом содержательно в это понятие включаются два значения: а) непосредственно преступный акт, реализованный его субъектом; б) устойчивое социальное поведение, его предпосылки, условия, характеристики и особенности. Наличие такой неоднозначности в определении понятия «криминальное поведение» требует внесения уточнений с целью снятия терминологической неопределенности. На наш взгляд, криминальным действием является акт реализации противоправного деяния,

а термин «криминальное поведение» более широк и включает рассмотрение допреступной стадии личностной самореализации и криминального деяния как социального действия. Криминальное поведение проявляется в виде отдельных криминальных действий, а также асоциальных, делинквентных, правонарушающих и др.

Криминальное действие – внешне наблюдаемый акт поведения, но источники его реализации коренятся в личности. У разных категорий преступников количество таких противоправных действий различно: у рецидивистов фактически вся их жизнь представляет собой последовательную совокупность криминальных действий, а у других преступников криминальные действия немногочисленны или единичны.

При анализе криминального действия перед исследователями встают вопросы: какие личностные особенности ответственны за реализацию криминального акта? Являются ли они универсальными качествами, не зависящими от вида и характера совершенного противоправного действия, либо в каждом конкретном случае за своеобразный «запуск» такого действия отвечает конкретная подструктура личности? Можно ли создать теорию, дающую универсальное объяснение любому криминальному деянию?

Предлагаемая нами психологическая модель криминального действия опирается на результаты анализа теоретических данных, собственных экспериментальных исследований, обобщения многолетнего опыта практической работы в области исследования преступного поведения. Цель создания модели – выявление закономерностей, реализующихся в структуре криминального действия на основе обобщения изученных криминальных деликтов. Возможность ее создания опирается на разделяемое нами убеждение в том, что все преступления образуют некое концептуальное единство и, следовательно, им можно дать общее объяснение. В качестве базовых для построения психологической модели криминального действия использованы положения структурно-динамического и системного подходов. Системный подход позволяет рассмотреть криминальное действие как сложную систему, функционирование которой определяется влиянием системообразующего фактора. Структурно-динамический подход позволяет выделить в нем как инвариантные, присущие всем видам этого поведения характеристики, так и специфические, частные, отражающие особенности конкретного вида преступления.

Структурные характеристики криминального действия отражают общность постоянно задействуемых в реализации преступного поведения личностных констант, отличающихся вариативностью содержательной наполненности. Эти различия отражают своеобразие отношений двух выделенных нами внутриличностных подструктур – мотивационно-потребностной и нормативно-регулятивной.

Модель криминального действия рассматривается как включающая в себя два основных компонента: первый ответствен за «запуск» криминального деяния, а второй – за его исполнение. Кроме того, первый базируется на мотивационно-потребностной и нормативно-регулятивной сферах личности. «Исполнительный» компонент включает когнитивную (отвечает за осмысленность совершаемого действия), эмоционально-чувственную (отражает отношение к действию) и волевую (регулирует выполнение действия) сферы.

Включение нормативно-регулятивного компонента в структуру модели объясняется ее ключевой ролью в реализации поведенческого акта. Криминальное поведение – это вариант социального поведения и, будучи таковым, оно ограничено системой соответствующих социальных норм. Свойство нормативности является существенной характеристикой человеческой личности, благодаря ей поведение человека направляется в определенное русло в соответствии с содержанием общественных ограничений. Поведение человека регулируется совокупностью различных норм, одним из вариантов которых являются законы.

Включение мотивационно-потребностной сферы в предлагаемую модель обусловлено тем, что любая деятельность определяется потребностями человека, сформировавшимися в процессе жизни. Мотив направляет поведение на удовлетворение имеющейся потребности. Мотивы и потребности придают криминальному действию побуждающую силу.

Разработанная модель криминального действия позволяет раскрыть его содержание и структуру. Структурные компоненты криминального действия тождественны у различных субъектов преступного деяния. Содержательная компонента характеризуется вариативностью в зависимости от личностного смысла совершаемого преступления для его субъекта. Кроме того, в соответствии с содержанием ответственных за «запуск» поведения нормативно-регулятивной и мотивационно-потребностной сфер, можно классифицировать пространство криминальных действий в соответствии с личностным смыслом последнего: 1) криминальное действие морально оправдано и аутентично личности преступника (он поступает в соответствии со своими убеждениями); 2) оно является следствием длительных колебаний и «внутренней работы», связанной с принятием криминального решения; 3) реализация такого действия происходит в ситуации своеобразной отчужденности личности от него (противоречит желаниям и убеждениям); 4) аутентично личности преступника вследствие отсутствия у последнего морально-правовых запретов.

Пространство личностных смыслов, являющихся функцией мировоззренческих и побудительных компонентов структуры криминального действия, позволяет разделить популяцию пре-

ступников на четыре основные группы, и, соответственно, типы личностей, входящие в них, условно названы: «криминальный», «колеблющийся», «депривированный» (отчужденный), «несоциализированный».

Традиционно в криминологических и психологических исследованиях криминального поведения центральным понятием, объясняющим его реализацию, рассматривается мотивация. При этом разные авторы понимают мотивацию по-разному – как процесс формирования мотива преступления⁶, как совокупность элементов преступного поведения: актуализацию потребности, возникновение и формирование мотива, целеобразование, выбор путей достижения цели, прогнозирование возможных результатов, принятие решения⁷. Однако криминальное поведение не исчерпывается и не сводится только к мотивации: уже на стадии зарождения преступного замысла (имеются в виду умышленные преступления), идет ли речь об импульсивной криминальной самореализации или о тщательно планируемом преступлении, человек отдает себе отчет в том, что он преступает ту черту, которая социумом определена как предельная, граничная, запрещенная. Переступая ее, он входит в особую социальную зону – неправовых практик, сопряженных с риском изобличения, осуждения и наказания.

Мотив криминального деяния, лежащий в его основании, включает в себя и такие элементы, как средство достижения цели, предвидение последствий, отношение к социальным ценностям. Совершение запрещенных социумом действий криминологи связывают с незнанием правовых норм, несогласием или пренебрежением ими⁸. Что касается первой причины, то здесь следует отметить, что, с одной стороны, как известно, незнание не освобождает нарушителя от ответственности, а с другой стороны, правовые нормы опираются на социальные, моральные и нравственные императивы, приобщение и усвоение которых происходит в течение длительного времени в процессе социализации личности.

Выход в зону неправовых практик для разных личностей связан с различным отношением к этому: для одних разрешение противоречия между собственными желаниями и правовыми нормами происходит достаточно легко, поскольку последние не занимают в их системе ценностей значимых позиций. Для других этот переход происходит в условиях внутреннего конфликта между желаемым и должным.

Люди отличаются друг от друга особенностями своего отношения к нормам права. По мнению М. И. Еникеева, для нравственной личности характерны устойчивое правоисполнительное поведение и соблюдение норм права в связи с настоящей нравственной потребностью. Он выделяет особый вид поведения (оно регулируется правовыми нормами) и особое структурно-

личностное образование – солидарность личности с правом или правовой негативизм (отрицание правовых ценностей)⁹.

С.В. Познышев в своей работе выделяет в душевной жизни личности две основные сферы активности: 1) процессы, образующие сферу созерцательно-познавательной деятельности; 2) процессы, образующие сферу целевой деятельности¹⁰. Первая включает в себя мировоззрение личности, ее убеждения, знания, взгляды, вторая содержит импульсы к определенному поведению, стремление к достижению целей и удовлетворению потребностей. Их выделение указывает на особый статус мотивационно-побудительной и мировоззренческой компонент в функционировании личности. Анализируя преступное поведение, С. В. Познышев пишет: «Когда человек совершает преступление, он предварительно решает вести себя определенным образом. В его сознании появляется мысль об известном поведении и, так сказать, получает санкцию...»¹¹.

Здесь автор, как мы видим, вновь выделяет в преступном поведении мотивационную составляющую («решает вести себя определенным образом») и когнитивную (умственную) в виде разрешительной «санкции». В. В. Лунеев выделяет в мотиве поведения функцию фильтра при отборе и оценке стимулов ситуации, способствующих или препятствующих удовлетворению актуальной потребности¹².

В рамках деятельностного подхода, реализованного в творчестве А. Н. Леонтьева, в структуре деятельности выделяются следующие элементы: мотивы, побуждающие человека к деятельности, цели как ее прогнозируемые результаты, средства, с помощью которых деятельность реализуется¹³. Мотив деятельности может осознаваться, а может оставаться и вне сферы сознания, тогда как, в отличие от мотива, цель всегда осознаваема. При этом мотивы стоят за целями, побуждая к их достижению либо целеобразованию. В тех случаях когда целеобразование невозможно в связи с характером имеющихся условий, мотив остается потенциальным – другими словами, он реализуется в форме установки, готовности к совершению действия.

Рассматривая вслед за А. Н. Леонтьевым мотивацию как предмет потребности, необходимо иметь в виду, что далеко не всегда он может быть приемлемым для личности с морально-нормативной, ценностно-нормативной точки зрения: он может удовлетворять потребность, но быть неприемлемым с точки зрения высших регуляторов человеческого поведения – ценностей, норм, идеалов. Кроме того, мотивы деятельности могут непосредственно реализовываться в поведении, а могут носить пролонгированный характер и актуализироваться через различные, в том числе и весьма длительные, промежутки времени. Ситуация столкновения, конфликта мотивационно-потребностных и ценностно-нормативных компонентов в одних случаях приводит к регуляции с помощью

ценностей мотивов деятельности, а в других – к доминированию побуждений личности. Во втором случае нормативные барьеры, моральные запреты «сметаются» под напором интенсивных желаний, значимых мотивов и потребностей личности. При этом речь идет не только о тех действиях, которые носят характер импульсивных реакций. Игнорирование нормативных запретов может представлять собой итог сформировавшегося в течение длительного времени сознательного выбора в пользу эгоистических устремлений, криминальных установок.

В ситуации, когда мотив личности осознается, мы имеем дело с мотивом-целью. В этом случае криминальная деятельность фактически представляет собой криминальное действие. В ином случае, когда мотивы неосознаваемы, мотив криминальной деятельности находится в латентном (скрытом) состоянии и проявляется только в виде установки, готовности к совершению криминального действия. При этом явный мотив осознаваем и представлен в структуре криминального действия.

Ключевой момент в понимании причин реализации криминального деяния кроется, на наш взгляд, в ситуации своеобразного соотношения внутренних побуждений и желаний с ограничивающими их нормативами. Особую картину имеет соотношение мотивов и целей при совершении групповых преступлений. Мотив деятельности, определяемый как ее предмет, в этом случае зачастую не совпадает с ее целью, а сама деятельность не отражает истинной потребности: например, группа несовершеннолетних совершает корыстное преступление – кражу, внешне наблюдаемый мотив деятельности – корыстный. Однако ее цель для каждого члена группы может быть своя и не связана с корыстной мотивацией (обогащением). В качестве причин реализуемого поведения здесь могут наблюдаться такие мотивы, как самоутверждение, солидарность с группой, повышение социального статуса в группе и др.

Такое несоответствие мотивов и целей, как правило, связано с социальной природой человека. Особо остро оно ощущается в подростковом возрасте, когда референтная группа сверстников является ключевым фактором психологического развития несовершеннолетних. В таком случае цель деятельности – совершение корыстного преступления – не совпадает с мотивами его участников. Каждый из членов группы дает своеобразную разрешительную «санкцию» на криминальное самоосуществление, руководствуясь при этом индивидуальными мотивами.

В иной ситуации, когда мотив криминальной деятельности не актуален и отсутствует потребность в реализации того или иного поведения, речь идет о потенциальном мотиве, существующем в виде готовности к определенному виду поведения. Такой мотив реализуется при наличии подходящих для его актуализации условий. Еще

не совершив преступления, такой человек социально опасен, поскольку готов к нему.

При совпадении мотивов и целей деятельности мотив осознается и цель приобретает самостоятельную побудительную силу. Применительно к анализу криминальной деятельности в этом случае речь идет о так называемом мотиве-цели: фактически здесь криминальная деятельность сводится к криминальному действию. В этом случае возможны два варианта реализации криминальной деятельности. В первом на пути реализации мотива отсутствует преграда в виде нравственного барьера. Человек действует по принципу «право имею»: никакие правовые либо морально-нравственные запреты не могут его остановить в его своеобразно понимаемом «праве» на совершение криминального акта. У такого субъекта доминируют внутренние критерии оценки и ориентация на нормы криминальной субкультуры. Во втором формировании мотива-цели криминальной деятельности происходит постепенно, с наличием внутренних конфликтов, связанных с пониманием неправомерности, ненормативности криминального замысла, однако регулятивное влияние правовых норм в конечном итоге подавляется силой актуального мотива реализации криминального действия.

Рассмотрение криминальной деятельности с точки зрения деятельностного подхода является, на наш взгляд, весьма продуктивным при создании объяснительных моделей криминального поведения.

Примечания

- 1 См.: Состояние и тенденции преступности в Российской Федерации: криминалистический и уголовно-правовой справочник / под общей редакцией А. Я. Сухарева, С. И. Гирько. М., 2007. 384 с.
- 2 См.: Раттер М. Помощь трудным детям. М., 1987. 424 с.
- 3 См.: Гуров А. И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. М., 1990. 442 с.
- 4 См.: Сметзер Н. Социология. М. 1996. 688 с.
- 5 См.: Антонян Ю. М., Еникеев М. И., Эминов В. Е. Психология преступника и расследование преступления. М., 1996. С. 43.
- 6 См.: Кудрявцев В. Н. Механизм преступного поведения. М., 1981. 248 с.
- 7 См.: Лунеев В. В. Преступное поведение: мотивация, прогнозирование, профилактика. М., 1980. 137 с.
- 8 См.: Кудрявцев В. Н. Указ. соч.
- 9 Еникеев М. И. Юридическая психология. СПб., 2006. 256 с.
- 10 Познышев С. В. Криминальная психология: Преступные типы. О психологическом исследовании личности как субъекта поведения вообще и об изучении личности преступника в частности М., 2007. 320 с.
- 11 Познышев С. В. Указ. соч. С. 8.
- 13 Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975. 256 с.
- 14 См.: Лунеев В. В. Указ. соч.

УДК 316.613

СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ «Я» В НАЧАЛЕ ХХ ВЕКА: ДАННЫЕ НАУЧНОЙ ИНТРОСПЕКЦИИ

Ю. В. Ставропольский

Саратовский государственный университет
E-mail: StJulius@yandex.ru

Статья представляет собой анализ состояния проблемы исследования феномена «я», который был выполнен американским психологом М. У. Кэлкинз в 1915 г. Современные ей психологи самоустранились от «я» на том основании, что научная интроспекция потерпела неудачу, пытаясь его обнаружить.

Ключевые слова: идентичность, «я», интроспекция, определение, восприятие.

The Problem of «Self» Studies' Condition in Early XX Century: Scientific Introspection Data

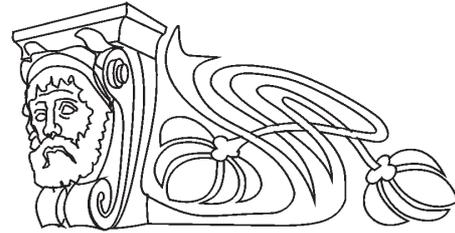
Yu. V. Stavropolsky

The research expands an analysis of the problem of the «self» phenomenon research undertaken by an American psychologist M. W. Calkins in 1915. Her contemporary psychologists evaded the «self» justifying by that the scientific psychology had failed to detect it.

Key words: identity, «self», introspection, detection, perception.

Достаточно внимательный анализ состояния проблемы исследования феномена «я» был выполнен американским психологом М. У. Кэлкинз, которая в своей статье подвела итог попыткам обнаружить и исследовать феномен «я»¹. Наше рассмотрение проблемы «я»-аспектов идентичности целесообразно начать с обсуждения тех промежуточных итогов, о которых Кэлкинз могла писать в 1915 г. как о бесспорной научной реальности, либо способствующей, либо затрудняющей дальнейшее развитие психологии «я» в тот период, когда основным методом исследования «я» оставалась интроспекция. По этой причине она подробно останавливается в своей статье на рассмотрении метода интроспекции и его пригодности для исследования данного психологического феномена.

М. У. Кэлкинз пишет о том, что современные ей психологи часто самоустраниются от «я» на том основании, что научная интроспекция потерпела неудачу, пытаясь его обнаружить. Данная проблема оказывается двойкой. Во-первых, соответствует ли истине сам факт, что ученые-психологи действительно не обнаружили следов «я»? Во-вторых, если данный факт следует признать, то невозможность предъявить «я» вызвана неадекватностью методов либо тем, что «я» не существует? Как говорит Кэлкинз, лиса вообще нет или он избегает тех ловушек, которые мы для него поставили?

В 1915 году М. У. Кэлкинз могла заявить, что «я» не поддается определению. Дать определение – значит приписать определяемый объект к данному классу и отличать его от других членов этого класса, а «я» есть sui generis и потому не подвластно определению. Далее следует важная оговорка: «я», хотя и не поддающееся определению, в данном аспекте не является стихийным, а потому недоступным описанию. Особенности переживаемого «я», на котором психологи, изучающие этот феномен, делают свой акцент, – это, во-первых, его устойчивость, или «я»-идентичность; во-вторых, его индивидуальность или уникальность; в-третьих, то, что оно фундаментально или базально для своих переживаний, и, наконец, тот факт, что оно соотносится с окружением, социальным и физическим.

М. У. Кэлкинз называет следующие характеристики «я»²:

1) начиная с С. Милля с его известным примечанием к «Анализу феномена человеческого сознания» Дж. Милля, до Н. Данлэпа, который полагал, что Эго есть существеннейшая предпосылка психологии, каждый, кто допускает существование «я», наделяет его относительной устойчивостью, или идентичностью. «Предположим, – говорит Данлэп, – три пункта содержания – а, b, и с. Предположим, что мне известно а, затем b и затем с. Тот факт, что я воспринимаю все три, остается окончательным фактом <...>. Важно то, что эти три пункта воспринимаются одним и тем же “я”. Восприятия не тождественны, они могут быть разделены значительными интервалами. Что есть идентичность? Просто идентичность “я”»³;

2) индивидуальность, или уникальность каждого «я» есть характеристика, отличающая его от каждого другого: все психологи, изучающие «я», а часто даже те, которые его отрицают, соглашаются с тем, что психические факты принадлежат индивидам, что чувства принадлежат мне либо кому-нибудь еще;

3) и стабильность, и индивидуальность «я» подразумевают тот факт, что оно базально по отношению к специфическим, конкретным переживаниям – восприятию, воображению и эмоциям. Все подлинные психические процессы являются состояниями или функциями субъекта

и принадлежат «я», либо, по более простому утверждению Н. Данлэпа: «Мы не можем вести речь о переживаниях без участия “я”, которое переживает». Несомненно, что «я» никогда не отделяется от конкретных переживаний, оно не есть нечто существующее само для себя переживаний. Напротив, переживания существуют в «я»; говоря словами Н. Аха, оно образует для них «необходимый фундамент»;

4) отнесенность «я» к объектам, образующим его окружение, особо подчеркивается «социальными» и «дифференциальными» психологами Дж. Уордом, Митчеллом и И. Ремке, а также теми «функциональными» психологами, которые допускают существование «я».

Несомненно, подытоживает М. У. Кэлкинз, что психологическое описание «я» следует прояснить, расширить и обогатить усилиями всех психологов, работающих во всех областях нашей науки. Подобно другим наукам, в начале XX в. в психологии применялись два метода – наблюдение и эксперимент. Эксперимент всегда предполагает наблюдение, но, в отличие от наблюдения, имеет двустороннюю цель – содействие анализу и объяснение наблюдаемых фактов благодаря раскрытию их отношения друг к другу либо к другим феноменам. Соответственно, для изучения феномена «я» психологами начала XX в. применялось наблюдение в виде интроспекции.

М. У. Кэлкинз отмечает, что психологию можно называть экспериментальной лишь до тех пор, пока она имеет дело с перцептивным опытом либо с моторными реакциями, обуславливающими, сопутствующими либо следующими за сознанием. Но такое расширение понятия эксперимента оставляло мало надежды на то, что «я» будет открыто в ходе эксперимента. В экспериментах с восприятием и сопутствующими формами сознания наблюдать «я» практически невозможно, а исследование моторных реакций при всей их важности оставалось вспомогательным разделом психологии.

Неизбежное присутствие «я» во всех переживаниях создает препятствия к тому, чтобы открыть «я» экспериментальным путем. М. У. Кэлкинз формулирует эту трудность следующим образом: феномен, который исследуется экспериментально, можно рассматривать в качестве следствия искусственного манипулирования стимулами. Таким образом, о задуманном эксперименте следует судить по его соответствию признанным индуктивным методам. При данных условиях в экспериментальном исследовании любого феномена, например X, необходимо сначала исследовать повторяющиеся феномены, включающие в себя X, а затем – серию феноменов, напоминающих первую группу во всем, кроме того, что они исключают X. И только в случае согласованности между результатами обеих частей исследования будут получены строго валидные экспериментальные результаты. Но такое исключение X, когда X

есть «я», очевидно, никогда не может быть выполнено, если все, что я осознаю, я осознаю от лица собственного «я». И такая вездесущность «я» делает его непригодным в качестве объекта эксперимента.

Выводы М. У. Кэлкинз из данного рассмотрения эксперимента в качестве психологического метода таковы: эксперимент возможен лишь при условии модификации физического смысла этого слова применительно к психологии как к целому. А психологический эксперимент плохо адаптирован к исследованию «я» по двум причинам. Поскольку «я» «вездесуще», мы не можем проверить его присутствия при строго верифицируемых экспериментальных условиях⁴. Вторая причина – так как «я» не выделяется в восприятии и воображении, мы вряд ли найдем его с помощью немодифицированного экспериментального метода, который необходимо ограничить главным образом областью чувственных переживаний.

В связи с этим, по мнению М. У. Кэлкинз, возрастает роль экспериментальной интроспекции. С помощью данного метода научная психология медленно раздвигает свои границы за пределы психологии ощущений. В частности, суждение и сравнение, познание и воля были исследованы с помощью методов более или менее строго регулируемого наблюдения. При управляемой интроспекции, проводимой указанным образом, «я», если оно существует, должно быть обнаружено. Критика «я»-психологии во многом оправдывается тем, что настаивает: у «я» нет никакого статуса в научной психологии до тех пор, пока оно не будет открыто с помощью этого метода.

Большой интерес представляет более подробный анализ осознания деятельности. Пост-рефлексия на осознание деятельности приводит интроспекторов к выводу о том, что «я» не обнаруживается в момент произвольной деятельности, но что оно навязывает себя субъекту, когда он принимается точно описывать то, что произошло. Тем самым подтверждается концепция воли как «я»-активности, недвусмысленно позволяющая находить в воле деятельность «я».

Н. Ах аналитически выделяет в первичных, или «энергичных» волевых актах четыре. Первая, перцептивная фаза (*das anschauliche Moment*) состоит из напряженного ощущения, характеризующего внимание. Вторая, объективная фаза – обычное сознание, воспроизводимое с помощью вербального языка, но иногда сознание, в котором отсутствуют образы или *Bewusstheit* – конца, или цели волевого желания. Третья и самая важная – актуальная фаза, описанная Н. Ахом как деятельность (*Betätigung*), отношение (*Stellungnahme*), сознание, «я сделаю». Четвертая и завершающая – осознание трудности и напряжения (*Anstrengung*). Н. Ах контрастно противопоставляет ее как состояние (*zuständliches*

Moment) деятельности воли и относит в одну группу вместе с сомнением, смущением и удивлением – к *Bewusstseinslagen*⁵.

Из этих четырех фаз сознание завершения и «я»-деятельности наиболее важно, их надлежит рассматривать в тесной связи друг с другом. Завершение волевого желания всегда в экспериментах Н. Аха есть само по себе действие, и это действие – не «действие вообще», но поступок, который «я» должно совершить, т. е. он включает осознание «я». Этот специфический акт, который образует итог и результат действия воли, нужно самым тщательным образом отличать от той деятельности (*Betätigung*), в которую включена воля и в которой, повторяет Н. Ах, «я»-аспект (*die Ichseite*) психических событий явно заметен. «Я» образует на самом деле отправную точку отношения к объективному моменту, т. е. к завершению. Подобное осознание завершения, подлежащее осуществлению через «я», несет с собой осознание исключения всякой иной возможности и, с точки зрения исследователя, способствует объяснению действительной, объективной эффективности, которая отличает волю от простого намерения.

Н. Ах приписывает еще одну характеристику первой фазе: на этом уровне «я»-деятельность всегда сливается с сознанием будущего достижения и «*ich will*» эквивалентно «*ich will wirklich*». Иными словами, «я» осознает себя антецедентом той цели, которая должна быть достигнута, а объект воли – зависимым от себя.

Самое значимое из положений этого ученого связано с переживанием власти или способности. Сознание свершения, которым сопровождается достижение волевой цели, включает в себя, по его словам, осознанность, выражаемую словами «я могу». В этом – ядро чувства независимости и эмоции самоуважения; в этом – основа моей уверенности в свободе выбора.

Анализ Н. Аха воли и достижений сопровождается рассмотрением трех субформ волевых актов: сокращенного, слабого и привычного веления. Важнее всего слабый волевой акт (*das scheinbare Wollen*), который отличается тем, что подчеркиваемая осознанность «я сделаю», имеющая важнейшее значение для первичного волевого акта, заменяется двусторонним осознанием – относительно безличной осознанностью «это должно произойти» (*es soll*) и относительно неактивным сознанием «я готов» (*Ich bin bereit*). Очевидно, исключение иных возможностей и антиципируемое осознание или необходимость – миновать цель – отсутствуют в слабом волевом акте. Сопоставимая форма ослабленной воли – переживание, выражаемое словами «я должен» или «мне надлежит», подразумевающее безусловное подчинение себя предписанной задаче.

Изложение Н. Аха изобилует темами, интересными для исследователя воли: например, утверждение о том, что его испытуемые никогда

не называли удовольствие (*Lust*) или его противоположность (*Unlust*) при описании «первичного акта воли», и его настойчивость в том, что не инструкция как таковая, но сообщение или получение инструкций должно рассматриваться в качестве детерминирующего выбор фактора. Но мы читаем Н. Аха для того, чтобы ответить на вопрос: раскрывается ли «я» в экспериментальной интроспекции? М. У. Кэлкинз дает на этот вопрос несомненно однозначный ответ, поскольку, говоря о «“я”-аспекте психического феномена», Н. Ах подразумевает, что любое переживание предполагает осознание «я». Можно следующим образом сформулировать роль «я» в волевом акте: во-первых, в осознании цели как того, что мне необходимо осуществить в будущем; во-вторых, в осознании готовности: «Я готов выполнить это, когда будет необходимо», – что отличает ослабленную волю; в-третьих, в полной «я»-деятельности первичной воли. Наконец, Н. Ах предлагает нам, по крайней мере, обнадеживающее начало научного описания волевого «я». Он справедливо выделяет «я»-деятельность как элементный аспект, отличающий волю, хотя и находит в воле не только такое осознание деятельности, но и другие характеристики. И ученый классифицирует формы воли в зависимости от относительного преобладания осознания-активности. Следует подчеркнуть в заключение, что Ах считает: «я» переживается (*erlebt*), а не просто полагается существующим.

Н. Ах утверждает существование «я» на основании непосредственной интроспекции. Список психологов, обобщает М. У. Кэлкинз, которые более или менее явно признают существование «я», включает в себя авторов, основывающих свои утверждения либо на непреднамеренных, либо на систематических наблюдениях, даже когда они открыто об этом не говорят. Одна группа авторов, насколько это возможно, исключается – это приверженцы гипотезы просто-полагаемого «я». Они верят в психологию без «я», в то, что сознание может быть адекватно описано, не прибегая к «я»; в то же время они считают, что определенные свойства сознания предполагают существование «я» фундаментальным по отношению к конкретным переживаниям. Такое полагаемое «я», однако, представляет интерес для философов, а не для психологов, потому что психолог изучает то, что непосредственно осознается, а не то, что затем рефлексивно отражается. Допущение, к примеру, того, что «я» должно присутствовать в акте познания, не доказывает того, что акт познания был переживанием этого «я»; но лишь с непосредственно переживаемым «я» может иметь дело психология познания. «Я», понимаемое таким образом, играет определенную роль в психологии, сопоставимую с ролью материи или молекулы в физике – роль не наблюдаемого, но предполагаемого факта, а потому гипотетического условия наблюдаемых фактов.

По мнению М. У. Кэлкинз, психологи, интересующиеся проблемой исследования «я», за исключением тех кто философствует, образуют две группы. Первая и самая большая включает считающих, что мы создаем «я» в определенных переживаниях: многие психологи, придерживающиеся самых разных взглядов, описывают либо описывали аффективное сознание как «субъективное». Познание, так же как и эмоции, признается все большим числом психологов, включающим в себя сознание «я». К этой группе М. У. Кэлкинз относит Дж. Милля, Дж. М. Болдуина, У. Джеймса, Э. Клапареда и Нечаева, являющихся сторонниками точки зрения, согласно которой познание состоит из переживаемого самоосознания того, что я ранее испытывал. В дополнение следует назвать Е. Дюрра, поскольку он считает, что именно в акте самосознания и формируется (ausmacht) память. В воле, в представлении и в родственных переживаниях непосредственное осознание активного, субмиссивного или усвоенного «я». Е. Мейманн, например, говорит о том, что воля состоит из знания о том, во-первых, что я согласен с поставленной целью (der dem Ziele zustimmende), и во-вторых, что это согласие и моя собственная фиксация на цели управляются психическим механизмом исполнения деятельности (Handlung). Ч. Майерс, наконец, приписывает «я»-осознание всем психическим переживаниям за исключением чистых ощущений. Он полагает, что во всех актах апперцепции, мышления, воли, воображения и т. д. участвует «я».

Точка зрения, подобная высказываемой Ч. Майерсом, почти незаметно переходит в концепцию психологии «я» в полном смысле этого слова, в соответствии с которой все сознание есть сознание «я», а психолог поэтому волей-неволей исследует его. В соответствии с этой концепцией, которой придерживается вторая группа ученых, «я» как объект непосредственного психологического исследования грубо сравнимо не с эфиром или с молекулой, но – позволено нам будет сказать – со светом или с воздухом.

Было бы уместно в этой связи, продолжает М. У. Кэлкинз, отметить одно преимущество полной формы психологии «я». Оно связано с рассмотрением огромной трудности, возникающей для другой теории, согласно которой мы иногда, но не всегда, осознаем «я», в частности, только в чувстве и в воле, а не в восприятии и воображении. Ведь если мы не способны чувствовать, соизволять или сомневаться, не осознавая «я», то представляется antecedently вероятным, что «я» существенно также для восприятия. Аналогичная трудность присутствует в сходной концепции, согласно которой зрелый и цивилизованный человек – не ребенок, не дикарь и не животное – обладает сознанием «я»: здесь опять возникает проблема объяснения того, почему и в какой момент самосознание должно накладываться на сознание. Приняв существование

сознания «я» как должное, было бы, по крайней мере, проще предположить его существующим всегда. Нежелание согласиться с тем, что «я» инвариантно переживается в каждом осознании, есть в действительности следствие ошибочного взгляда, в соответствии с которым оно должно обнаруживаться только в сложных и преимущественно интеллектуальных переживаниях, тогда как по-настоящему его можно почувствовать в каждом примитивном и неразвитом осознании.

Психология «я» в ее полной форме, учение о том, что сознание всегда предполагает осознание «я», разрабатывалось Дж. Уордом, Й. Ремке, Р. Йерксом, Э. Гэмбл, Дж. Энджеллом и Ч. С. Джаддом. Дж. Энджелл говорит о «конкретном актуальном “я”». Он считает, что нормальное человеческое сознание никогда не есть простая нить состояний сознания. Оно всегда единство, в котором прошлое, настоящее и даже будущее вызывает чувство связи, формируемой интимно-личностным образом. А Джадд с одобрением упоминает ту позицию, согласно которой каждый человек с самого начала обладает непосредственным познанием «я», при условии что это учение будет дополнено признанием очевидной особенности – что это непосредственное осознание «я» не одно и то же в детстве и в зрелой жизни. Наконец, Е. Мейманн, Е. Дюрр, А. Пфендер и Н. Ах должны быть включены в число тех, кто открыто полагает, что в переживании всегда присутствует осознание «я».

Итак, многие психологи уверены в том, что осознают «я» и что не только непреднамеренная, но и экспериментальная интроспекция открыла это «я». Но остается вопрос: психолог, занимающийся проблемой «я», должен объяснить тот факт, что большое количество, вероятно, большинство психологов отрицает или игнорирует «я». Вообще такое отношение враждебности или незаинтересованности, по мнению М. У. Кэлкинз, объясняется тем, что психологи, о которых идет речь, не усматривают никаких следов «я» в своих собственных интроспекциях и в отчетах своих испытуемых и что они, соответственно, ставят под сомнение точность интроспективных отчетов относительно «я». Проблему, стоящую перед психологией «я», М. У. Кэлкинз формулирует следующим образом: если «я» действительно можно обнаружить с помощью научной интроспекции, то почему не каждый квалифицированный интроспектор сообщает об этом осознании «я»? В своих попытках ответить на этот вопрос психолог «я» прежде всего обратится к проблеме изложения фактов. Он обнаружит, что технические работы психологии без «я» полны терминов, присущих психологии «я»; что они избилуют ссылками на переживания, которые «я отмечаю» или которые «меня интересуют», либо определениями физической реальности, которая «переживается отдельно взятым субъектом». Одним словом, в психологии без «я» постоянно

подразумевается субъект, или «я», стабильно отличающийся от своих переживаний. Психологу, исследующему проблему «я», представляется напрасным объяснять эту застарелую привычку обращением к «я», диктуемым языковыми условностями, поскольку условие признания «я» как раз и есть тот факт, который требует объяснения.

Даже в экспериментальных протоколах психологии без «я» ведется речь о «субъективных» установках и проводится различие между «субъективными» и «объективными» интроспекторами. А в тщательно разработанных современных концепциях «установки» (*Bewusstseinslage*) и «обучения» или «проблемы» (*Aufgabe*), как и в возрожденных категориях «деятельности» и «диспозиции», психологи «я» находят наиболее очевидные указания на «я». Им представляется невозможным, чтобы сознание обучения происходило иначе, кроме как в форме осознания того, что кто-то обучается кем-то еще; и равно невозможно осознание установки, деятельности или диспозиции, кроме осознаваемых «я», которые активны, обладают диспозициями и сформированными установками.

Однако хотя психология без «я» и переоскакивает через это очевидное обстоятельство,

она всегда предполагает «я», и для психолога, занимающегося проблемой «я», очень трудно, если не невозможно, в каждом конкретном случае опровергнуть утверждение психологии без «я» о том, что термины «я» и «ты» суть лишь «вербальные лейблы».

Исследование проведено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 10-06-01303 а/Б «Психосоциальные проблемы трудовой миграции и адаптации этнических мигрантов»).

Примечания

- ¹ См.: *Calkins M. W.* The Self in Scientific Psychology // *American J. of Psychology.* 1915. № 26. P. 495–524.
- ² См.: *Calkins M. W.* Psychology : What Is It About // *J. of Philosophy.* 1908. № 5. P. 65–67.
- ³ См.: *Dunlap K.* The Self and the Ego // *Psychological Review.* 1914. № 21. P. 62.
- ⁴ См.: *Ferry R. B.* The Egocentric Predicament // *J. of Philosophy.* 1910. № 7. P. 56.
- ⁵ См.: *Ach N.* Über den Willensakt und das Temperament, eine experimentelle Untersuchung. Leipzig, 1910. 324 s.

ПЕДАГОГИКА

УДК 378.15

СУЩНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОГО КОММУНИКАТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

А. С. Большакова

Саратовский государственный университет
E-mail: alinissimo@yahoo.com

В статье рассматриваются сущностные характеристики мультикультурного коммуникативного взаимодействия и необходимость их использования в работе со студентами-филологами.

Ключевые слова: мультикультура, мультикультурное коммуникативное взаимодействие, межкультурная коммуникация.

Essential Characteristics of Multicultural Communicative Interaction

A. S. Bolshakova

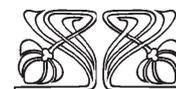
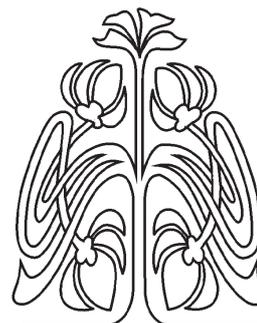
The article discusses essential characteristics of multicultural communicative interaction and the necessity of their use while educating philology students.

Key words: multicultural, multicultural communicative interaction, intercultural communication.

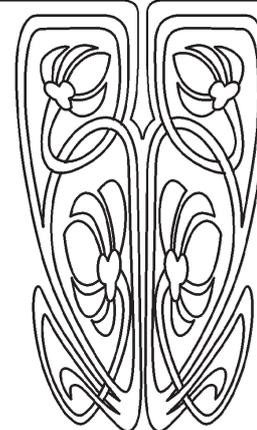
Современная социокультурная ситуация в нашей стране и мире характеризуется умножением взаимосвязей, взаимовлияния и взаимопроникновения различных культур. Национальные культуры давно перестали быть герметически закрытыми ареалами. Неоспоримым фактом наших дней стали все возрастающая миграция населения, грандиозные кросс-культурные контакты, межнациональные браки, экуменические движения, глобализация межличностных и профессиональных отношений.

Сегодня крайне важно уметь осуществлять взаимодействие с представителями разных культур для того, чтобы искать взаимоприемлемые решения, выработать согласованные действия, организовывать совместную деятельность, в том числе и по обмену информацией (коммуникации). В этой работе, столь необходимой в жизни современного общества, значительную роль могут сыграть студенты-филологи, которые в силу содержания профессиональной деятельности более других подготовлены к мультикультурному взаимодействию.

Что же такое «мультикультурное коммуникативное взаимодействие»? Осуществляется ли акцентированная подготовка к нему на филологических факультетах вузов? В толковом словаре иноязычных слов Л. П. Крысина «мульти» в переводе с латинского означает «много», «многое», «множественность», «многократность»¹. Принимая такое толкование этого слова, П. С. Гуревич определяет мультикультуру как единство, равноценное сосуществование национального и мирового в культуре, взаимопроникновение (но не поглощение) культур². А. И. Куропятник видит в мультикультуре «олицетворение этнического культурного многообразия»³. А. Ф. Еремеев считает, что мультикультура объединяет все уникальные особенности культур и служит установлению продуктивного диалога между народами⁴. Дж. Бэнкс определяет мультикультуру как идею, которая отражает

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

существование в обществе различных культур (расовых, этнических) и социальных групп. При этом для всего многообразия групп и их культур создаются равные условия существования⁵. По мнению П. Степанова, в современном обществе, где первостепенное значение имеют личность, ее интересы и права, возможность свободного выбора ею приемлемого образа жизни, важна открытость культуры любой социальной группы для взаимодействия с другими культурами. Происходит их смешение, взаимообогащение, взаимопроникновение. Такое явление, заключает П. Степанов, и называется мультикультурой⁶.

Необходимо отметить, что в научной литературе часто применяются и другие близкие по значению к этому понятия – «поликультурное» и «межкультурное». По нашему мнению, они не являются синонимами, хотя по содержанию в какой-то части признаков, их составляющих, совпадают. Так, понятие «поликультурное» означает признание множественности культур, но не включает в себя признаки взаимодействия этой множественности, и уж тем более не рассматривает поликультуру как единое целое: в нем *отражается только количественное множество культур и субкультур в мире*. Понятие «межкультурное», особенно часто применяемое в педагогике, характеризует, как правило, *отношения различных культур и их представителей в разных сферах, например в общении, но игнорирует при этом одновременную взаимосвязь, взаимодействие множества культур*⁷.

Таким образом, понятие «мультикультурное» – более широкое по своему значению, чем понятия «поликультурное» и «межкультурное», и, главным образом, отличающееся от последних наличием в содержании признака взаимодействия культур. Оно более емко и *более соответствует характеру диалогичности как сущностному признаку существования разнообразных культур*⁸. В контексте нашего исследования мы рассматриваем «*мультикультурное коммуникативное взаимодействие*» как *сторону общения* (наряду с коммуникацией и перцепцией) представителей сосуществующих в конкретных социальных пространствах разнообразных, равноправных и равноценных культур.

Мультикультурное коммуникативное взаимодействие при таком понимании характеризуется тем, что оно:

носит объективный (независимый от нашего желания) и универсальный (всеобщий в силу глобализации общественной жизни) характер;

является стороной процесса общения как важнейшей составляющей профессиональной деятельности филологов, обеспечивает единство их теоретической (научно-исследовательской) и практической деятельности по установлению взаимопонимания, продуктивного диалога и сотрудничества между представителями различных культур;

может быть эффективным только при условии адекватности позиций и стилей поведения участников тем ситуациям, в которых оно осуществляется;

выступает на всех уровнях (личностном, групповом, социальном) в двух основных типах взаимодействия: кооперации и конкуренции, которые в зависимости от содержания коммуникации (обмена информацией) могут иметь как положительное, так и негативное значение, присутствовать одновременно в профессиональной деятельности филолога.

Таким образом, мультикультурное коммуникативное взаимодействие – это важнейшая, сложная как по содержанию, так и по процессу осуществления составная часть профессиональной деятельности филологов, и вступление в него (либо уход от него) во многом предопределяется сформированностью у них профессионального интереса к подобной деятельности. Осуществляется ли акцентированная подготовка будущих филологов к этому виду деятельности?

Анализ Государственного образовательного стандарта по специальности «Филология» показывает, что термин «мультикультурное коммуникативное взаимодействие» в его содержании, что вполне ожидаемо, не используется. В то же время данное обстоятельство не дает оснований утверждать, что в этом документе не затрагиваются проблемы этой важнейшей стороны профессиональной деятельности специалиста-филолога в современных условиях. В нем используются два других, созвучных с «мультикультурным взаимодействием» понятия – «межъязыковая коммуникация» и «межкультурная коммуникация». Выявим, что под ними понимается и как они соотносятся с нашим пониманием «мультикультурного коммуникативного взаимодействия».

Межъязыковая коммуникация отнесена в стандарте (здесь и далее Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по специальности «Филология» для краткости мы будем именовать «стандарт») к области профессиональной деятельности специалиста-филолога – «...практическая и исследовательская деятельность филолога сосредоточена в области гуманитарного знания, межъязыковой коммуникации, образования и культуры» (раздел 3, п. 3.1.)⁹. При этом объектами профессиональной деятельности в данных областях выступают: «языки (отечественные и иностранные) в их теоретическом и практическом, историческом и диалектологическом аспектах; литература (отечественная и зарубежная) с учетом закономерностей ее развития в различных странах» (раздел 3, п. 3.2). Обращает на себя внимание то обстоятельство, что «межъязыковая коммуникация» – это не вид профессиональной деятельности будущего филолога, а *область деятельности* наряду с такими, как гуманитарное знание, образование, культура, *исследующая язык* в его теоретическом,

практическом, историческом и диалектологическом аспектах. Что же исследуется в этой области филологом? Ответ на этот вопрос мы находим в анализе содержания таких предлагаемых стандартов дисциплин, как «Общее языкознание: введение в языкознание» и «Общее языкознание: общее языкознание и история лингвистических учений». Предметом деятельности филолога в области межъязыковой коммуникации выступают закономерности развития языков, отношения их друг с другом, взаимосвязь и взаимовлияние языков друг на друга. Отмечается, что по мере умножения отношений между народами и государствами в экономической, политической, социальной, гуманитарной сферах усиливаются и углубляются взаимоотношения и взаимовлияние языков как знаковых систем друг на друга. Этот процесс носит необходимый, сущностный, внутренний, то есть закономерный характер, а следовательно, межъязыковая коммуникация выступает объективной основой мультикультурного взаимодействия как вида профессиональной деятельности филолога.

«Межкультурная коммуникация» рассматривается стандартом также как одна из областей социально-гуманитарной деятельности филолога. Отмечается, что в практической сфере филолог должен быть подготовлен к «осуществлению практической деятельности, связанной с использованием знаний и умений в области филологии в учреждениях образования, культуры, управления, в СМИ, в области межкультурной коммуникации и других областях социально-гуманитарной деятельности» (раздел 3, п. 3.3). Таким образом, термин «межкультурная коммуникация» используется в стандарте в широком его значении, а вернее, в том изначальном смысле, который он имел и имеет как культурологический термин.

Один из первых исследователей межкультурной коммуникации в России Е. Ф. Тарасов рассматривает это понятие как «общение носителей разных культур и обычно разных языков и, следовательно, общение разных национальных сознаний»¹⁰. С. Г. Тер-Минасова считает, что определение межкультурной коммуникации «очевидно из самого термина: это процесс общения людей, представляющих разные культуры, в том числе и профессиональные»¹¹. Такое же понимание феномена межкультурной коммуникации мы находим и у большинства западных исследователей. Б. Андрэ, Ю. Болтен заключают, что межкультурная коммуникация как многомерное явление включает язык, отражающий культуру народа, культуру, передающую своеобразие общественно-исторических условий, личность, формируемую в ходе практической деятельности, и является процессом взаимодействия культур, осуществляемого в определенном пространстве и времени¹². Следовательно, межкультурная коммуникация как область социально-гуманитарной деятельности – это, прежде всего, общение представителей

разных культур в самом широком значении этого слова, охватывающее все его стороны: собственно коммуникацию (обмен информацией), интеракцию (взаимодействие) и перцепцию (взаимопонимание). Это позволяет нам рассматривать мультикультурное коммуникативное взаимодействие как один из компонентов межкультурной коммуникации, которая понимается в Государственном образовательном стандарте в качестве важнейшей сферы деятельности студентов-филологов.

Таким образом, в стандарте по специальности «Филология» имплицитно содержатся необходимые и достаточные возможности для формирования у будущих филологов знаний, умений и навыков осуществления мультикультурного взаимодействия в сфере межкультурной коммуникации в профессиональной деятельности. В то же время в нем недостаточно акцентируется внимание на особой важности данной деятельности филологов в условиях углубляющегося и расширяющегося диалога культур в современном мире, на формировании у них профессионального интереса к этому виду деятельности, что в определенной степени объективно обусловлено требованием стандарта *иметь* только *представление* об истории, современном состоянии и перспективах избранной специальности. Не снимает данного противоречия и разработка новых стандартов, основанных на компетентностном подходе. В них межкультурная коммуникация представлена в прежнем ее понимании, не как «область профессиональной деятельности», и отнесена к тем компетенциям, которыми должен овладеть будущий специалист: в походе к этому понятию ничего не меняется по сути.

Имплицитный характер требований стандарта приводит к тому, что в учебных планах подготовки специалистов-филологов (мы проанализировали учебные планы и педагогическую практику подготовки филологов в целом ряде вузов) акцентуация внимания на важнейшей области их профессиональной деятельности – межкультурной коммуникации и, следовательно, мультикультурном коммуникативном взаимодействии как ее составляющей – предусмотрена только в курсе «Культурология». В силу слабых межпредметных связей между циклами дисциплин учебный план не побуждает преподавателей общепрофессиональных и специальных дисциплин к актуализации ранее полученных студентами знаний по мультикультурному взаимодействию в гуманитарных и социально-экономических циклах, что делает сформированную теоретическую базу набором знаний, не имеющих практического применения. Хотя такое применение и предусмотрено учебным планом в ходе учебной и производственной практики в одной из возможных областей профессиональной деятельности – в образовании и, как исключение, в органах управления, СМИ, межкультурной коммуникации, – оно не способствует формированию у них про-

фессионального интереса к мультикультурному коммуникативному взаимодействию.

Следствием является то, что в практической деятельности профессорско-преподавательский состав также не уделяет должного внимания формированию у будущих специалистов-филологов профессионального интереса к мультикультурному коммуникативному взаимодействию, что обусловлено главным образом слабой подготовленностью большинства преподавателей к этому виду профессиональной деятельности. Все это объективно порождает необходимость подготовки будущих филологов к мультикультурному коммуникативному взаимодействию, делает научные изыскания в этой области актуальными как в теоретическом, так и в практическом значении.

Примечания

- ¹ Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. 2-е изд., доп. М., 2000. С.8 56.
- ² Гуревич П. С. Философия культуры : учеб. пособие для студ. гуманитар. вузов. М., 1994. 317 с.
- ³ Куропятник А. И. Мультикультурализм : проблемы социальной стабильности полиэтнических сообществ. СПб., 2000. 210 с.
- ⁴ Еремеев А. Ф. Первобытная культура : происхождение, особенности, структура. Саранск, 1996. 140 с.
- ⁵ Бэнкс Дж. Мультикультурное образование : цели и

измерения // Новые ценности образования и мультикультурная среда школ. М., 1996. Вып. 4. С. 15–19.

- ⁶ Степанов П. У нации своя душа, свое духовное начало : цикл уроков в старших классах // Учительская газ. 2001. № 35. 28 авг.
- ⁷ Крылова Н. Б. Введение в круг культурологических проблем образования // Новые ценности образования и мультикультурная среда школ. М., 1996. Вып. 4. С. 132–152.
- ⁸ Иванова С. Ю. Мультикультурализм: идеология и политика социальной и этнокультурной стабильности полиэтнических обществ // Этнические конфликты : теория, экспертиза, технологии разрешения : материалы Всерос. науч.-электронной конф. с междунар. участием. Ставрополь, 2001. С. 127–134.
- ⁹ Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по специальности 021700 – «Филология». М., 2000.
- ¹⁰ Тарасов Е. Ф. Межкультурное общение – новая этнология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания : сб. ст. / отв. ред. Н. В. Уфимцева. М., 1996. С. 105–116.
- ¹¹ Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация : учеб. пособие. М., 2000. 14 с.
- ¹² Andree B. Interkulturalitaet im Fremdprachenunterricht. // Interkulturelle Kompetenz. Muenchen, 2004. S. 139–148; Bolten J. Interkulturelle Kompetenz. Erfurt, 2001. 124 s.

УДК 15: 378.1

ФОРМИРОВАНИЕ ГУМАНИТАРНОЙ КУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ-ИНЖЕНЕРОВ

М. В. Вишневецкая

Саратовский государственный университет
E-mail: mvvishnevskaya@mail.ru

Статья посвящена формированию гуманитарной культуры в условиях профессиональной подготовки студентов-инженеров. Дается анализ понятий «гуманизация» и «гуманитаризация», рассматривается вопрос о смысле и назначении гуманитарных дисциплин в будущей профессиональной деятельности студентов-инженеров.

Ключевые слова: гуманитарная культура, формирование гуманитарной культуры, гуманизация, гуманитаризация.

Forming the Humanity's Culture in the Professional Training of Future Engineers

M. V. Vishnevskaya

This article is devoted to the formation of the humanity's culture in the future engineers' professional training. Analysis of such concepts as

humanization and humanitarization is given, the question of meaning and purpose of the humanities in the future engineers' professional activity is considered.

Key words: humanity's culture, forming the humanity's culture, humanization, humanitarization.

Распространение и утверждение гуманистических идей повлекло необходимость переосмысления педагогических ценностей. Цель технического образования обогатилась приоритетами саморазвития, культурной и профессиональной самоорганизации личности, признанием будущего специалиста высшей ценностью образования. Возросло значение культуры в профессиональной

подготовке студентов технических вузов. Овладение системой знаний, необходимых для выработки профессиональных умений и навыков, дополнилось необходимостью формировать профессиональные знания и умения через гуманистические механизмы саморазвития и самоорганизации личности будущего специалиста.

Необходимость гуманитаризации технического образования определяется тем, что в подготовке технического специалиста продолжает сохраняться преобладание технократического подхода, снижающего статус гуманистических целей, присутствующих, наряду с техническими, в любой профессиональной деятельности. Приоритет технократического подхода ведет к утрате гуманистической осмысленности существования профессий и человека в них.

Идеологические стереотипы прошлого века привели к доминированию естественно-научного и технического образования над гуманитарным. Уже к концу XX в. стало очевидным, что технократическое образование себя не оправдало, а сложившаяся практика подготовки специалистов в технических вузах не соответствует требованиям современной жизни. Многие выпускники, имея хорошие профессиональные знания, обладали недостаточно высокой гуманитарной культурой. Большинство из них не владело навыками творческой деятельности и не испытывало потребности в непрерывном самообразовании. Объяснить это можно тем, что классическая модель подготовки инженеров была нацелена на предоставление студентам необходимой суммы специальных знаний для обеспечения профессиональной компетентности будущих специалистов в ущерб гуманитарной подготовке.

Глобальные перемены, происходящие в нашей стране, не могли не отразиться на системе образования, которая выявила необходимость ее адекватной перестройки. Многие ученые согласны с тем, что сегодня перед российским обществом стоит серьезная задача создания и реализации концепции непрерывного развивающего образования, которая учитывала бы социокультурные особенности страны и соответствовала бы современным требованиям, предъявляемым к системе образования¹. При этом выбор концепции образования должен определяться не только внутренними, но и внешними факторами, то есть процессами, происходящими в мировом сообществе, поэтому система образования в России должна соответствовать общим мировым стандартам, которые являются основой единого информационно-образовательного пространства, обеспечивающего каждому человеку возможность считать себя членом не только своего общества, но и мирового сообщества.

За последние несколько лет сделаны важные шаги по осуществлению концепции реформирования системы российского образования, в частности по обучению учащихся и студентов в

рамках целостной культуры, взятой в единстве ее гуманитарного, естественно-научного и технико-технологического компонентов².

Все большее внимание уделяется общекультурной подготовке студентов и овладению ими фундаментальными знаниями как наиболее долговечными и значимыми в современном образовании. Это позволит решить проблему изолированности гуманитарной и технической культур, сформировать представления, умения и навыки современного мышления.

Большинство ученых согласно с тем, что процесс гуманитаризации и гуманитаризации является одним из основных принципов реформы высшего образования. Несмотря на то что этот вопрос уже долгое время является темой обсуждения для многих авторов, эти идеи еще недостаточно интегрированы в систему высшего профессионального образования. Существует большое количество научных работ, посвященных данной проблеме. Их общей целью можно назвать устранение противоречия между возросшим объемом знаний человека об окружающем его мире и недостатком личностного знания о самом человеке³.

Процесс гуманитаризации рассматривается как важнейший социально-педагогический феномен, который является условием гармоничного развития личности и отражает современные тенденции развития всей системы образования⁴. Многие исследователи (Н. Крылова, Ю. Громыко, В. Давыдов, Е. Шиянов и др.) согласны с тем, что гуманитаризация является основным элементом нового педагогического мышления, одной из важнейших задач которого является выявление гуманистического потенциала образования, его отношения к человеку как субъекту познания, общения и творчества⁵.

Основной целью гуманитаризации образования является формирование у студентов нового восприятия социальной реальности, в центре которой стоит человек с его потребностями и интересами. Следует отметить, что гуманитаризация – это не просто увеличение числа дисциплин гуманитарного профиля, но и изменение внутренних приоритетов образования, учитывающих гуманистически ценности, потому что, как известно, общество не может успешно развиваться без учета ценностных устремлений человека⁶.

Проведенный анализ понятий гуманитаризации и гуманитаризации позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на неоднократное обращение к ним исследователей и накопленные теоретические знания, они нуждаются в дальнейшей разработке.

Гуманистическая направленность образования меняет привычное представление о его цели как формировании систематизированных знаний, умений и навыков. Если профессиональная подготовка специалиста призвана освоить какую-то отдельную сферу человеческой деятельности, то гуманитарная подготовка направлена на целостное, интегральное восприятие мира. Многие

авторы согласны с тем, что гуманитарное знание не имеет себе равных по объему и разносторонности⁷. Для достижения необходимого уровня гуманитарной оснащенности будущего инженера недостаточно только решения проблемы качества преподавания дисциплин гуманитарного цикла – здесь встает вопрос о позитивной мотивации студентов. Не секрет, что в сознании студентов до сих пор существует противопоставление «технари – гуманитарии». Особо следует учитывать особенность восприятия гуманитарной информации. Специальную информацию студенты воспринимают без особого сопротивления – это надо для работы на производстве, эту информацию потребует занимаемая должность, наконец, всегда есть мнение коллектива о хорошем и слабом специалисте⁸.

При рассмотрении вопроса о смысле и значении гуманитарной составляющей учебной программы почти всегда возникает проблема восприятия студентами гуманитарных знаний. Студенты, занимающие такую позицию, утверждают, что знание истории, философии, иностранного языка или других гуманитарных дисциплин в их будущей профессиональной деятельности им не понадобится, потому гуманитарная информация ими воспринимается избирательно. Эта избирательность и неприязнь зачастую усиливается скучным, по словам студентов, наполнением гуманитарных дисциплин.

По мнению А. Андреева, скучными эти предметы становятся из-за слабой связи между изучаемым материалом и теми проблемами, которые волнуют студентов. Г. Сорокин видит здесь проблему в качестве преподавания, подобной точки зрения придерживаются и другие авторы, в том числе и Е. Акулова, которая определяет проблему профессионального преподавания гуманитарных наук в техническом вузе как чрезвычайно острую. Принцип интеграции естественных, технических и гуманитарных наук больше декларируется, чем реализуется. Почти не разрабатываются междисциплинарные курсы и предметы, преподаватели привыкли действовать в рамках своего предмета, да и государственные образовательные стандарты высшего образования не раскрывают данной проблемы⁹. Для ее решения А. Андреев предлагает разрабатывать технологию современной гуманитарной педагогики прицельно, принимая во внимание связь между содержанием учебного процесса и его формами с одной стороны и культурно-психологическими особенностями студенческой среды технического вуза – с другой¹⁰.

Информацию об отношении студентов технических вузов к гуманитарным дисциплинам можно получить из материалов исследований, проводившихся на протяжении нескольких последних лет. Например, по данным социологических исследований, в среднем 60% опрошенных студентов уверены в полезности дисциплин гуманитарного и социально-экономического ци-

клов¹¹. Остальные 40% считают эти дисциплины бесполезными для своей будущей профессиональной деятельности либо затрудняются оценить их значимость. Соответствующими социальными качествами в своей профессиональной деятельности будут руководствоваться не более 1/3 выпускников технических вузов.

Результаты исследований лаборатории социологических исследований Московского энергетического университета показывают, что подавляющее большинство респондентов отдало предпочтение максимально широкой модели образования, включающей в себя изучение не только профессиональных дисциплин, но и наук, позволяющих успешно адаптироваться к условиям современной жизни, а также способных удовлетворить духовные запросы человека, сформировать общее понимание жизни. Около 1/3 респондентов твердо уверены в том, что гуманитарные знания им понадобятся, столько же считают, что получение ими таких знаний скорее нужно, чем бесполезно, и лишь каждый десятый студент младших курсов и 6% старшекурсников не видят в них никакой необходимости¹².

По данным этого исследования можно судить и о задачах изучения гуманитарных дисциплин, среди которых наибольшую поддержку получили задачи развивающего характера, такие как расширение кругозора, повышение общей культуры, развитие самостоятельного мышления и творческих способностей. Таким образом, авторы исследования делают вывод о том, что узко профессиональный подход к образованию среди студентов не так популярен, как это кажется на первый взгляд. Большая часть студенчества считает гуманитарную подготовку неотъемлемым признаком образованности.

В процессе изучения гуманитарных дисциплин достоянием личности студента становится опыт открытия и субъективизации ценности гуманитарного знания, отраженных в содержании гуманитарных наук. Поэтому особую актуальность приобретает проблема формирования у студентов ценностного отношения к гуманитарным знаниям, в частности к дисциплине «иностранный язык». В современном представлении университетский специалист – это широко образованный человек с фундаментальной подготовкой, соответственно, иностранный язык такого специалиста представляет собой и орудие производства, и часть культуры, и средство гуманитаризации образования¹³. С. Третьяк описывает эту дисциплину как важное звено между специальными и гуманитарными общеобразовательными дисциплинами. Потенциал данного учебного предмета настолько велик, что позволяет использовать его для освоения как гуманитарных, так и естественно-научных знаний¹⁴. В условиях возобновленных контактов отечественных промышленников и предпринимателей с зарубежными партнерами работодатель предпочитает выпускников с

хорошей языковой подготовкой: ценятся такие специалисты, которые и ориентируются в своей предметной области, и уверенно себя чувствуют в иноязычной среде. Стоит отметить, что переход России в единое европейское пространство высшего образования в рамках Болонского процесса также стимулирует изучение иностранных языков и других культур. К тому же передача информации по специальности, общение с зарубежными коллегами зачастую осуществляются специалистами через Интернет, а это связано прежде всего с владением иностранными языками. Техническая литература по многим специальностям, языки программирования, профессионально важные материалы в сети Интернет предоставлены на иностранном языке, чаще всего на английском. Эти факторы являются благодатной почвой для эффективного формирования ценностного отношения студентов к гуманитарному компоненту образования, в том числе и на базе иностранного языка.

На наш взгляд, целесообразно говорить о разработке специального методического обеспечения языковой подготовки в техническом вузе, направленного на формирование общечеловеческих ценностей. Нами была разработана система ситуаций, направленная на развитие гуманитарно-ориентированного сознания будущего специалиста в условиях личностно-ориентированной системы преподавания иностранного языка в техническом вузе. Был подобран комплекс материалов (статей, данных социологических исследований), включающий такие темы, как требования работодателей к молодым специалистам, рекомендации по трудоустройству выпускников, влияние СМИ на формирование мировоззрения молодежи, вопрос понимания, что такое перспективная работа, влияние природных катаклизмов на международные отношения, цена славы, истоки жестокости среди молодежи, специализированные периодические издания на иностранном языке, как сделать обучение в вузе более интересным. Метод комплексного анализа обсуждаемой проблемы позволил сформировать о ней целостное представление и выработать обоснованную позицию по данному вопросу. Разработанная система ситуаций создает условия для осознания студентами значимости владения иностранным языком как средством саморазвития, самообразования и самореализации; подобранные ситуационные задания обеспечивают положительный эмоциональный фон при изучении иностранного языка.

Таким образом, при соответствующем подходе к языковой подготовке в техническом вузе иностранный язык становится средством профессионального самовыражения и самосовершенствования, создает необходимые условия для эффективной гуманитаризации образования, способствует формированию ценностного отношения к гуманитарному компоненту образования в целом.

Дисциплины гуманитарного цикла способствуют формированию мировоззренческих позиций будущего специалиста, знаний и умений, мотивации самосовершенствования и самовоспитания в учебной и будущей профессиональной деятельности, творческого мышления. Именно они способствуют, будучи неотъемлемой частью инженерного образования, пониманию студентами места и значения своей профессии в научно-техническом прогрессе, стимулируют осознание возможностей использования гуманитарных знаний как средства решения профессиональных задач, социального престижа профессии, то есть содействуют углублению профессионального мировоззрения. Знание гуманитарных дисциплин расширяет рамки инженерного творчества, дисциплинирует мышление, формирует логическую полноту суждений, интуицию и другие свойства личности, наличие которых определяет формирующийся в процессе обучения уровень научных основ профессиональной деятельности.

Примечания

- 1 См.: Андреев А. Гуманитарная педагогика высшей технической школы // Высшее образование в России. 2008. С. 119–127; Шиянов Е. Н. Теоретические основы гуманизации педагогического образования: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 1991. 34 с.; Третьяк С. В. Формирование у студентов ценностного отношения к гуманитарному компоненту профессионального образования: дис. ... канд. пед. наук. М., 2003. 151 с.
- 2 Шереги Ф. Э., Харчева Г., Сериков В. В. Социология образования. Прикладной аспект. М., 1997. 304 с.
- 3 Сорокин Г. М. Проблемы гуманитаризации технического образования в вузе. Ставрополь, 2006. 83 с.; Шереги Ф. Э., Харчева Г., Сериков В. В. Указ. соч.; Шиянов Е. Н. Указ. соч.
- 4 См.: Шиянов Е. Н. Указ. соч.; Сорокин Г. М. Указ. соч.; Шиянов Е. Н. Указ. соч.
- 5 Там же.
- 6 Шереги Ф. Э., Харчева Г., Сериков В. В. Указ. соч.
- 7 Андреев А. Указ. соч.; Сорокин Г. М. Указ. соч.; Шиянов Е. Н. Указ. соч.
- 8 Сорокин Г. М. Указ. соч.
- 9 Акулова Е. А. Личностно-деятельностный подход в обучении студентов технического университета предметам гуманитарного профиля: дис. ... канд. пед. наук. М., 2003. 170 с.
- 10 См.: Андреев А. Указ. соч.
- 11 Шереги Ф. Э., Харчева Г., Сериков В. В. Указ. соч.
- 12 Андреев А. Указ. соч.
- 13 Тер-Минасова С. Г. Что мешает повышению качества преподавания иностранных языков как средства общения между профессионалами // Вест. МГУ. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. № 3. С. 7–12.
- 14 См.: Третьяк С. В. Указ. соч.

УДК. 378:811.111

ЭЛЕКТРОННЫЙ УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ

А. А. Дробышевский

Саратовский государственный аграрный университет
E-mail: andreydr@list.ru

В статье рассматриваются вопросы организации самостоятельной работы студентов с применением электронного учебно-методического комплекса.

Ключевые слова: электронный учебно-методический комплекс, организация самостоятельной работы, компьютерные технологии.

E-teaching and Methodical Complex of an Independent Work of Students.

A. A. Drobishevskiy

This article deals with the problem of organization of an independent work using educational and methodical complex.

Key words: e-teaching and methodical complex, organization of an independent work, computer technologies.

Применение компьютерных технологий в самостоятельной работе студентов не изменяет ее сущности и не отменяет последовательности мероприятий, которую нужно осуществить преподавателю для ее организации и студенту в ходе ее проведения. Они позволяют автоматизировать этот процесс, значительно сократить его по времени, сделать доступным для изучения студентом необходимых учебно-методических материалов в любое удобное для него время посредством разработки и внедрения в учебный процесс электронных учебно-методических комплексов. Содержание таких комплексов определяется набором компьютерных программ, которые при этом используются, разрабатывается преподавателем и в значительной степени обуславливается характером учебной дисциплины¹. Вариант такого комплекса по курсу «Психология и педагогика» для технического вуза представлен в статье.

Электронный учебно-методический комплекс самостоятельной работы по данной дисциплине включает в себя: меню; электронные конспекты лекций по темам курса; тестовые задания по каждой теме, модулю, всему курсу; список тем докладов, сообщений, вопросов и литературы для подготовки к семинарским занятиям; список тем рефератов по курсу; кроссворды; глоссарий; темы студенческих конференций по каждому модулю; вопросы для подготовки к сдаче модулей (курс «Психология и педагоги-

ка» для специальности «механизация сельского хозяйства» поделен на два модуля); вопросы для подготовки к зачету по курсу; электронный дневник группы.

В «меню» представлены система авторизации (студенту нужно набрать три последние цифры номера зачетной книжки) и названия основных разделов комплекса: «Конспекты», «Тесты», «Семинары», «Рефераты», «Кроссворды», «Глоссарий», «Конференции», «Вопросы», «Электронный дневник группы». Проведя авторизацию и выбрав любой из них, например «Конспекты», пользователь открывает перечень тем входящих в него электронных конспектов; когда пользователь выбрал тему, открывается перечень учебных вопросов темы; выбрав вопрос, пользователь получает доступ к электронному конспекту.

Каждый «электронный конспект» содержательно ограничивается рамками одного учебного вопроса и включает в себя: информационный текст, в котором в сжатом, тезисном виде изложены основные теоретические положения темы; представление этого же материала в виде схем, графиков, таблиц; вопросы для самопроверки усвоенных знаний; список основной и дополнительной литературы; рекомендации по самоконтролю качества усвоения («конспект» рекомендует студенту перейти в раздел «Тесты» и выполнить тестовые задания по данному вопросу).

Раздел «Тесты» содержит наборы заданий, сгруппированных по учебным вопросам, темам, модулям, всему курсу, методику оценки выполнения каждой группы тестов. Выполнение каждой группы тестов ограничено по времени в зависимости от их количества и сложности, на экране монитора постоянно отсчитывается время, которое осталось на их выполнение, студент может выбирать выполнение тестов в любой последовательности. По истечении времени программа оценивает качество выполнения тестов и заносит оценку в электронный дневник студенческой группы. Если эта оценка студента не устраивает, он может возвращаться к выполнению задания любое количество раз, при этом программа зафиксирует количество «посещений», за которые был достигнут итоговый результат.

В разделе «Семинары» – необходимая для студента информация по подготовке к ним: тема, вопросы для обсуждения, темы докладов (если они предусмотрены), фиксированных сообщений, перечень литературы для изучения, список электронных адресов учебных сайтов, где можно найти сведения по теме семинара, приглашение принять участие в виртуальной студенческой конференции по этой теме.

Перейдя в раздел «Конференции», студент выбирает тему, а затем степень своего участия в ней. Он может представить доклад (не более одной страницы), сообщение (полстраницы), высказать свое мнение, реплику по поводу содержания дискуссии, при этом студент может назвать себя, а может сделать это анонимно. Его участие в виртуальных конференциях оценивается преподавателем; конференции «проходят» в течении одной-двух недель, их одновременно может проходить несколько.

Раздел «Рефераты» содержит перечень тем, которые можно подготовить по учебному курсу, правила оформления реферата и представление его в данном разделе. Любой студент может ознакомиться с ним и использовать его в учебных целях. Каждый размещенный в этом разделе реферат проверяется и оценивается преподавателем, результаты размещаются здесь же.

Раздел «Кроссворды» носит игровой характер, здесь размещаются собственно кроссворды, сканворды, криптограммы, ребусы по темам учебного курса, решая и разгадывая которые, студент отдыхает и учится одновременно. Посещение раздела добровольное, и оценки не выставляются.

«Глоссарий» – справочный раздел, где помещаются расположенные в алфавитном порядке основные понятия учебного курса, которые обязательно должен знать студент. «Вопросы» включают в себя перечень вопросов для подготовки к сдаче модулей и зачета по учебному курсу, здесь же даются общие рекомендации по подготовке к ним, порядок сдачи и пересдачи в случае неуспеха.

В разделе «Электронный дневник группы» фиксируются все «посещения» студентами

комплекса. Открыв его, преподаватель может видеть, кто его посещал, с какой целью (где работал), какое количество баллов набрал за тестирование, участвовал ли в конференции, взята ли тема для реферата, сделан ли он. Зайдя в соответствующие разделы комплекса, можно проанализировать студенческие работы и оценить их, поставив отметку за них в электронном дневнике.

Применение подобного комплекса в практике Саратовского государственного аграрного университета им. Н. И. Вавилова показало, что студенты активно работают с ним. Так, среднее количество «посещений» на одного студента за семестр (а именно столько изучается учебная дисциплина) составило 23 раза (общее количество посещений – 575). Студенты подготовили и разместили в «комплексе» 47 рефератов, 52 доклада и 60 сообщений. С учетом того что плановых семинарских занятий по курсу восемь, каждый студент группы более шести раз «выступил» с докладом и столько же сделал сообщений. При традиционной организации самостоятельной работы такая активность просто физически невозможна. Студенты активно участвовали и в конференциях: всего их проводилось четыре, в них приняли участие все студенты группы, в среднем каждый трижды участвовал в каждой конференции. Он мог высказать реплику, сделать сообщение, доклад, задать вопросы и т.п. Электронный учебно-методический комплекс способствует активизации самостоятельной работы студентов, позволяет преподавателю осуществлять постоянный контроль и получать обратную связь, повышает интерес студентов к изучаемым дисциплинам.

Примечания

- ¹ См.: Бовтенко М. А. Компьютерная лингводидактика. М., 2005. 216 с.; Брановский Ю. С., Шапошникова Т. Л. Информационные инновационные технологии в профессиональном образовании : учеб. пособие. Краснодар, 2001. 415 с.; Иванов В. Л. Структура электронного учебника // Информатика и образование 2001. № 6. С. 62–71.

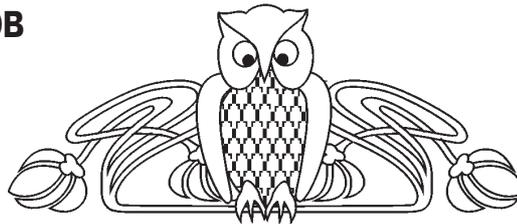

УДК 378

ФОРМИРОВАНИЕ У БУДУЩИХ МЕНЕДЖЕРОВ ОТВЕТСТВЕННОГО ОТНОШЕНИЯ К ПРИНЯТИЮ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

О. В. Шерстнёва

Саратовский государственный университет
E-mail: turchinga@into.sgu.ru

Статья посвящена рассмотрению теоретических аспектов проблемы формирования у будущих менеджеров ответственного отношения к принятию управленческих решений. Проведен анализ сущности понятий «принятие решений», «ответственность», «ответственное отношение к принятию управленческих решений», на основе которого определена структура ответственного отношения к принятию управленческих решений, выявлены условия его формирования у будущих менеджеров.

Ключевые слова: ответственность, ответственное отношение к принятию управленческих решений.

Formation at the Future Managers the Responsible Relation to Acceptance of Administrative Decisions

O. V. Sherstneova

Article is devoted consideration of theoretical aspects of a problem formations at the future managers of the responsible relation to acceptance administrative decisions. The analysis of essence of concepts «decision-making» is carried out, «responsibility», «the responsible relation to acceptance of administrative decisions» on which basis the structure of the responsible relation to acceptance of administrative decisions is defined, conditions of formation at the future managers are revealed.

Key words: responsibility, responsible attitude, management decision making.

Менеджер в современном понимании – это руководитель или управляющий, занимающий постоянную должность и наделенный полномочиями в области принятия решений по конкретным видам деятельности организации, функционирующей в рыночных условиях. Термин «менеджер» имеет довольно широкое распространение и употребляется применительно: 1) к организатору конкретных видов работ в рамках отдельных подразделений или программно-целевых групп; 2) к руководителю предприятия в целом или его подразделения; 3) к руководителю по отношению к подчиненным; 4) к администратору любого уровня, организующему работу, руководствуясь современными методами¹.

Эффективность управленческой деятельности менеджера определяется: качеством принимаемых управленческих решений, которое обеспечивает запланированный результат при

рациональном использовании умственных и физических сил, а также средств управления; эффективностью результата, т. е. его максимальным соответствием потребностям системы управления; эффективностью применения – возможностью использования полученного результата для формирования и дальнейшего развития системы.

Применительно к управленческой деятельности решение представляет собой принятое руководителем окончательное суждение о целях, способах действий организации и подчиненных ему субъектов²; обоснованный выбор варианта действий, который в существующих условиях позволяет лучше других использовать возможности имеющихся средств и объективных обстоятельств для наиболее полного удовлетворения назревшей потребности³.

При этом под принятием управленческого решения понимается процесс психологической подготовки руководителя к осуществлению сознательного выбора наилучшего варианта из множества с целью выработки оптимального суждения о целях и способах действий⁴.

Именно процесс принятия решения порождает психологическую установку, волевою готовность и нравственную регуляцию деятельности, связывает мыслительные процессы психологическим напряжением, волевыми усилиями и нравственными приоритетами, переводит задуманное в реальность. Вместе с четким осознанием варианта предстоящих действий к человеку приходит и чувство ответственности за сделанный выбор, его реализацию, результаты и последствия, которое усиливается осознанием того, что при выборе одного варианта из множества менеджер ставит себя и других людей в такое положение, которое имеет объективный характер и не подлежит изменению. В этой связи менеджер как организатор и ведущий субъект управленческой деятельности должен быть подготовленным (теоретически и практически) и обладать чувством ответственности, распространяющимся на управление в целом и принятие управленческих решений в частности.

Проблема ответственности, ответственного отношения к принятию управленческих решений приобрела в современных условиях исключи-

тельную значимость в силу изменения социокультурного пространства нашего общества, модификации социальных и личностных приоритетов во всех сферах жизнедеятельности, что ставит менеджеров в отношении ответственной зависимости от необходимости реализовать свой потенциал в новых для них условиях.

По мнению Н. А. Минкиной, «ответственность представляет собой аспект любых отношений, в которых реально находятся люди, реализующие как субъекты сознательных действий объективно возлагаемые на них обязанности»⁵. При этом ответственность предполагает наличие контроля за деятельностью субъекта на разных ее этапах, характеризуя ответственность либо с позиции общества (внешние санкции), либо с позиции самого субъекта (внутренняя ответственность). В первом случае ответственность выступает как средство внешнего контроля и внешней регуляции деятельности личности, которая выполняет должное вопреки своему желанию. Во втором случае речь идет об ответственности, которая отражает отношение к должному самого субъекта, его активность и готовность осуществлять должные действия (ответственность служит здесь средством внутреннего контроля и внутренней регуляции, или саморегуляции деятельности личности, которая выполняет должное сознательно и добровольно).

Управленческая деятельность по своим функциям, общественной значимости, интеллектуальным, психофизиологическим нагрузкам является одной из самых сложных и ответственных ввиду ее социальной обусловленности и вариативности принимаемых менеджером решений, основанных на профессиональном опыте и личностной компетентности в поле действия социально-нравственных норм, регулирующая роль которых становится сегодня важнейшим фактором повышения эффективности и авторитета управленческой деятельности. По мнению Г. В. Атаманчука, «без нравственной ответственности трудно надеяться на качественные сдвиги в отношении ответственности вообще»⁶. Отсюда следует, что стремление повысить профессионально-нравственный статус личности будущего специалиста, его нравственная ответственность за принимаемые решения и совершаемые действия должны быть связаны с нравственной позицией личности. В общем смысле (Е. В. Бондаревская, А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн, Д. И. Фельдштейн) позиция личности может быть охарактеризована как системное отношение соответствующих психических компонентов, позволяющее личности определенным образом осуществлять свое взаимодействие с внешней, прежде всего социальной, и внутренней, субъектной средой.

Нравственная позиция, по нашему мнению, являясь составляющим элементом профессиональной позиции специалиста управленческого профиля, представляет собой систему его от-

ношения к морально-нравственным нормам и правилам, характерным для сферы профессионального труда, устойчивость нравственной мотивации и осознание нравственной ответственности, принятой на субъективно значимом уровне.

В проведенном выше анализе при характеристике категории «ответственность» и сопряженных с ней понятий мы достаточно часто употребляли термины «отношение», «ответственное отношение». В психологической науке (В. М. Бехтерев, А. Ф. Лазурский, В. Н. Мясищев и др.) отношение рассматривается как сложное психическое образование, структурный компонент личности, исследуемый во взаимосвязи с сознанием, жизненными целями и смыслами жизни, ценностными установками и ценностными ориентациями. Полагаем, что ответственное отношение личности к принятию управленческих решений представляет собой ее позицию, обеспечивающую нравственную регуляцию управленческой деятельности менеджера в сфере принятия управленческих решений и действий, направленных на его реализацию. При этом в структуре ответственного отношения к принятию управленческих решений мы выделяем мотивационно-ценностный, когнитивный, креативно-смысловой и конатативный компоненты, каждому из которых соответствуют определенные профессионально-личностные свойства специалиста управленческого профиля.

Мотивационно-ценностный компонент ответственного отношения включает в себя систему ценностей, которые проявляются у будущего менеджера в виде нравственных идеалов, интересов, убеждений, установок, мотивов и принципов выбора целесообразной линии профессионального поведения в соответствии с потребностями общества и профессиональной этикой. Когнитивный компонент характеризуется разной степенью осознания и понимания личностью своих профессиональных обязанностей. Креативно-смысловой обозначает личностный смысл, который придается отношению. Конатативный компонент выражается в степени готовности (сформированности компетентности) личности к практической реализации профессиональных обязанностей по принятию управленческих решений. Степень развития данных компонентов может быть разной и отражать уровень ответственного отношения личности к принятию управленческих решений.

Формирование ответственного отношения личности будущего менеджера к принятию управленческих решений – сложный и длительный процесс, организация которого в управленческом вузе требует создания и обеспечения эффективных условий. Как показывает анализ образовательного процесса, к таким условиям можно отнести: 1) нормативно-правовые – постоянное и активное совершенствование обучения, повышение качества его информационно-методиче-

ского обеспечения, налаживание нормативных горизонтальных управленческих связей как внутри образовательного учреждения, так и во внешней среде, использование в отношении таких общественных институтов воздействия на сознание, поведение и деятельность людей, как нравственные нормы, традиции и обычаи, общественное мнение, нормативно закрепленные в политике вуза в области качества образования, развитие и реализация системы стимулирования как канала взаимосвязи нормативно-социального и психического, ориентированного на сознание, поведение и деятельность человека; 2) социально-нравственные – усиление профессионально-нравственной направленности социально-гуманитарных, общепрофессиональных и специальных дисциплин, помогающих студентам правильно определить свои профессиональные и нравственные позиции, понять и принять общечеловеческие ценности, идеалы и приоритеты профессиональной деятельности, постичь самих себя, мотивы своего поведения, свое отношение к принятию управленческих решений, а также спроектировать свою будущую профессиональную деятельность и реализовать свои творческие возможности; 3) информационно-методические – информированность преподавателей и сотрудников управленческого вуза обо всех сторонах жизнедеятельности студентов, о фактах, содействующих или препятствующих реализации поставленных задач; 4) мотивационные – развитие потребностно-мотивационной сферы студентов с учетом индивидуальных потребностей личности и в соответствии с социально-профессиональными приоритетами; 5) операциональные – развитие операциональной сферы будущего менеджера на основе изучения главных направлений

профессиональной деятельности специалистов данной категории, требований, предъявляемых к ним в аспекте реализации профессиональных функций с учетом нравственной составляющей деятельности; наличие в управленческом вузе адекватной профессионально направленной среды.

Процесс формирования у студентов управленческого вуза ответственного отношения к принятию управленческих решений, подчиняясь общим закономерностям и принципам формирования личности как таковой, включает определенную систему взаимообуславливающих и взаимодействующих факторов, внешних и внутренних, интенсивных и экстенсивных, поступающих из различных по значимости источников и детерминирующих превращение потока информации в установки ответственности и ориентации на определенные формы поведения в процессе принятия и реализации управленческих решений.

Примечания

- 1 См.: Психология управления персоналом : пособие для специалистов, работающих с персоналом / под ред. А. В. Батаршева, А. О. Лукьянова. М., 2005. 624 с.
- 2 Там же.
- 3 См.: *Кодин В. Н., Литягина С. В.* Как работать над управленческим решением. Системный подход : учеб. пособие. М., 2008. 192 с.
- 4 См.: *Балдин К. В., Воробьев С. Н., Уткин В. Б.* Управленческие решения : учебник. М., 2005. 496 с.
- 5 *Минкина Н. А.* Воспитание ответственностью : учеб. пособие. М., 1990. С. 56.
- 6 *Атаманчук Г. В.* Теория государственного управления : курс лекций. 4-е изд., стер. М., 2006. С. 230.